
НОВОСЕЛЬСКИЙ
ВЕЛИКАЯ ВОЙНА
1409 – 1411 ГОДОВ
ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА
МИНСК
2010

В.В. Новосельский

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА 1409 – 1411 ГОДОВ

Грюнвальдская битва

Минск
Блайда
2010

УДК 94(476:4)«1409–1411»
ББК 63.3(4Бел)
Н76

Рецензент:

доктор социологических наук,
профессор – *Р.В. Гребенников*

Новосельский, В.В.

Н76 Великая война 1409–1411 годов. Грюнвальдская битва / В.В. Новосельский. – Минск: Элайда. 2010. – 290 с.

ISBN 978-985-6753-80-3

Предлагаемое исследование «Великая война 1409–1411 годов. Грюнвальдская битва» являясь лишь небольшой частью (6 из 45 глав) объемного труда, посвященного истории Великого княжества Литовского, в тоже время выступает как вполне самостоятельное, логически законченное произведение. На основе многочисленных первоисточников автор подробно разбирает причины, ход и последствия военного конфликта между Польским королевством, Великим княжеством Литовским и Тевтонским орденом. Битва, состоявшаяся 15 июля при Грюнфельде-Танненсберге-Людвигсдорфе, являлась кульминацией всей войны, наивысшей точкой накала в многовековом противостоянии славян и балтов немецкому движению на восток. Она вошла в историю как яркий пример триумфа воли и мужества белорусов, литовцев, украинцев, русских, поляков, татар, а также ряда других народов, выступивших единым фронтом против общей угрозы. Автор первостепенное значение придает выяснению истинных причин громкого успеха союзников. На исторических фактах доказывается решающая роль в победе тактического плана Витовта по ложному отступлению и разгрому сначала войск маршала Фридриха фон Валленрода, а затем вместе с поляками и всей армии Ордена. В книге показаны реальные масштабы одной из самых грандиозных битв Средневековья, и те, необратимые последствия для стран Центральной Европы, к которым привел Грюнвальд.

УДК 94(476:4)«1409–1411»
ББК 63.3(4Бел)

ISBN 978-985-6753-80-3

ВВЕДЕНИЕ

Несколько слов о самом главном в одной запутанной истории шестисотлетней давности или кто истинный виновник громкой победы при Грюнвальде

В процессе упорной трехсотлетней борьбы за существование и выживание балто-славянским народам, вошедшим в состав нового государства под названием Великое княжество Литовское, пришлось пережить многие трудности, испытать самые крутые повороты судьбы. Белорусам и литовцам, русским и украинцам, пока еще окончательно не сформировавшимися в единую нацию или хотя бы в отдельные самостоятельные народы в составе Великого княжества, довелось на протяжении многих поколений вести упорную борьбу с Тевтонским орденом, Польшей, Золотой Ордой, Северо-Восточными землями Руси и Московским княжеством. Отстаивая свою свободу и независимость, местное население не раз сталкивалось с жестокостью захватчиков, ложило головы в непримиримых схватках со смелым, умным и коварным, врагом. Оно в полной мере испытало на себе не только ужас вражеских нашествий, погромов и разорений, но и все «прелести» испепеляющего огня внутренней смуты. Кровавые войны и яростные сечи стали неотъемлемой чертой повседневной жизни огромного количества людей. Великое княжество, однако, смогло выстоять, и, несмотря ни на что, снова возродиться при Витовте до небывало высокого уровня военно-политического, экономического и культурного могущества, чтобы в 1569 году навсегда потерять независимость. Находясь под угрозой поглощения Москвой, шляхта Великого княжества решила добровольно войти в составе Речи Посполитой. Иначе говоря, Люблинская уния для литовско-белорусского государства явилась тем, чем Грюнвальд стал для Тевтонского ордена – началом конца. Ис-

пользуя древнерусскую или старобелорусскую поговорку можно сказать, что хрен и в самом деле оказался не слаще редьки, так как очень скоро жалкие остатки растерзанного Московским царством Великого княжества были полностью поглощены католической Польшей.

Часть аналитического материала из многотомного исследования, посвященного истории Великого княжества Литовского, автор предлагает сейчас на строгий суд взыскательного читателя. В публикуемом ниже фрагменте книги (всего лишь шесть глав из сорока пяти), рассматривается чрезвычайно важный период в жизни Центральной Европы. Этот сравнительно небольшой по историческим меркам отрезок времени явился одним из самых благодатных и благотворных в жизни славян и литовцев. То было время примирения внуков Гедимина, долго и бессмысленно враждовавших друг с другом, консолидации усилий Витовта и Ягайло против общего врага. Мир и согласие между двоюродными братьями привел к победе над объединенными силами Запада, возглавляемых Тевтонским орденом, необычайному расцвету политического могущества, стремительному росту международного признания и дипломатических связей, как Польского королевства, так и Великого княжества. Этот чрезвычайно важный для народов Европы отрезок времени характерен согласованными действиями Витовта и Ягайло, успешно объединивших военные усилия Польши и литовско-белорусского государства, когда в битве при Грюнвальде навсегда был положен предел неограниченному могуществу Тевтонского ордена. Автор пытается доказать свою давнюю убежденность в том, что Великая война 1409–1411 годов была беспрецедентным явлением не только периода позднего Средневековья, но и всей мировой истории в целом.

Военная кампания, предпринятая политическим руководством Польского королевства и Великого княжества Литовского летом 1410 года, в ответ на масштабный сговор агрессивных сил Запада, долгие столетия вплоть до эпохи наполеоновских войн не имела исторических аналогий. Карательные

действия славян, литовцев и татар на землях Пруссии, успешно осуществленные Витовтом и Ягайло, по своему размаху сопоставимы разве что с легендарным событием Древнего мира, красочно описанным отцом истории Геродотом – Великим походом могущественного царя Персидской империи. Знаменитое вторжение Ксеркса на материковую Грецию так потрясло воображение современников, что послужило мощным толчком к небывалому всплеску греческой военной мысли, культуры и искусства, приведшему к новому этапу развития европейской и мировой цивилизации Древнего мира – эллинизму. Не менее грандиозным историческим действом была и Великая война начала XV столетия, разыгравшаяся на просторах Польши и Пруссии. Она, как по числу заинтересованных государств, принимавших в ней участие, так и количеству, выставленных ими воинов, носила поистине общеевропейский характер. Вторжение союзной армии на вражеские земли было вызвано желанием Витовта и Ягайло упредить действия Тевтонского ордена. В яростном стремлении рыцарей-монахов подчинить своему влиянию обширные земли Великого княжества Литовского и Польши активно поддерживала правящая элита большинства европейских стран, во главе с германским императором и папой.

Великая война 1409–1411 годов по своим масштабам не знала себе равных во всей известной истории Средневековья, ведь даже крестовые походы в Святую Землю и Великий Западный поход Батыя в Европу не могут сравниться с ней по числу воинов и масштабности состоявшихся сражений. И только мощные удары непобедимых войск Тамерлана, серьезно потрясшие расшатанный фундамент феодального общества Востока, были хотя бы отчасти сравнимы с грандиозным походом огромной армии внуков Гедимина в Пруссию. Среднеазиатский эмир, хотя и не являлся прямым потомком Чингисхана, всю жизнь стремился к возрождению монгольской империи. Идя по стопам обожествленного кумира, Тамерлан бесцеремонно нарушил привычный уклад жизни миллионов людей.

Он привел в трепет и содрогание полмира, огнем и мечом прошел по бескрайним просторам Азии и части Восточной Европы, держа население завоеванных стран в неописуемом страхе, своей невероятной жестокостью многократно превзойдя учителя. Лишь нестандартные, смелые действия Тимура, применение им самой передовой на то время армии с чудовищными по численности воинскими массами, были равновелики тому, что спустя пять лет после смерти «*потрясателя Вселенной*» решаться предпринять Витовт и Ягайло против могущественного Тевтонского ордена.

В смертельной схватке на территории Пруссии схлестнулись между собой не просто три такие мощные в военном отношении государства, как Тевтонский орден, Польша и Великое княжество Литовское и Русское, но вся Европа. Так или иначе, втянутыми в этот кровавый конфликт оказались практически все полузависимые владетели многочисленных княжеств Священной Римской империи германской нации, независимые государи королевств Центральной и Западной Европы, многие свободные земли и крупные торговые города. Если Орден в борьбе за гегемонию в центрально- европейском регионе справедливо опирался на помощь Запада, то Ягайло и Витовт в деле осуществления своих амбициозных замыслов сделали упор на активное содействие сил Востока. Особенно рассчитывали братья на достойное участие в войне с тевтонцами обширных, густонаселенных территорий восточных славян, зависимых от Литвы и Польши, а также на активную поддержку татар Джелал-эд-Дина сына хана Тохтамыша, надеявшегося вернуть золотоордынский трон с помощью великого князя Литвы и Руси. Кульминацией решающих событий, наивысшей точкой Великой войны явилось Грюнвальдское сражение, где произошло лобовое столкновение в открытом бою на ровном поле лучших военных сил Запада и Востока. Результаты Грюнвальда для многих европейцев оказались совершенно неожиданными, они потрясли воображение современников не меньше, чем в свое время вторжение в Европу многолюдных орд Батыя.

Автор данной работы совершенно уверен в том, что сражение, произошедшее под Грюнфельдом-Танненбергом-Людвигсдорфом 15 июля 1410 года, было в военном плане одним из крупнейших событий в мировой истории человечества. Это кровавое противостояние колоссальных людских масс германцев и славян, слегка разбавленное балтами (литовцами) и тюрками (татарами), стало знаковым событием, надолго предопределившим дальнейшую судьбу центральноевропейских государств. Грюнвальд явился началом заката могущества Тевтонского ордена и в то же время способствовал стремительному расцвету Польского королевства, укреплению мощи независимого литовско-белорусского государства.

Новый взгляд на события Великой войны и Грюнвальда в частности, на ту роль, которую сыграли в них конкретные государства, а также их политические и военные лидеры стал возможен исключительно благодаря критическому изучению многочисленных первоисточников и тому, что с каждым годом появляются сведения, которые проливают дополнительный свет на загадочные события шестисотлетней давности. В частности, не так давно была обнаружена очень интересная переписка одного из орденских офицеров, участника Грюнвальдской битвы, повествующая о том, что во время сражения братья Ордена были обмануты ложным отступлением противника. Крестоносцы, как он излагает события Грюнвальда, увлеклись преследованием, нарушили строй и по этой причине были разбиты. Отсюда следует, что даже такой авторитетный писатель, как Ян Длугош, слова которого без должной критики долгое время принимались на веру почти всеми, в освещении отдельных моментов судьбоносных событий 1409–1411 годов был глубоко не прав. Сообщения польского историка о бегстве с поля боя армии Витовта в свете новых данных являются откровенно провокационными. События, описанные Длугошем, были не иначе как хорошо продуманной дезинформацией, специально запущенной в оборот. Поскольку Длугош в освещении событий Грюнвальда, выполнял социально-политический

заказ определенных кругов властной элиты Польского королевства, он, без всякого сомнения, прекрасно знал о выдающихся заслугах Витовта и мужестве его войск. Хотя конечно не исключено и то, что Длугош, мог быть и сам введен в заблуждение, что называется стать невольной жертвой непроверенной информации, использованной им без должной критики. Однако более вероятно другое объяснение. Польский историк, следуя указанием своего властного покровителя Збигнева Олесницкого, вполне сознательно придерживался, определенной концепции, согласно которой в числе победителей не было и не могло быть места никому, кроме поляков.

Таким образом, основной источник информации по интересующей нас теме, работа Длугоша «История Польши» не может восприниматься нами, равно как и любой другой средневековый источник, на веру абсолютно и безоговорочно, каким бы правдивым он не казался. Человек, чрезвычайно много сделавший для достойного увековечения величественных событий славной польской истории, иногда, как, например, при описании Великой войны и битвы при Грюнвальде в частности, допускает ряд тенденциозных, заведомо ложных высказываний, бросающих тень на союзников. После того, как события, неверно отраженные Длугошем, были всецело поддержаны автором популярного романа «Крестоносцы», нобелевским лауреатом Генриком Сенкевичем, литературный гений которого строго следовал в описании битвы за своим историческим идолом, коим для него несомненно являлся автор «Истории Польши», утвердилось ложное мнение выгодное исключительно полякам и немцам. Одним, потому что именно они, поляки, якобы являются единственными виновниками великой победы, другим, потому что добились хотя бы временного успеха в ходе упорной, кровавой битвы. И те, и другие яро поддерживали изначально ложный тезис, полностью противоречивший всем другим первоисточникам, кроме «Истории Польши» Длугоша о том, что армия Великого княжества бежала *«вплоть до Литвы»*. Мол, войска Витовта, составлявшие весь правый

фланг построений союзников при Грюнвальде, не выдержали (кроме смоленских полков) давления войск тевтонцев великого маршала Валленрода и позорно покинули поле боя.

Главный вывод настоящей работы полностью опровергает широко укоренившееся представление об исключительно польском вкладе в достижение Грюнвальдской победы, убедительно доказывает, что вооруженные силы Великого княжества Литовского и Русского действовали на равных с поляками, вместе добывали воинскую славу, внеся решающий вклад в разгром Ордена. В процессе анализа деятельности Витовта, сравнения его личности с великим Ганнибалом, на конкретных примерах демонстрируются выдающиеся полководческие способности литовского князя, его тактическая гениальность и стратегическая прозорливость. Благодаря умелому командованию, своевременным приказам и хорошо продуманным, четко скоординированным действиям войск великий князь добился окружения и полного разгрома основных сил Тевтонского ордена на поле Грюнвальда. Все эти выводы сделаны исходя из критического разбора работы самого Длугоша, сопоставления «Истории Польши» с такими первоисточниками, как «Хроника войны короля польского», «Хроника» Поссильге, «Хроника Литовская и Жмойтская», «Хроника Быховца», а также анализа других исторических материалов.

Давно «набили оскомину», окончательно надоели серьезному вдумчивому читателю сказки польских националистических дедушек, которые всем внушали ангажированное мнение Длугоша о бегстве войск Витовта, о своей великой, судьбоносной, совершенно исключительной роли при Грюнвальде, безапелляционно и самоуверенно внушаемые всему цивилизованному миру. Мы, восточные славяне и балты – белорусы-литвины, украинцы-русины, русские и литовцы были вынуждены до сих пор наивно верить этому и из года в год топтаться на месте, пережевывая общие тезисы, ничего нового не говорящие о сути происходившего шестьсот лет назад события. Любознательного читателя они искусно водили за нос пустыми

фразами вместо того, чтобы открыть ему глаза на истинный ход сражения, углубиться в неясные детали реальных событий. Они упорно убеждали в очевидных, лежащих на поверхности со времен Длугоша фактах. Хотя всем было и без того хорошо известно, что сражение носило невероятно упорный характер, было чрезвычайно кровопролитным, отличалось огромными потерями и редким мужеством воинов как с одной, так и с другой стороны, именно этому уделялось первостепенное внимание. Казалось бы, большой беды в этом нет, подобные утверждения хотя бы не вредят истине, а лишь еще раз повторяют и закрепляют хорошо всем известные постулаты жестокой Грюнвальдской бойни. Вполне естественно, что подобные уловки в научной среде имеют свое право на существование, увеличивая общий печатный объем исторических исследований, доводя его до требуемого уровня если не по качеству содержания, то, по крайней мере, по количеству пустых фраз. Однако, в большинстве своем они были слишком поверхностными, уводили исследователей в сторону от необходимости кардинально пересмотреть давно утвердившиеся как в популярной, так и в узкоспециальной литературе ложные истины, слишком вредные, действующие разлагающе на самосознание столетиями оболваниваемого поляками белорусского, украинского и русского населения. Но вот вникнуть в существо дела никто не спешил, никто по-настоящему не горел желанием разобраться в сути происходивших на поле Грюнвальда событий. Многие легкомысленные утверждения, которые для некоторых ученых стали аксиомами, не требующими доказательств, принижали и откровенно оскорбляли чувство национальной гордости литвинов – белорусов, основного населения Великого княжества. К ним относятся такие голословные утверждения, как, например, невысокая численность и низкая боеспособность войск Великого княжества, а также явно клеветнические сведения о плохом оружии и низкокачественном защитном вооружении армии Витовта. Так например, хорошо известно, что белорусские хоругви, которые

составляли подавляющее большинство вооруженных сил Великого княжества, были не только прекрасно вооружены, но экипированны по последнему слову военной науки того времени. Эти ученые мужи уверенно говорили вслед за Длугошем о повальном бегстве с поля боя войск великого князя, а также выдавали «на-гора» некоторые другие подобного рода исторические инсинуации, ничего общего с истинными фактами и ходом реальных событий не имеющими. Подобными «самоотверженными патриотами» с их узконаправленной, сугубо националистической объективностью, яростно преданных своему польскому делу, идет полное игнорирование не только определяющей, но вообще какой-либо серьезной роли в победе при Грюнвальде белорусов и украинцев. Русским полкам смоленской земли в этом смысле выпала удача, и после того как Длугош их выделил в лучшую сторону, продолжают и по сей день заслуженно хвалить, восторгаясь их стойкостью и мужеством.

Чем же не угодили Длугошу (западному славянину), кроме русских, другие восточные славяне? Может быть лицом или фигурой не вышли, оружием, доспехами или конями своими низкорослыми, но выносливыми, может пехотными пушками небольшими, но эффективными, или то, что неожиданно привели с собой слишком много особо нелюбимых в Европе (после кровавого Батыева похода) татар? А может быть своим вызывающим поведением или язвительным языком? Нет, конечно, все это не так. Длугош, чтобы в оригинале читать восточнославянские летописи для максимально объективного отражения хода истории на старости лет овладел русским языком. Все не просто, хотя ответ лежит на поверхности. Величие и гонор Польши не позволяли Длугошу допустить передачи хотя бы незначительной части победных лавров в руки союзников. Такая постановка вопроса вовсе не является некорректной, поскольку Длугошу во всем покровительствовал и направлял его писательскую деятельность сам Збигнев Олесницкий, «серый» кардинал польской политики, самый влиятельный

магнат Польши, главное лицо Коронной Рады. Збигнев был тем человеком, которому долгое время благоприятствовала сама судьба, фортуна любила этого умного, смелого, умелого, высокообразованного политика. В двадцатилетнем возрасте он спас от смерти Ягайло на поле Грюнвальда и карьера Олесницкого стремительно рванула вверх, а в сорокалетнем – достигла своего апогея. Збигнев стал настолько могущественным лицом в государстве, что магнаты больше прислушивались к его мнению, чем к пожеланиям самого короля. Вскоре Олесницкий достиг такого величия и влияния, что фактически не позволил Витовту стать королем независимой Литвы. Длугош появился при дворе Збигнева Олесницкого в период высшего расцвета его могущества. Получив в 1423 г. от Владислава-Ягайлы краковское епископство, Олесницкий, человек сильной воли и неукротимой энергии, сумел в короткий срок вознести авторитет церкви на большую высоту и добиться для нее господствующего положения в стране. Борьба духовных и светских магнатов за ограничение королевской власти достигла под руководством Олесницкого значительных успехов уже при жизни Владислава-Ягайлы, а при его преемнике и сыне, Владиславе III (1434–1444), Олесницкий стал фактическим правителем государства. Двор епископа был политическим центром, местом, где сходились нити управления страной, где встречались виднейшие политические деятели, где обсуждались и разрешались основные вопросы внутренней и внешней политики.

Самый надежный в этом плане способ возвеличивания собственно польских заслуг это обвинение союзников в слабости, в неспособности литовско-белорусских войск Витовта на равных противостоять крестоносцам, или, другими словами, совершеннейшая дискредитация коллег по ратному делу. О серьезной роли татар в Великой войне, кроме постоянных упоминаниях об их жутких зверствах на территории Пруссии, не говорится Длугошем ни слова, ни полслова.

На самом деле, в ходе упорного сражения при Грюнвальде, великий князь благодаря блестяще проведенной операции

ложного отступления сумел разгромить ударный левый фланг крестоносцев под руководством великого маршала Фридриха фон Валленрода (и в этом читатель сможет сам убедиться на приведенных в данной книге фактах). Мало того, в критический момент битвы, после падения главного знамени первой польской линии, атаки второй линии Юнгингена и последовавшего за ним самоустранения Ягайло, Витовт смело взял на себя общее руководство сражением. Он не побоялся колоссальной ответственности, и, по сути, спас положение, так как ясно видел необходимость самых срочных и решительных действий в вопросе координации дальнейших усилий обеих армий. Кроме преданных телохранителей и близкой охраны из числа высокопоставленных представителей королевского двора Ягайло к тому моменту, уже никто из польских войсковых командиров не слушал и просто не принимал в расчет его запоздалые указания. Об этом прямым текстом говорит сам Длугош. Короля на тот момент беспокоила в первую очередь не победа над врагом, а собственная безопасность, он был готов в любой момент покинуть поля боя.

Сосредоточив в своих руках все рычаги управления битвой, Витовт приказал немедленно вступить в бой второй и третьей линиям польских войск. Затем Витовт привлек к делу недавних победителей, двинул на помощь полякам все силы Великого княжества, с триумфом возвратившиеся после блистательного разгрома наемников Валленрода. Выиграв свою битву на правом фланге, они отчаянно смело ринулись по приказу Витовта в новое сражение теперь уже на левом фланге и в центре, придя на помощь полякам и русским во имя общей победы. Именно этот факт, а также умышленное бездействие Ягайло, явно не желавшего вводить в бой польские силы, чтобы своевременно поддержать начатое Витовтом сражение, объясняет невероятно большие потери литовско-белорусских войск при Грюнвальде.

Великий князь умело держал под своим контролем весь ход сражения, он носился словно ураган по обширному полю

битвы, постоянно меняя загнанных коней, видел все и поспевал всюду. Он не только дал своевременные указания по окружению и уничтожению резерва великого магистра, отчаянно бросившегося в критический для Ордена момент в атаку, но и обеспечил «выдавливание» с занимаемых позиций и обращение в бегство потрепанных, но долгое время «мертво» стоявших на своем участке войск Лихтенштейна. Поступая, на первый взгляд, слишком смело, даже иногда, как казалось некоторым, отчаянно безрассудно, Витовт действовал, на самом деле, очень расчетливо, придерживаясь заранее продуманной тактической схемы.

Четко выверенными шагами в достижении победы, тщательно спланированными действиями, Витовт очень напоминал гениального полководца Древнего мира – Ганнибала. Высокообразованный, в отличие от неграмотного Ягайло, князь Литвы и Руси в период ожесточенной борьбы с двоюродным братом за власть в Великом княжестве, как мы знаем, вынужден был просить помощь у своих врагов – крестоносцев. Видимо, тогда же, силой обстоятельств находясь на землях Ордена, он впервые ознакомился с популярным и очень модным в то время трудом Тита Ливия «История Рима от основания города». Есть все основания полагать, что Витовт хорошо изучил жизнь и военные походы гениального карфагенянина, раз так мастерски придерживался его активной наступательной тактики. Зная о невероятных способностях лучшего полководца древности, написав о нем подробное историческое исследование под названием «Ганнибал. Триумф и трагедия гения войны», имею достаточно оснований сравнить между собой этих двух на первый взгляд совершенно непохожих, но поистине достойных восхищения, величайших людей своего времени.

Рискуя быть чрезмерно многословным, не пытаясь сразу же в коротком введении приводить в пример исчерпывающие логические построения и аргументированные доказательства, о которых вы узнаете, прочитав предложенную книгу, сообщу лишь главный результат данной работы. Основная заслуга

в победе союзной армии Польши и Великого княжества при Грюнвальде наряду с невероятной отвагой и мужеством простых поляков, белорусов, литовцев, русских, украинцев, татар и воинов многих других народностей принадлежит Витовту – выдающемуся полководцу своего времени, великому вождю зарождавшейся новой литовско-белорусской и русско-украинской или литвино-русинской нации. Однако ей так и не суждено было сложиться, окончательно распавшись вскоре после смерти Витовта (из-за отсутствия сильной властной руки общенационального лидера) на самостоятельные народности: три славянские – белорусскую, украинскую, русскую и балтийскую – литовскую народность. На этот процесс в значительной мере повлияла католическая экспансия Польши, нарушившая прежнее религиозно-духовное единство православного населения Великого княжества, а также активная внешняя политика Московского царства.

Таким образом, суммируя все вышесказанное о новом взгляде на старую проблему Великой войны и битвы при Грюнвальде, в очень сжатой форме можно сказать следующее:

1) Великая война 1409–1411 годов, несмотря на малозначительные итоги Торнского мира, была знаковым событием позднего Средневековья с далеко идущими последствиями для Тевтонского ордена, Польского королевства и Великого княжества Литовского, Русского и Жамойтского, имела поистине общеевропейское значение;

2) до сих пор ни кем не то чтобы в достаточно полной, но хотя бы в минимально объективной мере не был рассмотрен и оценен вопрос участия татаро-монгольских сил в Великой войне. Хан Джелал-эд-Дин, сын потерявшего по вине Тамерлана золотоордынский трон Тохтамыша, в надежде вернуть отцовское наследство с помощью Витовта, принял самое активное участие в летней кампании 1410 года. Джелал-эд-Дин привел с собой от двадцати до тридцати тысяч отборных воинов, которые во многом (наряду с воинским мастерством, упорством и мужеством литовско-белорусских и русско-украинских

полков) предопределили исход Грюнвальда. Именно воины татарского хана по указанию Витовта в упор расстреляли из мощных луков практически всех наемников великого маршала Фридриха фон Валленрода. Кроме того, другой татарский военачальник эмир Багар-эд-Дин смертельно ранил в рыцарском поединке великого магистра Ульриха фон Юнгингена, чем предрешил окончательное поражение Ордена, лишенного главнокомандующего;

3) поход, предпринятый Витовтом и Ягайло на территорию Пруссии летом 1410 года, являлся не просто очередным набегом на владения беспокойного соседа. Грандиозная кампания братьев не могла быть и, по существу, никогда не была обычным ответом на недавно возобновленные военные действия крестоносцев, просто большим рейдом на столицу орденского государства с целью привести в чувство зарвавшихся немцев. Это была, в полном смысле слова, беспрецедентная по своим масштабам карательная акция, главным предназначением которой являлся основательный подрыв военно-экономического, социально-политического, идеологического могущества Тевтонского ордена, захват и разрушение важнейших административных и военных центров крестоносцев, таких, как Торн, Кенигсберг и Мариенбург. С этой целью Витовтом и Ягайло были собраны невиданные силы, братья привели с собой в Червинск огромные армии общей численностью до сотни тысяч воинов каждая, вдвое превысив объединенные силы Тевтонского ордена и западных государств. Перед Ягайло и Витовтом стояла нелегкая задача силой оружия решительно разобраться с давним врагом, принудить руководство доселе непобедимой духовно-рыцарской организации, активно поддерживаемой политической элитой Центральной и Западной Европы, к безоговорочной капитуляции, полному подчинению воле Польского королевства и Великого княжества;

4) кульминацией и наивысшей точкой Великой войны явилась битва 15 июля 1410 года у селений Грюнфельд-Танненберг-Людвигсдорф. Это сражение по своему масштабу и по числу

участвовавших в нем воинов стало одним из крупнейших военных столкновений в истории человечества;

5) знаменитая Грюнвальдская победа была одержана не только благодаря массовому героизму простых воинов Великого княжества и Польского королевства, мужеству командиров низовых формирований, но во многом за счет четких согласованных действий всех подразделений объединенных войск, умелого, высокопрофессионального общего руководства союзной армией. Выработанная Витовтом совместно с Ягайло долгосрочная стратегия летней кампании 1410 года очень скоро принесла свои плоды. Выдающееся полководческое мастерство Витовта с особым блеском проявилось на поле Грюнвальда. Смелая, наступательная военная доктрина, которая была основана на ведении боевых действий атакующего характера с применением нестандартных тактических шагов привела к блистательной победе великого князя,

6) в ходе исторического сражения 1410 года Витовт наголову разгромил ударную группировку крестоносцев под командованием великого маршала Фридриха фон Валленрода. Это мощное соединение, образовывая весь левый фланг Ордена, противостояло войскам Великого княжества и серьезно угрожало первой же массированной атакой своей многочисленной тяжеловооруженной конницы смять и опрокинуть полки Витовта. Группировка Валленрода состояла в основном из закаленных профессионалов ратного дела, «гостей» и наемных рыцарей, в большом количестве прибывших на помощь Ордену из Центральной и Западной Европы. Однако, несмотря на огромный риск, великий князь успешно применил тактику гениального карфагенского полководца Ганнибала. Он заманил противника ложным отступлением татарских сотен эмира Багар-эд-Дина, волынской кавалерии и других подвижных хоругвей легковооруженной конницы княжества в заранее приготовленную засаду;

7) сверх того, сразу после разгрома наемников Валленрода, Витовт приказал своим войскам прийти на помощь полякам.

Воинам Великого княжества в течение одного дня ради общей победы пришлось участвовать сразу в двух сражениях – сначала на своем фланге, а затем на польском. В итоге, это привело к колоссальным людским потерям в хоругвях Витовта, что существенно сказалось на независимой позиции великого князя. Это подорвало дипломатическую аргументацию князя, опиравшуюся главным образом на военную силу хоругвей княжества. Ягайло и магнаты Польши, таким образом, получили серьезное преимущество в неутихающих спорах с Витовтом и его людьми в отношении суверенитета княжества;

8) в ходе Великой войны, особенно во время Грюнвальдского сражения и осады Мариенбурга, ярко проявились старые противоречия между Ягайло и Витовтом. После того, как в результате генерального сражения армия Витовта по вине Ягайло потеряла от трети до половины своего состава, великий князь пересмотрел свое отношение к этой войне. Некоторое время спустя, уже находясь у стен орденской столицы, в одном шаге от окончательной победы, переговорив с маршалом Ливонского ордена, он решил увести свои войска от стен Мариенбурга. Витовт прекрасно понимал, что король из ситуации ожесточенного взаимного истребления на поле Грюнвальда надеялся извлечь для себя выгоду, рассчитывал на серьезное ослабление, как Ордена, так и Великого княжества, и по этой причине явно не желал вводить в бой польские силы. Ягайло стремился по возможности сохранить их для выполнения данных в свое время магнатам Коронной Рады обещаний. При заключении Кревского соглашения и получении королевской короны Ягайло клятвенно обещал Коронной Раде (наряду с присоединением Великого княжества) полный возврат земель потерянных поляками в течение долгих столетий, а это значит, брал на себя обязательства подчинить Польше оба государства: старого непримиримого врага, и новоприобретенного преданного союзника;

9) в ходе Грюнвальдского сражения Витовт блестяще продемонстрировал свое полководческое мастерство и невероят-

ные возможности армии Великого княжества. Она сумела успешно выдержать сметающую все на своем пути атаку многотысячной тяжелой лавы рыцарской конницы, погасив ее чудовищную энергию встречной атакой первой линии легких подразделений подвижной кавалерии татар, волынян и литовско-белорусских хоругвей. Великий князь тем самым не дал набрать крейсерский ход бронированному тарану крестоносцев, который вскоре увяз в основных построениях тяжеловооруженных хоругвей белорусских городов второй линии. Более часа, неся большие потери, воины Витовта сдерживали бешеный напор наемников Валленрода, и только после того, как в дело наконец вступил левый фланг поляков, а знамена Лихтинштейна основательно увязли в глубоких построениях первой линии Зындрама, отдал приказ к отступлению. Войска Великого княжества, неспешно отступая, увели за собой 19 из 25 рыцарских знамен (6 остались на поле боя, связанные действиями смоленских полков Семена Лунгвения) в самое пекло под перекрестный обстрел туменов тяжелой татарской конницы Джелал-эд-Дина и встречные залпы полевых орудий литовско-белорусского обоза;

10) в результате Грюнвальдской битвы Тевтонский орден понес такие серьезные материальные и моральные потери, после которых он уже никогда не смог возродиться к прежнему величию. Старые времена уходили в прошлое, Европа стояла накануне серьезных перемен, ни Запад, ни сам Орден уже не видели радужных перспектив в отживающей идеологии духовно-рыцарских орденов. Тевтонский орден неуклонно шел к своему окончательному угасанию и гибели, его ждала скорая перспектива превращения в Прусское светское государство.

Глава 1 (30)

ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА
НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ 1409-1411 ГОДОВ
УСПЕХИ ОРДЕНА

«Надежды, возбужденные Миндовгом, не были совершенно забыты, и в следующем веке за осуществление его планов с большой энергией и успехом принялись Гедимин и Витовт. В истории Восточной Европы немного таких любопытных эпизодов, как образование этого литовского государства, которое, исключительно благодаря энергии нескольких смелых политиков, вопреки географическим и этнографическим условиям, возвышается до необыкновенного могущества и грозит полякам не меньшей опасностью, чем русским».

(Эпоха крестовых походов. Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо; пер. М. Гершензона, М.; АСТ; СПб.; Полигон, 2005, стр. 871).

Упорный натиск германских феодалов на Восток, который продолжался уже более двух столетий, к началу XV века не только не ослаб, но даже усилился. На рубеже XIV – XV столетий могущество Тевтонского ордена (1) достигло своего апогея. Филиалы духовно-рыцарского братства святой девы Марии Тевтонской находились во всех княжествах Священной Римской империи германской нации (2), а специальный немецкий магистр Ордена осуществлял тесную связь его руководства на местах, своевременно пополняя воинственные ряды братьев рыцарей Пруссии (3) и Ливонии (4) аристократической молодежью.

В годы руководства Тевтонским орденом Винриха фон Книпроде (5), даровитого политика, одного из наиболее просвещенных и дальновидных великих магистров за всю его историю, прусскому государству удалось наладить прочные военно-политические и культурные связи со всеми правящи-

ми домами Европы. За тридцатилетие, в течение которого Винрих находился у власти, Орден достиг наивысшего могущества, его территория вместе с Ливонией составляла почти 200 тысяч квадратных километров.

Государство крестоносцев в это время занимало ключевые позиции на южном побережье Балтийского моря, оно вело широкую торговлю янтарем, зерном, сукнами, воском, пушниной, вином, металлами. Такие орденские города, как Данциг, Кенигсберг, Торн, Эльбинг, Кульм были членами Ганзейского торгового союза. Умение легко и непринужденно поддерживать теплые дружеские отношения с монархами и военно-политической элитой Запада стала с тех пор доброй традицией для всех руководителей Ордена. Несомненно, к описываемому времени Тевтонский орден стал самой крупной в мире военно-монашеской организацией, которая умудрилась создать почти идеальное государство, предназначенное для ведения непрерывной войны, захвата чужих территорий и покорения соседних народов.

Резиденция великих магистров – столица Пруссии Мариенбург (6), наравне с маршальской столицей Ордена Кенигсбергом (7), превратились в культурно-идеологические и военные центры западноевропейского рыцарства, в католическую Мекку, куда на «стажировку» вереницей тянулись отпрыски коронованных особ, а также все их мало-мальски известные ближние и дальние родственники. Испытать себя в Священной войне в честь святого Георгия (8) стремились лучшие рыцари Франции, Германии, Англии, Голландии, Испании, Бургундии, Италии, Чехии и Венгрии.

Особо жаждали «опасных» приключений, самоутверждения и рыцарской славы все, кто не имел оснований рассчитывать на отцовское наследство, и вынужден был выворачиваться наизнанку, лезть из кожи вон, доказывая всем и вся в этой непростой жизни свою профессиональную состоятельность, мнимую значимость. Воинскую пригодность должны были оттачивать все: как старшие сыновья известных прави-

телей, династические корни которых уходили в седую старину и были овеяны романтическим ореолом, так и вторые, третьи и последующие отпрыски крупных, средних и даже мелких феодалов. Вполне естественно, что знатные отцы феодальных гнезд не горели большим желанием дробить наследственные вотчины или служебные наделы, они выпроваживали своих чад на вольные хлеба военного разбоя и рыцарской славы.

Подвиги современных Книпроде новоявленных «*искателей чести, добра и справедливости*» в корне отличались от высоких примеров далекого прошлого, когда рыцарями-крестоносцами двигала глубокая нравственная идея. Сегодня вовсе не обращение язычников и схизматиков в лоно истинной веры, а наведение страха и трепета на беззащитные мирные приграничные земли соседей Ордена стало главной задачей крестоносцев. Некогда цветущие территории вскоре были разорены и превращены ими в безжизненную пустыню. Времена первых крестовых походов в Святую землю за освобождение гроба Господня давно и безвозвратно ушли в прошлое, став легендой.

Кровавые военные рейды в земли прибалтийских язычников служили теперь не высокой религиозной идее как прежде, а низменному земному тщеславию. Крестовые походы в Прибалтику, направляемые папской курией и императором якобы исключительно на богоугодные цели служения католичеству, чтобы «*донести до заблудших душ язычников свет истинной веры*», осуществлялись главным образом через территорию Тевтонского ордена. В реальности так называемая «*Священная война в честь святого Георгия*» была ни чем иным, как прикрытая красивым религиозным лозунгом целенаправленная кровавая агрессия западных феодалов на Восток. Цель такой «духовной» экспансии была вполне земной, главным образом она основывалась на материальной заинтересованности ее участников, держалась на массовых грабежах и насилии, захвате пленных и чужих территорий.

Крестовые походы для ее активных участников были ни чем иным, как наиболее доступной формой подтверждения своей профессиональной пригодности, высокого рыцарского статуса, «*непревзойденного*» воинского мастерства непосредственно в боевых условиях в ходе военных действий. Участие в тевтонских рейдах на земли Великого княжества Литовского и Русского (9) многочисленных западноевропейских гостей постепенно принимало массовый характер, становилось традицией. Очень часто это вело к изменению профессионального статуса участников таких походов, личностному самоутверждению ее активных членов. В походы привлекались все новые и новые молодые бойцы, когда «отважные» оруженосцы и пажи высокородных сеньоров получали рыцарские звания из рук орденских братьев за совершенные ими «подвиги», заключавшиеся в массовых убийствах беззащитного мирного населения приграничных литвинских деревень. Извращаясь в диких зверствах, действуя, словно на псовой охоте, защитники «*истинной веры и высшей справедливости*» хладнокровно загоняли в расставленные силки целые селения жемайтов (10), аукштайтов (11) и белорусов (12). Многие деревни и города становились объектами ненасытной алчности и необузданной свирепости крестоносцев.

В результате целенаправленной тевтонской агрессии, неожиданных нападений, кровавых захватов и безжалостных разграблений сотни, тысячи коренных жителей сопредельных балто-славянских территорий в полной мере на себе испытали истинные «прелести» западной цивилизации. Все многовековые достижения продвинутого Запада, к сожалению, выродились в открытую форму жесточайшего геноцида местного населения. Он с возрастающим накалом и невиданным напряжением продолжался не одно десятилетие, что в итоге привело большую часть жителей приграничных земель к безжалостному истреблению крестоносцами, меньшую – к пленению, моральному и физическому рабству. Однако кровавому беспределу свирепых завоевателей с умиро-

творяющими крестами на плечах уже очень скоро будет положен конец. Это сделают прославленные внуки великого Гедимина – Витовт и Ягайло.

Внешняя политика Ордена являлась частью грандиозной военной программы влиятельных сил Запада по завоеванию жизненного пространства за счет балтийских и славянских земель на Востоке. Общее руководство дерзкими планами активного силового расширения ареала западной цивилизации с последующей насильственной германизацией и культурно-расовой ассимиляцией покоренных этносов осуществлял глава Римской католической церкви совместно с германским императором. Папа направлял в восточные земли представителей престола Святого Петра (13), наделяя епископов и архиепископов огромными полномочиями. Само по себе миссионерство, основанное на голой христианской идее, не подкрепленное реальной воинской силой, обречено на провал. Поэтому папа и император активно призывали германских подданных к крестовым походам на Восток для освоения и колонизации «*диких земель*», приобщения проживающих на них «*темных*» язычников к истинной вере, а заодно обращения их в послушных рабов.

Справиться с местными воинственными племенами могла только хорошо организованная дисциплинированная сила, наподобие той, что возникла в Святой земле (14). Вскоре рижский архиепископ основал духовно-рыцарский орден Меченосцев (15), со временем получивший название Ливонского ордена, по территории покоренных им местных племен ливов. Спустя короткое время рядом с Ливонским орденом на землях пруссов появился немецкий орден святой девы Марии, или Тевтонский орден, перебравшийся из Палестины (16) по приглашению польского князя Конрада Мазовецкого (17). Оба ордена действовали на редкость удачно и в короткое время колонизировали сначала территорию Ливонии, а затем и Пруссии.

Опираясь на крупную светскую и церковную аристократию, которая была кровно заинтересована в новых территори-

альных приобретениях, император и папа успешно осуществляли программу продвижения германской нации на Восток. Император и папа действовали не только в тесном союзе с высшими иерархами духовной и светской власти, их политику истово поддерживала целая армия беспокойных средних и мелких феодалов Центральной Европы. Политическая элита Запада своими целенаправленными действиями могла добиться значительно более ощутимых результатов на Востоке, если бы ей не мешали внутренние разногласия.

Острая политическая борьба за идеологическое влияние на подданных между светской властью и папами привела к кризису религиозной власти, папы стали марионетками французских королей, появляется одновременно несколько пап и, кто из них является истинным главой католической церкви, современникам стало непонятно (18). Несмотря на серьезные противоречия в стане высших покровителей духовно-рыцарской организации, Тевтонскому ордену, к тому времени поглотившему своего основного компаньона по освоению восточных территорий, превратив его в свой Ливонский филиал на северо-востоке, в короткое время удалось добиться ощутимых результатов. Орден святой девы Марии не только прочно утвердился в Прибалтике, но реально приступил к осуществлению грандиозных планов подчинения обширных литовских и славянских земель (19).

Долгое время западной элите удавалось воплощать в жизнь свои агрессивные замыслы посредством организации крестовых походов через территорию Тевтонского ордена – передового рубежа и главного аванпоста католичества на Востоке. Однако прикрываться идеей «*несения света истинной веры в заблудшие сердца язычников*» вскоре стало невозможно ввиду того, что Ягайло (20), став королем Польши (21), принял в Литве христианство. Теперь действовать открыто стало невозможным, и Запад вынужден был пойти по иному пути.

Несмотря на то, что Польское королевство являлось леном святого Петра, а ее жители не одно десятилетие исправно платили церковную десятину в пользу папы, оно усиленно втягивалось в большую войну, результат которой был довольно легко прогнозируемым. За счет хорошо спланированного, целенаправленного разжигания пограничных территориальных споров, полякам грозил объединенный удар Венгрии, Чехии и германских княжеств во главе с Пруссией и Ливонией. Даже один на один противостоять захватническим устремлениям крестоносцев в тот момент, пожалуй, не мог осмелиться никто из могущественных властителей Европы, если только инициатор такой войны полностью не потерял рассудок, а здесь пол Европы ополчилось против одной сравнительно небольшой страны. Однако Ягайло узнает о международном сговоре лишь накануне грандиозного конфликта и использует все свои политические связи и дипломатические рычаги, чобы в катастрофичной ситуации не остаться в полной изоляции. Даже те руководители государств, которые имели с тевтонцами долгосрочные дружественные соглашения, как, например Ягайло, и, казалось бы, могли вполне надеяться на покой и мирное процветание, не были до конца уверены в завтрашнем дне своей страны.

Так или иначе, но двойные стандарты Ордена, в конце концов, только еще больше накаляли и без того напряженную обстановку, грозя в самый неожиданный момент вылиться в неприкрытую агрессию со стороны *«преданных немецких друзей»*. Преследуя, как и любое другое самостоятельное, полностью независимое государство, в первую очередь лишь национальные сугубо эгоистические цели, тевтонцы, однако, в вопросе государственной выгоды, далеко обошли самых циничных завоевателей прошлого и настоящего. Они никогда не заботились о морально-нравственной стороне дела, для них не составляло особого труда совершить подлог, составить несуществующий договор либо придраться по самому пустяковому поводу к своим бывшим союзникам и

«верным друзьям», неожиданно в самый неподходящий момент, объявив им войну.

Тевтонские политические лидеры, руководствуясь доктриной постоянного расширения и укрепления орденского государства, не гнушались никакими средствами. Придерживаясь лозунга цель оправдывает средства, они умело добивались того, к чему стремились, где с помощью силы, где хитростью, часто угрозами, а кое-где и деньгами. Прекрасно понимали о печальных последствиях прямой конфронтации с могущественными крестоносцами не только короли и великие князья таких крупных стран, как Польша и Великое княжество, но и все без исключения властители более мелких земель Центральной и Восточной Европы. Не желая подвергать себя излишнему риску, они всячески заигрывали с великим магистром и его воинственным окружением.

К концу четырнадцатого столетия никто из европейских правителей уже не осмеливался открыто перейти дорогу военно-политическому руководству Тевтонского ордена, ему часто уступали даже папы и германские императоры. Боясь вызвать неудовольствие великого магистра, вся остальная монархическая мелочь тихо жалась к обочине столбовой дороги истории, пропуская вперед явного лидера.

На первые роли в разворачивающейся драме под названием Великая война 1409–1411 годов – начало крушения могущества Тевтонского ордена выходили выдающиеся военно-политические лидеры – Витовт (22) и Ягайло, которым в битве при Грюнвальде 1410 года удалось коренным образом изменить дальнейший ход истории. Объективно оценивая события тех лет, можно сделать однозначный вывод: практически вся Западная и Центральная Европа способствовала беспрецедентному наращиванию мощи Ордена, постоянно предоставляя ему экономическую и военную помощь, подталкивая его тем самым к неизбежной войне. Стремясь во всем угодить крестоносцам, закономерно опасаясь того, чтобы чрезмерная агрессивность тевтонцев не выплеснулась кровавыми разборками

и военными погромами внутри германской империи, в междоусобную борьбу за преобладание над другими немецкими княжествами, западноевропейская элита спешила поскорее расчистить путь к тевтонской агрессии на Восток. Она усиленно направляла своих лучших рыцарей в распоряжение великого магистра, пополняя ряды орденских братьев и гостей.

Таким образом, вне всякого сомнения, важнейшим вопросом для великого князя Литвы и Руси, настойчиво боровшимся в те годы за возвращение Жемайтии, являлся вопрос участия в неминуемой войне с тевтонцами сильного польского государства. Идти по отдельности на открытый военный конфликт с Орденом как руководству Великого княжества, так и Польши было равносильно политическому самоубийству и потере власти. Хотя формально военно-стратегический союз Польши и княжества существовал с момента подписания Кревской унии в 1385 году (23), между государствами долгое время существовали серьезные противоречия. Они мешали реальному объединению правящей элиты, выработке единых принципов внутренней и внешней политики. Отсутствие общих интересов во внешнеполитической деятельности приводило к несогласованности военных устремлений, мешало концентрации сил на главных направлениях. Но теперь внешнеполитические интересы обоих государств чудесным образом совпали, и король Польши, по происхождению этнический литовец, а по крови славянин, больше всего на свете желал забыть прежние разногласия с двоюродным братом.

В связи с дальнейшим нагнетанием военной напряженности в приграничных землях, наращиванием психологического давления Ордена на политическое руководство страны он не видел иного выхода, кроме как немедленное прекращение любой конфронтации с Витовтом и выработки единого плана действий против общего врага. Курс Ягайло на радикальный пересмотр внешней политики государства, во главу угла которого ставился самый тесный военный союз с великим князем

Литвы и Руси, довольно легко нашел поддержку большинства влиятельных польских магнатов, так называемых «*радных*» панов в королевском совете.

Теперь для Коронной Рады (24) стал реальностью очень давний и, пожалуй, самый болезненный за последнее время вопрос возвращения всех исконно польских земель, отнятых Тевтонским орденом за долгие годы путем обмана, грубой силы, больших денег и хитрости. Этот вопрос напрямую задевал национальную гордость и самолюбие поляков, шляхта вовсе не желала, чтобы немецкие политики так легко и бесцеремонно топтали их патриотические чувства. Большая война с неотвратимой неизбежностью надвигалась на королевство. Хотела Польша этого или нет, готовилась к ней или безмятежно дремала, но война стояла у самого ее порога, поскольку высшее руководство Ордена было настроено весьма решительно. Такой взрывоопасной смеси безрассудной тевтонской воинственности и безмерного тщеславия еще не доводилось видеть европейскому миру.

Все три главные руководящие должности занимали в этот период наиболее одиозные фигуры в истории Ордена. Великий магистр Ульрих фон Юнгинген (25) был слишком молодым для этой ответственной должности политиком. Горячий и в тоже время, упорный, он был прямым, бескомпромиссным человеком, привыкшим решать дела не столько дипломатическими уловками, сколько военным давлением, действуя по отношению к противнику методом запугивания и применения грубой физической силы. Великий маршал Фридрих фон Валленрод (26) – талантливый полководец, неимоверно жаждущий славы и почестей, беспринципный карьерист, был слишком воинственным, чтобы стать противовесом агрессивной политике Юнгингена. Великий комтур Конрад фон Лихтенштейн (27) – не менее амбициозный и воинственный, но значительно более расчетливый и коварный политик, чем два предыдущих. В итоге братья Ордена получили то, к чему уже давно так стремились, приобрели тех лидеров, которых в полной мере

заслуживали. Они избрали достойный своих воинственных помыслов и в то же время слишком опасный как для ближайших соседей, так и для самих себя гремучий триумвират.

Ягайло в этой непростой для Польши ситуации начинает интенсивные консультации с Витовтом. Под лозунгом справедливой войны они спешат упредить тевтонцев и готовят силы для большого похода на территорию Пруссии. Стратегическая цель двоюродных братьев – захват столицы орденского государства и принуждение тевтонцев к выгодному для Польши и Великого княжества вечному миру, по результатам которого крестоносцы возвращают победителям все ранее отнятые земли и становятся их вассалами.

Благодаря целенаправленной, взвешенной, тщательно выверенной политике за десять лет, прошедших после трагичных событий на Ворскле (28), Витовту постепенно удалось, если не полностью возвратить утраченные княжеством высокие внешнеполитические позиции и свой международный авторитет, то хотя бы максимально приблизиться к былому могуществу. Великий князь, достигнув многого, смог за это время понять, пожалуй, самое главное. Поскольку управлять владениями Великого княжества по причине их невероятной обширности с каждым годом становилось все сложнее, более важным являлся сейчас вопрос не столько дальнейшего расширения на Восток, сколько приобретения литовско-белорусским государством территориальной целостности и внутреннего единства.

Все внимание Витовта должно быть сконцентрировано теперь на западных рубежах, а вовсе не на мыслях о подчинении Золотой Орды и северовосточных русских княжеств. Первоочередной задачей для Витовта являлась идеологическая и правовая подготовка масштабной войны, консолидация всех здоровых сил внутри страны для борьбы с Орденом за воссоединение Жемайтии исторической части исконно литовской территории, недавно потерянной Великим княжеством.

Для успешной реализации этой насущной задачи необходим решительный подрыв военно-экономической мощи Орде-

на. Витовт поначалу собирался решить эту проблему, опираясь лишь на восточные альянсы без использования союза с Ягайло. Он опасался окончательно попасть под влияние сильного Польского королевства. Путем захвата столицы Пруссии, разгрома армии тевтонцев и его друзей в одном или нескольких крупных сражениях великий князь надеялся покончить с Орденом. Для начала необходима полная и повсеместная дискредитация орденской власти, подрыв его «высокого» международного авторитета, столетиями державшегося лишь на страхе, крови и насилии. Вскоре Витовт понял, что как для самого Великого княжества, так и для его многочисленных вассалов, решение столь грандиозных, и во многом чрезвычайно сложных, иногда просто непосильных для немедленного исполнения задач, чревато большими издержками и непредсказуемыми последствиями, было по плечу далеко не всякому государству в том числе и Литве.

В такой ситуации было значительно благоразумнее и, безусловно, несравненно эффективнее действовать в тесном союзе с сильной Польшей. Витовту уже сегодня было намного целесообразнее, не откладывая на завтра, решительно выступить совместно с Ягайло единым фронтом против общего врага.

В связи с этим великий князь меняет политику лавирования между двух сильных соседей – Польшей и Орденом на более тесный союз с Владиславом-Ягайло. Только опираясь на помощь Польши, Витовт мог устранить со своих рубежей немецкую опасность. Сыну Кейстута нужно было как можно скорее договариваться о совместных военных действиях с Ягайло и королевским советом ввиду нависшей опасности, которая возникла из-за недавних серьезных изменений в составе высшего руководства Ордена.

На место умершего в 1407 году взвешенного и рассудительного великого магистра Конрада фон Юнгингена (29) был избран молодой и воинственный Ульрих фон Юнгинген, родной брат покойного, а на пост великого маршала – талант-

ливый и опытный Фридрих фон Валленрод. Если учесть, что великим комтуром еще в 1404 году братья-рыцари избрали графа Куно фон Лихтенштейна, который никогда особо не отличался излишним миролюбием, то от такого гремучего триумвирата можно было ожидать, пожалуй, нечто большего, чем просто обычные пограничные конфликты, ставшие в последнее время нормой. Витовт от этой троицы закономерно ожидал не только новых нападений на свои приграничные области с массовыми убийствами, погромами, грабежами, отъемом земель, но чего-то несоизмеримо большего и чрезвычайно опасного.

Витовт от Ульриха, Фридриха и Куно уже в самом скором времени вполне обоснованно ожидал гораздо большего, чем развязывание небольших военных конфликтов местного характера или мелких пограничных стычек. От этой воинственной немецкой троицы, прорвавшейся к вершинам власти одного из сильнейших государств Европы, можно было ожидать самого большого в истории Тевтонского ордена сюрприза для славян и литовцев. Постепенно и неотвратимо надвигалась полномасштабная война Запада на полное уничтожение национальной государственности Великого княжества, а затем, несомненно, и Польши с целью раздела их земель между Орденом, Венгерским королевством и всеми заинтересованными княжествами Священной Римской империи германской нации. Эта троица во главе с Юнгингеном могла реально воплотить в жизнь то, что давно зрело в головах многих западных монархов, очень обеспокоенных слишком быстрым ростом могущества Великого княжества Литовского и Русского, неспроста объединившегося с сильной Польшей. Единое славяно-литовское государство представляло серьезную угрозу планам продвижения на Восток, прежде всего Тевтонскому ордену на севере и Венгерскому королевству на юге. Теперь от окончательно осмелевших тевтонцев, потерявших реалистичный взгляд на ход разворачивающихся событий, исходила смертельная угроза.

Высшее политическое руководство Ордена было совершенно уверено в своем военном доминировании над восточными соседями, в полной безнаказанности и неуязвимости тевтонского государства. В этих условиях серьезная опасность нависла, прежде всего, над прилегающей к территориям крестоносцев этнической Литвой, на которую орденский капитул уже давно положил хищный взор, наметив в качестве очередной своей жертвы. Несмотря на то, что папа Бонифаций IX (30) буллой от 3 сентября 1403 года навсегда запретил крестовые походы на территорию Великого княжества, германские феодалы и не думали отказываться от полномасштабных военных рейдов в литовско-белорусские земли. В декабре 1408 года на тайном совещании в Новогрудке Витовт с Ягайло приняли историческое решение о начале совместной войны против Ордена в следующем 1409 году. Данное решение братья приняли с целью упредить захватнические действия крестоносцев и обезопасить свои земли от разорительного вторжения тевтонцев и их союзников.

Несмотря на то, что давление Ордена на Польшу с каждым годом и с каждым днем все возрастало, Ягайло не намерен был уступать крестоносцам ни пяди своей земли. Подтверждением чему явились переговоры 6 января 1408 года в городе Ковно (31), когда на встрече с великим магистром Ульрихом фон Юнгингеном и магистром Ливонского ордена меченосцев, где посредником выступил Витовт, Ягайло не пошел на уступки в споре о границах. Длительные переговоры ни к чему не привели, и как пишет польский средневековый историк Ян Длугош (32): *«...обе стороны, не приняв никакого разумного решения, разъехались еще более озлобленными и раздраженными друг на друга, чем прежде, однако не настолько враждебно, чтобы вести себя как враги; ибо король Владислав послал магистру Пруссии достойные короля подарки и принял в свою очередь дары, присланные магистром; поэтому обе стороны затушили на время разгорающуюся ярость и боевой пыл»* (33).

Все лето 1408 года великий магистр занимался инспекцией пограничных с Польшей и Великим княжеством областей, проверял готовность к войне гарнизоны замков Астрода, Торн, Страсбург, Голуб (34). Ульрих распорядился привести в надлежащий вид их арсеналы, организовал доставку большого количества пушек из Мариенбурга, проконтролировал обеспечение пограничных отрядов вооружением и продовольствием. Он дал указания ускорить строительство новых замков в Тильзите и Рагнете (35). Тевтонский прокуратор Жемайтии получил жесткий приказ великого магистра разорвать все отношения с Великим княжеством, а всем ее жителям было запрещено переходить границу и торговать с жемайтами, покупать у них мед, зерно и живность. Всех нарушивших данное распоряжение ждала смерть.

В это время Ульрих попытался навсегда избавиться от несговорчивого и слишком для него опасного великого князя Литвы и Руси. Витовт, став на пути главного тевтонца, словно ледяная глыба, которую нельзя обойти ни справа, ни слева на узкой горной дороге, упорно мешал Ульриху фон Юнгингену осуществить грандиозные планы орденского руководства по слиянию земель Самогитии с территорией обоих орденов в единое и неделимое целое. Витовт нарушил важные процессы жизнедеятельности тевтонского организма, своими действиями в Жемайтии он перекрыл свободный доступ кислорода в его легкие, прекратив прямую связь с Ливонским филиалом. Витовт не только полностью изолировал Ливонский орден, выведя его из игры посредством мирных договоров, при нарушении которых его земли подвергалась нападению одновременно с территории Великого княжества и Новгородской республики, но и поднял мятеж в Жемайтии.

Витовт для Ульриха был как кость, застрявшая поперек горла. Главная ставка великим магистром была сделана на Свидригайло Ольгердовича (36), с его помощью он намеревался свалить Витовта. Однако тщательно спланированный заговор провалился, и младший брат Ягайло бежал в Москву, где

настойчиво, но пока безрезультатно склонял Василия Дмитриевича (37) идти войной на Великое княжество Литовское и Русское. В осторожном мозгу Василия Дмитриевича зародившаяся было крамольная идея о возврате русских земель, бесцеремонно отнятых у него близким родственником, быстро вытравила властная жена Софья Витовтовна (38). Во избежание соблазна военно-политического и как следствие морально-идеологического реванша Москвы, чтобы предотвратить нападения московитов, Витовт организовал перед Василием устрашающую демонстрацию военной мощи на границе с Московским княжеством – внушительный смотр всего огромного литовско-белорусского и русско-украинского войска, а также татарской отборной конницы. Зять был впечатлен военным парадом тестя и надолго отбросил нелепую мысль сыграть на западных противоречиях.

Осенью 1408 года на совете высших чинов Тевтонского ордена фогт Жемайтии и комтуры пограничных областей сообщили, что жемайтскую границу постоянно пересекают литовцы, русские (читай восточные славяне: белорусы, русские, украинцы) и татары, переодетые купцами, с призывами к восстанию. Однако Витовт к тому времени еще не был готов к крупномасштабным военным действиям, он пока сдерживал себя, старательно игнорируя явные вызовы и провокации крестоносцев. Весной 1409 года Марквард фон Зальцбах (39) один из послов Ордена, в прошлом боевой товарищ и друг Витовта, позволил себе открытые оскорбления в адрес великого князя. Заносчивый крестоносец, не в силах добиться от князя конкретного ответа на свой вопрос, кого Витовт будет поддерживать в случае войны – Польшу или Тевтонский орден, высокомерно и расчетливо унизил главу суверенного государства. Тевтонец, пользуясь дипломатической неприкосновенностью, нагло заявил, что князь, мол, уже трижды изменял Ордену, а теперь намерен предать в четвертый раз, в то время как крестоносцы всегда держали свое слово. И хотя Ульрих впоследствии приносил извинения за необдуманные действия своего

подчиненного, однако эта дерзость стоила Маркварду фон Зальцбаху в прямом смысле головы, которую он потерял сразу же после позорного пленения при Грюнвальде. Наглый крестоносец и здесь был абсолютно уверен в своей безнаказанности, потому что по рыцарским законам пленные являлись лицами неприкосновенными и находились под защитой иммунитета. Тевтонского комтура, продолжавшего насмехаться над победителями, изо рта, которого лились ушата помоев на великого князя и польского короля, по приказу Витовта, не выдержавшего весь этот цирк, казнили отсечением головы. То был видимо один из ярчайших исторических примеров, когда человека губит его же собственный язык, чрезмерная гордыня и самоуверенность.

После заключения мира с великим князем Московским Василием Дмитриевичем 14 сентября 1408 года, Витовту можно было, не опасаясь удара в спину, все свое внимание переключить на Жемайтию. Жемайты, очутившись под пятой немецкой оккупации, очень быстро почувствовали все «прелести» западной христианской цивилизации, религиозные истины которой насильственно вколачивались в их языческие головы непреклонными тевтонскими рыцарями-монахами и их подручными, через насилие и ни чем не прикрытые унижения. Бесправные жемайты, жестоко угнетаемые крестоносцами, отчаянно тоскующие по прежней свободе, давно были готовы к восстанию и только ждали сигнала великого князя. Наконец Витовт решился открыто поддержать многочисленных перебежчиков, передавая через них указания старейшинам Жемайтии. Свободолюбивая литовская земля по нижнему течению Немана была объята всеобщим недовольством, она буквально гудела, словно рассерженный пчелиный улей, готовая в любой момент наброситься на своего обидчика. В ответ Орден немедленно ужесточил контроль над Самогитией, так он называл Жемайтию, закрыл границу с Великим княжеством, расправился с непокорными дворянами из числа коренного местного населения, но это лишь еще больше озлобило жемайтов.

Атмосфера предельно накалилась после того, как крестоносцы потребовали выдачи новых заложников. Малейшая искра могла привести к большому пожару. Вся Жемайтия ждала сигнала из Литвы, и Витовт в конце весны такой знак подал. 31 мая 1409 года вся Жемайтия разом восстала, народ повсеместно поджигал рыцарские замки, убивая крестоносцев вместе с их помощниками. Восставшие неожиданным ударом овладели Христмемелем (40) и сожгли его дотла. События разворачивались стремительно, уже к концу июня были изгнаны последние немецкие гарнизоны, после того как в середине июня 1409 года через реку Нявежис (41) переправились литовско-белорусские отряды во главе со старостой Румбольдом Валимунтовичем (42) – соратником и доверенным лицом великого князя. Сам Витовт был еще не готов к войне, он стремился отодвинуть начало крупномасштабных боевых действий со стороны Ордена на конец июля – начало августа. Согласно тайной договоренности 1408 года время совместного с Польшей выступления приходилось как раз на этот момент. Витовт вынужден был заявлять тевтонскому руководству о своей полной непричастности, делая вид, что он знать не знает, кто на самом деле оказывает самогитам поддержку, что он в жемайтских событиях не замешан и совершенно к ним непричастен. Тем не менее, своевременно отправленные великим князем в Самогитию войска оказали существенную помощь жемайтам, весь край очень быстро снова перешел под власть Великого княжества Литовского и Русского. *«Итак, послав маршалка литовского Румбольда с воинами, он (Витовт) берет в плен и изгоняет Михаэля Кухмейстера, фогта Самогитии (Жемайтии), и прочих крестоносцев и все их отряды, размещенные в недавно воздвигнутых замках...»*, – радостно и гордо вещает нам вполне довольный действиями великого князя Ян Длугош (43).

Давние события на Ворскле до сих пор напоминали о себе и время от времени охлаждали не в меру горячее сердце воинственного литовца, подсказывая об осторожности. Однако, несмотря на несравненно более значимые, чем прежде негатив-

ные последствия нового крупного поражения, которое нельзя было полностью исключить, Витовт все же решился на войну с невероятно сильным и коварным противником. На этот раз реальная опасность для Великого княжества была столь велика, что промедление грозило уже в самом скором времени обернуться полной потерей национальной государственности. У Витовта не было пути назад – либо победа и свобода, либо бездействие и рабство. Хорошо понимая, что даже без вмешательства в дела жемайтов конфликта с крестоносцами, ему, так или иначе, не избежать, главной своей задачей Витовт считал теперь повсеместный рост народного возмущения действиями Тевтонским ордена. Он всячески подогревал ненависть к жестокому врагу, провоцировал разжигание страстей, возбуждал патриотический подъем, поднимал славян и литовцев на борьбу за униженную национальную гордость, приучая к мысли о грядущей большой войне с немцами. Витовт активно привлекал на свою сторону великопольскую шляхту и простых поляков пограничных областей, уже давно притесняемых тевтонцами.

Поводом к всеобщему возмущению действиями Ордена послужил захват крестоносцами в Рагайне (Рагнете) (44) 20 польских кораблей с зерном, которые Ягайло послал страдавшей от неурожая Литве. Длуош пишет: «*Владислав, король польский, зная, что литовская страна погибает от тяжкого и пагубного голода, ибо как озимые, так и яровые посевы были уничтожены чрезмерными дождями, побуждаемый через гонцов просьбами Александра-Витовта, великого князя литовского, приказывает обмолотить хлеб из всех королевских имений и риг в Куявской земле. Хлеб этот за несколько лет был собран деятельными хлопотами старост куявских Заклики из Мендзыгожа, канцлера королевства Польского, герба Топор, и Яна, иначе Ивана, из Обихова, каштеляна сремского. Затем король посылает в Литву двадцать больших кораблей с хлебом по реке Висле до Рагнеты, с тем, чтобы оттуда суда следовали вверх по реке Неману. Доведенные в Рагнету, эти ко-*

рабли были перехвачены по распоряжению магистра прусского Ульриха фон Юнингена. Для оправдания и обеления совершенного им поступка магистр заявил, будто на тех кораблях везли оружие для варваров и язычников против христиан и верующих; на самом же деле магистр распорядился так из зависти и раздражения на то, что литовцы откажутся покупать по дорогой цене хлеб, принадлежащий ему и Ордену и хранимый с давних времен в амбарах» (45).

Руководство Тевтонского ордена во главе с великим магистром Ульрихом фон Юнгингеном в деле возврата Жемайтии было настроено весьма решительно, но стремилось любыми средствами не допустить вовлечения Кракова (46) в готовящуюся ими войну с Витовтом. Поскольку Польша являлась естественным союзником Литвы и потенциально смертельно опасным для Ордена соперником (в первую очередь из-за обширности и густо населенности ее территорий), Ульрих фон Юнгинген с целью устрашения Ягайло вскоре перешел от дипломатического давления и угроз вторжения, к прямым демонстрациям военной силы. Крестоносцы вторглись на территорию Польши, сожгли пограничные деревни в Мазовии (47), а на польском берегу реки Древенцы (48) построили укрепленную мельницу. Великий магистр и капитул (49) Тевтонского ордена, используя все свое влияние, дипломатические рычаги, давление западных союзников и покровителей, всячески пытались настроить наиболее влиятельную часть феодальной верхушки Польши против планов Ягайло на военное сближение с Литвой.

Между Витовтом и Ягайло, еще с декабря 1408 года во время тайной встречи в Новогрудке (50), была достигнута договоренность о начале совместных боевых действий против Ордена в 1409 году летом *«как поспеет рожь»*. Иными словами, в конце июля, в начале августа планировалась большая война с крестоносцами, но уже 10 июня польский король посылает в Эльблангу (51), где находилось руководство Тевтонского ордена, свои претензии по поводу пограничных конфликтов.

Ульрих фон Юнгинген вынужден был удовлетворить большую часть из них, в силу того, что Орден еще не полностью подготовился к войне, и в свою очередь отправил к Ягайло Торнского комтура с жалобой на действия Витовта. Когда Великому магистру донесли, что Витовт подбивает жемайтов *«захватить Кенигсберг и топить рыцарей»*, а сам хвалится: *«Недалек тот час, когда я буду поить своих коней в Рейне!»*, он немедленно посылает еще одно посольство к польскому королю, чтобы выяснить позицию Ягайло, но определенности Ульрих так и не добился. Ягайло известил тевтонских переговорщиков, что не может дать окончательного ответа до тех пор, пока по этому поводу не выскажутся члены Коронной Рады, которая должна собраться во второй половине июля.

Состоявшийся 17 июля 1409 года съезд крупных феодалов Польши в Ленчице склонен был решать пограничную проблему с Орденом путем переговоров. Однако вельможные паны не исключали возможности войны в случае непримиримой позиции крестоносцев и нежелания идти на уступки полякам. Одновременно они постановили, что Коронная Рада решительно выступает за союз с Великим княжеством Литовским и обязуется оказать ему помощь при нападении Ордена.

Ягайло сразу направил в Мариенбург большую делегацию переговорщиков. Не вполне понятна конкретная цель этой делегации. То ли польский король на самом деле добивался компенсации за похищенное крестоносцами зерно, то ли основная ее цель была разведать силы и планы крестоносцев, то ли ущемленная гордость суверенного монарха требовала восстановления справедливости и полного равноправия в межгосударственных отношениях? Однако наиболее вероятными все же были совсем другие мотивы. Далеко не глупому Ягайло, серьезные планы, задуманные вместе с Витовтом, можно было осуществить, добившись, если не полной международной изоляции Ордена, что было сделать в тех условиях совершенно не реально, то хотя бы настроить европейское общественное мнение не в пользу тевтонцев.

Заставить задуматься об участии в войне тех, кто всегда по первому требованию приходил на помощь Ордену, можно было, только продемонстрировав свое глубокое миролюбие на фоне открытого стремления крестоносцев к агрессии. Вполне возможно, что Ягайло дал прямые указания главе польского посольства спровоцировать орденское руководство на объявление войны. Король хотел выглядеть в глазах западных монархов, объединения усилий которых против действий Польши и Литвы он больше всего боялся, человеком, тяготеющим к миру, а не к войне. Таким способом Ягайло демонстрировал всем, что он, применяя лишь легитимные способы и меры воздействия на несговорчивого противника, действовал исключительно лишь в рамках строгой законности и в пределах норм международного права, делал, и будет делать все от него зависящее для предотвращения военного конфликта.

1 августа 1409 года большая польская делегация предстала перед орденским руководством во главе с Ульрихом фон Юнгингеном. Польский король соглашался мирно решить все спорные вопросы через третейский суд при условии, что крестоносцы до начала суда не будут нападать на Жемайтию и угрожать Литве. Великий магистр, в свою очередь, заявил, что оставит в покое и Польшу, и Литву, если их руководство откажется от помощи восставшим жемайтам. Но так как Витовт, нарушая прежние соглашения, не только дает деньги и оружие самогитам, а даже посылает своих воинов убивать тевтонских рыцарей и жечь замки Ордена, он, Ульрих, вынужден будет объявить войну великому князю.

Как нам рассказывает Ян Длугош, оскорбленный угрозами Ульриха об объявлении войны Великому княжеству, глава посольства Миколай Куровский архиепископ Гнезненский смело ответил ему: «*Перестань, – сказал он, – магистр, страшить нас, что пойдешь войной на Литву, так как, если ты решишь это сделать, то не сомневайся, что, лишь только ты нападешь на Литву, наш король вторгнется в Пруссию*» (52).

Услышав такое откровенное заявление, великий магистр поблагодарил архиепископа за достаточно ясное выражение позиции Ягайло и заверил, что хочет быть не менее честным по отношению к нему, пообещав направленную против Литвы войну в самое короткое время обратить на Польшу.

К этому времени Тевтонский орден был полностью готов к большой наступательной войне и Ульрих вполне мог себе позволить такое откровенно смелое высказывание. Великий магистр, окончательно разобравшись в позиции Польши, и в том, что изолировать Литву ему не удастся ни при каких обстоятельствах, сразу приступил к смене тактики. Исчерпав, как ему казалось, весь дипломатический арсенал, Ульрих фон Юнгинген перешел от словесных устрашений Польши к проведению решительных боевых операций. Как пишет орденский хронист Иоганн фон Поссильге (53), 6 августа 1409 года великий магистр отправляет из Мариенбурга послание, уведомляя польского короля о разрыве мирных отношений и о начале военных действий. Ягайло получил его 14 августа, а уже 16 августа войска крестоносцев несколькими большими отрядами вторгаются с разных направлений на территорию Польши. Началась Великая война 1409–1411 годов.

Цель Витовта по вовлечению Ягайло в прямой вооруженный конфликт с Орденом оправдалась, король в ответ на действия крестоносцев призвал на воинскую службу польских рыцарей, объявив «*посполитое рушэнне*» (54). Таким образом, не только литовско-белорусское государство без особого труда и серьезных издержек довольно успешно смогло избежать изоляции, к которой его так стремился принудить великий магистр, но и все действия Польши по вступлению в войну выглядели теперь вполне законными и справедливыми. Ягайло добился своей главной цели – обоснованности полномасштабной войны против крестоносцев, поскольку агрессором однозначно и безоговорочно теперь являлся Тевтонский орден, который официально и открыто, нарушая прежние договоренности, объявляет войну, и без видимых причин и аргументиро-

ванной мотивации вторгается в земли польского государства. Правда, ни сам Ягайло, ни вооруженные силы Польши были пока еще не готовы должным образом противостоять мощной хорошо спланированной атаке Ордена.

Одним из решающих факторов положительно повлиявшим на втягивание южной соседки Ордена, государства, в общем и целом сравнительно миролюбивого, в большую войну с ним явилось то, что как раз в этот период существенно изменились политические предпочтения и общее настроение в королевском совете. «Мирная» группировка, до тех пор удерживавшая Ягайло от решительных действий против Ордена, теперь составляла явное меньшинство в высшем коллегиальном органе политической власти феодальной Польши, так как еще в 1387 году исторические устремления малопольских феодалов на восток были в значительной степени удовлетворены возвращением Польше Галицкой Руси. Явное лидерство в Коронной Раде захватили к моменту начала Великой войны великопольские магнаты, которые на себе ощущали возрастающую опасность соседства Тевтонского ордена. Их поддержала также часть наиболее патриотично настроенной малопольской шляхты, ставившей общегосударственные интересы выше собственных. Среди них особо выделялись архиепископ Гнезненский Миколай Куровский, епископ Познанский Войцех Ястшембц, подканцлер Миколай Тромба, маршалк Збигнев из Бжезя, Винцент Грановский, каштелян Калишский, Мацей из Лабышина, воевода Калишский и другие известные магнаты, политические и религиозные деятели, выдающиеся люди польского государства.

Важной причиной для существенного изменения в настроениях польской правящей элиты, несомненно, стало приобретение Орденом в 1402 году Новой Марки (55), соединившей земли тевтонцев с бранденбургскими владениями (56), что отрезало Польшу от Западного Поморья (57). Захват крестоносцами пограничных замков Сантока и Дрезденко (58) добавил озабоченности полякам, подталкивая их к готовности в скором времени противостоять массовой агрессии тевтонцев.

Настоящим потрясением для Ягайло и польской знати послужило известие о возникшем на западе секретном проекте по разделу Польши между Орденом, германским императором, а также бранденбургским маркграфом и венгерским королем в одном лице (59). Польскому королю донесли, что к великому магистру Тевтонского ордена прибыл силезский (60) герцог, который находился в дружеских отношениях с люксембургским домом (61), царствовавшим в Венгрии и Чехии, с такими словами: *«Мой государь король венгерский, маркграф моравский, герцог герлицкий, герцог австрийский и я, тщательно обсудив дело, сговорились напасть на польского короля. Король чешский будет нам помогать. Мы думаем, что вы можете принять в нашем деле участие. Мы хотим, чтобы в Польше больше не было короля. Все, что лежит по сю сторону Калиша, вместе с Мазовией должно отойти к Пруссии, страна за Калишем достанется Венгрии, а вся земля по Варте – Бранденбургу и римскому королю Сигизмунду»* (62).

Как передали Ягайло, великий магистр не пожелал открыто взять на себя никаких обязательств, но заявил, что если папа объявит крестовый поход, а германский император обнажит меч против польского короля, то он, со своей стороны, тоже будет биться за правое дело, не щадя живота. Этот тайный заговор алчных соседей вывел из пассивного состояния феодальную элиту Польши, задев ее национальную гордость. Кульминацией, высшей точкой накала враждебных отношений между Тевтонским орденом и Польшей послужил неожиданный разрыв 6 августа великим магистром Ульрихом фон Юнгингеном дипломатических отношений и всех мирных договоренностей. Затем 16 августа 1409 года последовало нападение крестоносцев на недавно выкупленную у них поляками Добжинскую землю (63), а также другие приграничные территории. Захватнические действия Ордена неминуемо привели к народному возмущению и освободительной войне, вызвали небывалый патриотический подъем во всех слоях польского общества.

Активные боевые действия на первом этапе позволили крестоносцам глубоко вклиниться в польские земли. Наступление войсковых соединений тевтонцев было прекрасно организовано и четко спланировано. Согласно планам Ульриха фон Юнгингена боевые действия осуществлялись из нескольких пунктов сосредоточения. Главный и основной удар наносился по Добжинским землям. Общее командование военными операциями осуществляли совместно Ульрих фон Юнгинген и великий маршал Фридрих фон Валленрод. Он был избран на эту вторую по значимости должность в высшем руководстве Ордена в 1407 году и вплоть до своей гибели 15 июля 1410 года в битве при Грюнвальде очень успешно с нею справлялся. Добжин был взят общим штурмом, гарнизон защитников полностью вырезан, замок сожжен, а город разграблен. Крестоносцы вскоре захватывают Рыпин, Липно и Бобровники (64). Бесчинства тевтонцев не знают границ, они расправляются не только с мужчинами, но «*убивают много девушек и женщин, оказавшихся там*» (65). Наиболее упорное сопротивление крестоносцам оказал гарнизон замка Злоторыи (66), однако и этот последний пункт обороны в Добжинской земле 2 сентября капитулировал.

В это время комтуры (67) из Тухолы и Члухова (68), действуя одновременно с главными силами Юнгингена, опустошили Краину (69) – область на западе от Быдгоща (70). Затем, не встречая на своем пути серьезного сопротивления, двинулись к Быдгощу. В военных отчетах великому магистру комтуры хвастливо сообщали, что на протяжении 8 дней безжалостно сжигали все на своем пути. Они захватили много замков, в том числе Свеце (71), где находился плененный поляками комтур Генрих фон Плауэн (72), сыгравший впоследствии решающую роль в спасении тевтонского государства от полного крушения. Плауэн стал одним из самых выдающихся великих магистров в истории Ордена. Важный стратегический пункт Свеце был взят крестоносцами без боя и людских потерь, так как ворота замка открыли предатели. Освобожденный товари-

щами по оружию Генрих фон Плауэн сразу включился в активные боевые действия, усиленно мстя полякам. Уже 1 сентября он во главе крупного отряда крестоносцев прибыл в захваченный тевтонцами Быдгощ, профессионально и быстро подготовив замок к длительной обороне.

Одновременно прокуратор (фогт) (73) Новой Марки Арнольд фон Баден опустошил окрестности Дрезденка (74) на северо-западной пограничной полосе Польши. Комтуры Астроды и Бранденбурга, объединив усилия, огнем и мечом прошлись по владениям князя Януша Мазовецкого (75). Однако здесь крестоносцы столкнулись с серьезным сопротивлением местных жителей и организованным противодействием воинственного семейства Януша. В ответ на действия тевтонцев сын Януша Мазовецкого Болеслав ворвался в Пруссию, сжег Зольдау (76) и опустошил окрестности Растенбурга (77). Однако это мало изменило общую катастрофическую для Ягайло ситуацию, при которой Польша наглядно показала полную неготовность к большой войне с Тевтонским орденом.

Примечания:

NB В примечаниях по ряду ключевых вопросов описываемого периода всемирной истории счел целесообразным привлечь мнение авторов информационно насыщенного энциклопедического словаря Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона, наиболее интересного и максимально развернутого, на мой взгляд, издания на русском языке, который не утратил своей ценности и в наше время. Материалы российских ученых столетней давности, оставлены в перврначальном варианте, но слегка исправлены мной (Н.В.В.) и дополнены исходя из состояния исторической науки на начало 21 века. Дополнения и некоторые исправления указаны в скобках по ходу оригинального текста.

1 – Тевтонский орден

Г. Лучинский. Из словаря Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. 2000–2009, Библиотека «Вехи»

«**Тевтонский орден**, иначе называемый также *прусским* или *немецким орденом*, во время своего многовекового существования пережил несколько стадий развития (Тевтонский орден или *Ordo*

domus Sanctae Mariae Teutonicorum, что дословно переводиться, как *Орден дома святой девы Марии Тевтонской* – Н.В.В.).

Основание. Т. орден был основан в 1128 г. в Иерусалиме небольшим кружком богатых немцев с целью оказывать материальную помощь больным и бедным паломникам германского происхождения. Небольшой кружок быстро разросся в целое общество, члены которого стали называться братьями св. Марии Тевтонской. Около 1189 г. сын Фридриха Барбароссы сообщил новому ордену военный характер, дал ему устав тамплиеров и форму одежды (белый плащ с черным крестом) и назвал Т. орден Домом св. Девы Иерусалимской. В 1191 г. папа Климент III утвердил устав ордена, который стали называть просто Т. орденом. Первым начальником ордена — или гохмейстером, как они стали называться впоследствии, – был Генрих Вольдботт (Генрих Вальпот 1198 – 1200 гг. – Н.В.В.). Сделавшись военным учреждением, Т. орден, тем не менее, сохранил и свой первоначальный характер религиозно-благотворительного учреждения со многими правилами монастырской жизни. Пополнялся он, главным образом, членами германских аристократических фамилий. Большой роли в Палестине Т. орден не играл, так как сразу стал на сторону Фридриха II и вообще Гогенштауфенов в борьбе последних с папой. Вскоре после падения Акры гохмейстер Т. ордена Герман Зальца (Герман фон Зальца 1210–1239 гг. – Н.В.В.) вместе с рыцарями переправился в Венецию, где и основал свою резиденцию. Фридрих II и папа Гонорий III наделили орден многочисленными землями в Германии и Италии. Каждый из них хотел привлечь Т. орден на свою сторону. Зальца очень ловко лавировал между ними, стремясь как-нибудь помирить их. Главною его целью было найти такую область, где можно было бы стать самостоятельным государем. Как раз в это время венгерский король Андрей предложил Т. ордену Трансильванскую область Бурзу с гг. Крейцбургом и Кронштадом под условием защищать ее от набегов половцев, но скоро отнял у ордена землю под предлогом неисполнения им своего обязательства. После этого в 1226 г. князь Мазовецкий Конрад предложил Т. ордену Кульмскую и Лёбодскую земли за защиту от пруссов. Наученный предыдущим опытом, Зальца выхлопотал у Фридриха II грамоту на владение Кульмской землей и на Прусскую землю, чтобы *«ввести там хорошие обычаи и законы для упрочения веры и установления благополучного мира между жителями»*. В 1228 г. отряд рыцарей Т. ордена пришел на берега Вислы.

Завоевание Пруссии, или Боруссии. Пруссия, иначе Боруссия, ныне прусская провинция Прусского королевства, (территория современной северо-западной Польши и Калининградской области России – Н.В.В.) была населена пруссами, или боруссами, народом литовского племени (пруссы – родственные литовцам десять спмостоятельных балтийских племен – Н.В.В.). Это были язычники с довольно разработанным культом. В 1209 г. впервые стал распространять в этой стране христианство еп. Христиан с благословения папы и при содействии Конрада, князя Мазовецкого. В 1215 г. папа назначил Христиана епископом и владетелем Пруссии. Христиан стал созывать крестовый поход против пруссов. Поход не удался. Конрад Мазовецкий, покровительствовавший Христиану, обратился, как сказано выше, к Т. ордену, но Христиан не соглашался признать права ордена на Кульмскую землю и на Пруссию. После долгих препирательств между Фридрихом II, папой, Конрадом Мазовецким и Христианом Т. ордену удалось устроиться. По тайному договору с Конрадом Т. орден получил от последнего в собственность Кульмскую землю (правда, договор этот был составлен в очень неопределенных выражениях), раньше отданную Христиану: папе сообщили некоторые статьи этого договора, и он санкционировал его. В 1231 г. был заключен договор и с Христианом: Т. орден признал себя его вассалом, обязался платить ему десятину и отдать значительную часть Пруссии, если ее удастся завоевать. С этого же года начинается постепенный захват земли пруссов по определенному плану: завоевывается известная местность; в ней строят замки, города; жители избиваются (сказано громко, но это лишь частично соответствует правде, т.к. шел процесс в основном мирной ассимиляции пруссов, однако в тоже время, всех непокорных тевтонцы решительно и безжалостно уничтожали – Н.В.В.); призываются переселенцы из Германии, и завоеванная область становится германской (далеко не сразу, а лишь с течением времени при условии взвешенных действий тевтонского руководства, подрозумевавших массовое внедрение религиозной, культурно-рассовой политики по отношению к захваченным, но еще далеко не оставившим мысль о свободе пруссам – Н.В.В.). В 1231 г. был построен Торн. Пользуясь тем, что Христиан попался в плен (был пленен предствителями одного из воинственных племен пруссов, продолжавшими оказывать упорное сопротивление захватчикам – Н.В.В.), Т. орден в 1234 г. получил от папы Кульмскую землю и Пруссию в вечное владение за обязательство

платить дань. С тех пор папы покровительствовали всеми силами Т. ордену, который овладел Помезанией и всеми укреплениями до устья р. Ногаты. В 1237 г. был захвачен Бальгас, откуда идут попытки завладеть Вармией. В том же году к Т. ордену присоединяется Ливонский орден. Т.ордену пришлось в своих завоевательных стремлениях столкнуться с Русью; в 1242 г. Александр Невский разбил его войска (малозначительные военные силы, состоявшие из нескольких десятков рыцарей и пяти сотен воинов покоренных Орденом народов, в основном из числа чуди – Н.В.В.) на льду Пейпуса. (Данный военный конфликт был по меркам даже того времени слишком незначительным и не мог существенно повлиять на дальнейший ход развития истории региона, лишь на короткий срок обезопасив северо-западные границы Новгородской республики – Н.В.В.). Поднялось восстание (Не очень понятное предложение в том смысле, что восстания происходили на завоеванных тевтонцами территориях постоянно и обычно были связаны с успехами соплеменников либо соседей – Н.В.В.). Положение Т. ордена было шаткое, тем более, что Христин к этому времени был выкуплен из плена и заявил притязания на владения ордена; но папа поддерживал орден, а Христиан скоро умер. В 1249 г. спор с архиепископской властью был окончательно решен в пользу ордена папой Иннокентием IV-м. Архиепископская кафедра была перенесена в Ригу; кульмские и прусские епископы стали самостоятельными и назначались из членов Т. ордена. Папа ревностно поддерживал орден, склоняя рыцарей поступать в братство *«храбрых Маккавеев»*. Завоевание шло успешно. Зимой 1254/55 г. был предпринят богемским королем Оттокаром крестовый поход против пруссов, окончившийся расширением владений ордена и основанием Кенигсберга. Население смирилось и стало принимать христианство, но ужасы завоевания и управления вызвали общее восстание в 1260–61 гг. под руководством литовского князя Миндовга (Все началось с ошеломляющего успеха жемайтов, разбивших крестоносцев при Дурбе в 1260 году. Жемайты подали тем самым сигнал к всеобщему возмущению пруссов; это в свою очередь подтолкнуло короля Миндовга, разочарованного в дружбе с тевтонцами и католическим засилием, к возврату в язычество и поддержке справедливой освободительной борьбы соседей – Н.В.В.). Положение ордена было критическое. Тщетно папы Урбан IV и Климент IV взывали о помощи ордену: в Германии царила анархия. Правда, Оттокар по настоянию папы двинулся крестовым

походом, чтобы *«одолеть воскресшее в Пруссии чудовище прежнего идолослужения»*; но поход его был неудачен. Избрание Рудольфа Габсбургского спасло Т. орден. Из Германии при содействии Рудольфа двинулся целый поток германцев, и восстание было подавлено, залито кровью: в Помезании все жители были перебиты (не все, а те, кто оказывал сопротивление крестоносцам – Н.В.В.), в Самландии население частью истреблено, частью скрывалось в лесах; Судавия обращена в пустыню; Курляндия и Семгалия покорены и опустошены. Таким образом, Т. ордену с помощью Германии и Ливонского ордена удалось завладеть обширною площадью от низовья Вислы до границ Литвы на Востоке и до Мазовии на Юге. Было основано много замков и городов – Эльбинг, Мариенвердер, Мариенбург, Гольдинген, Виндава, Митава и т. д. Было вызвано множество немцев-колонистов, которые сели частью на земле, частью в городах; города получили право самоуправления (магдебургское, любекское); прибыло много и германских дворян; туземное население обратили в крепостное состояние и обращались с ним ужасно – оно были вне закона (неверное утверждение, так как большая часть пруссов оставалось свободными крестьянами и ремесленниками – Н.В.В.). *«Мы скоро умрем и пойдем на небо,* – говорили несчастные, – *и будем мучить там немцев так, как они мучили нас здесь на земле».* Война продолжалась (покорение Пруссии – Н.В.В.), собственно говоря, около 55 лет – с 1230 по 1285 г.

Период процветания. К началу XIV в. Пруссия представляла собою настоящую германскую провинцию (вполне успешную в экономическом плане и самостоятельную в политическом отношении – Н.В.В.); даже левый берег Вислы был в руках Т. ордена, и здесь стоял цветущий гор. Данциг. Завоевание Пруссии Т. орденом может служить иллюстрацией к общему характеру захвата германцами славянских земель (почему говорится о *«славянских»* землях непонятно, может быть имелось ввиду покорение полабских славян германцами, которое произошло ранее, так как пруссы и другие Прибалтийские племена, в том числе и литовцы, относятся к балтской языковой группе арийских языков – Н.В.В.) в средние века и кровавой германизации этих земель. (К слову сказать, не умоляя справедливой борьбы за свою независимость народов Балтики, в том числе и славянских племен, ни сколько не оправдывая захватнические действия тевтонцев и их покровителей, без большой крови не обходилось ни одно серьезное завоевание в истории человечества – Н.В.В.). XIV в.

был временем наибольшего процветания ордена; завоевания были упрочены, торговля и промышленность росли, города богатели. В 1309 г. гохмейстер Зигфрид Фейтхванген перенес свою резиденцию из Венеции в Мариенбург. С этого времени Т. орден отказался от своего религиозного призвания и стал государственным учреждением (в тоже время не нужно недооценивать всей серьезности религиозной составляющей функционирования тевтонского государства – Н.В.В.). Т. орден не отказался от своей политики захватов на счет Литвы и Польши, но и соседи ордена в свою очередь объединяли свои силы. Польша достигла значительной силы при Владиславе Локетке; Литва собралась в одно княжество под властью Гедимина (неверное утверждение, поскольку Великое княжество Литовское и Русское успешно существовало еще со времен короля Миндовга, однако из-за начавшихся междоусобных разборок прежнего международного признания смогло вновь по-настоящему достичь лишь при Гедимине – Н.В.В.). В 1315 г. Гедимин заключил с Владиславом Локетком союз против ордена. Началась многолетняя опустошительная война между Т. орденом и Литвой. Германская знать попрежнему являлась на помощь и принимала участие в походах тевтонцев; но помощь эта не имела большого значения для ордена, он в ней не нуждался. Гохмейстеры Фейхтванген, Беффарт и Орселон (Зигфрид фон Фейхтванген, годы правления Орденом с 1303 по 1311, Карл фон Триер – с 1311 по 1324, Вернер фон Орслен – с 1324 по 1331 – Н.В.В.) энергично укрепляли могущество ордена. При гохмейстере Лотаре Брауншвейгском (Лютере фон Брауншвейге, который руководил государством с 1331 по 1335 годы – Н.В.В.) рыцари опустошили земли куявского епископа. Папа посылал проклятия против «*грабителей церкви и убийц*», но рыцари, замечает хроника, спокойно кушали. В 1331 г. началась война с Польшей и шла с переменным счастьем. В 1335 г. был заключен в Вышеграде мир, по которому Польша сохранила Куявию и Добржинскую землю, но Помереллия, захваченная в XIII в., осталась за Т. орденом. Польские вельможи не признали этого мира. В 1336 г. война с литовцами возобновилась; Т. орден осадил литовский замок Пиллицен. Осажденные, в числе около 4 тыс., перебили друг друга, чтобы не попасться в плен. В 1343 г. наконец был заключен мир между Польшей и Т. орденом. В 1333 г. Эстляндия была подарена Людовику, маркграфу Бранденбургскому, сыном низвергнутого короля датского Христофора II, Оттоном, но Людовик не мог завоевать ее, и обратился к Ливонскому ордену, на-

ходившемуся в вассальной зависимости от Т. ордена. Эстляндия была завоевана и совершенно опустошена. Война с литовцами и русскими с 1341 по 1351 г., сначала неудачная для ордена, кончилась победою его в 1348 г. В 1361 г. вспыхнула новая война с Литвою (правильнее сказать с Великим княжеством Литовским и Русским, так как восточные славяне – русские, украинцы, но в основном белорусы – в пределах этого государства составляли абсолютное большинство – Н.В.В.); Т. орден захватил Каупу (Ковно) (город Каунас на территории современной Литвы – Н.В.В.); в 1370 г. литовские князья Ольгерд и Кейстут потерпели сильное поражение при сел. Рунсау. С 1377 г., после смерти Ольгерда, начинаются смуты в Литве, в которые вмешивается орден и доставляет власть Ягайлу (слишком смелое утверждение, скорее тевтонское руководство оказывает существенную помощь в утверждении на великокняжеском троне Ягайло взамен на территориальные уступки с его стороны в отношении Ордена – Н.В.В.). В XIV в. устройство ордена закончилось; выяснились стремления и симпатии дифференцировавшихся классов. Т. орден, сделавшись государством de facto, не отказался от монашеской окраски. Рыцари по-прежнему давали обеты целомудрия, послушания и бедности, но это было пустой формальностью: они утопали в роскоши, пировали и развратничали (снова слишком тендециозное высказывание; в грубом средневековом обществе тевтонцы всегда были примером воздержания и умеренности, хотя и они, несмотря на железную дисциплину, в условиях постоянных войн и лишений не были чужды определенных человеческих слабостей, особенно в отношении хорошего вина и вкусной еды – Н.В.В.). «*Запирай дверь от орденских рыцарей*» – гласила поговорка. «*За обедом,* – говорит хроника, – *у рыцарей только и было речи, что о красивых женщинах и хороших лошадях*». (У настоящего рыцаря согласно кодексу воинской чести и куртуазным манерам общественного поведения средневековья только и могло быть две настоящих слабости – дама сердца, которой рыцарь самоотверженно служил, и хороший конь, который преданно служил своему хозяину, выручая рыцаря в трудные мгновения боя за честь дамы и во славу его оружия. Мы забываем, что для рыцарей монахов его дамой сердца, которой он служил до самой своей смерти, была мать Иесуса – святая дева Мария, ей поклонялись не только рыцари-монахи, но и все остальные члены братства. Разговоры о лошадях были вполне допустимы в среде орденских братьев, но разговоры о красивых женщиных – явная пре-

рогатива знатных гостей из Центральной и Западной Европы, часто посещавших братьев в поисках рыцарской славы в войне за святого Георгия против язычников и схизматиков – Н.В.В.). Во главе Т. ордена стоял *гохмейстер*, избираемый старшими рыцарями. При нем в качестве совещательного и в то же время контролирующего его действия учреждения был *орденский капитул*. Землями Т. ордена в Германии управлял особый сановник – *дейтшмейстер*, который тоже надзирал над гохмейстером и один имел право собрать *общий капитул*. Последний судил гохмейстера, мог даже лишить его сана, издавал законы, назначал высших сановников. Общий капитул собирался один раз в год. Гохмейстер имел 5 помощников: 1) *великого комтура*, заведовавшего финансами Т. ордена, (ошибочное утверждение, поскольку финансами управлял великий казначей, а доступ к казне имели лишь три человека – великий магистр, великий комтур и великий казначей, но открыть сокровищницу они могли только все вместе одновременно каждый со своим особым ключом – Н.В.В.); 2) *верховного маршала* – заведовавшего военными делами; 3) верховного госпитальера (занимался больницами и приютами, эта должность очень скоро стала чисто номинальной, скорее почетной, чем реальной и ее выполнял один из комтуров или ландмейстеров – Н.В.В.); 4) верховного гардеробмейстера (занимался обеспечением обмундированием и защитным вооружением, также как и великий госпитальер с развитием орденского государства утрачивал реальную власть, часто функции великого гардеробмейстера выполняли комтуры крупных административных земель – Н.В.В.); 5) орденского казначея. Гохмейстер (великий магистр Тевтонского ордена – Н.В.В.) был верховным повелителем; он утверждал и магистра ливонского ордена (ландмейстера Ливонии – Н.В.В.). Его помощники были своего рода министры. Все земли Т. ордена были разделены на области, которыми управляли особые *контуры* (комтуры или командоры – Н.В.В.). Все должности замещались исключительно рыцарями ордена. Орденский капитул издавал законы обязательные для всех, не справляясь с желаниями населения. Между тем, некоторые классы подвластного ордену населения настолько усилились, что требовали и себе доли во власти. Прежде всего, было недовольно своим положением духовенство, особенно рижский архиепископ. Недовольство духовенства разделяли дворянство и горожане. Города Данциг, Кенигсберг, Торн, Кульм, Браунсберг и др. вели большую торговлю со многими странами в том числе и с Россией (как полно-

ценное независимое государство Россия появляется лишь после 1485 года при Иване Третьем, когда было окончательно сброшено татаро-монгольское иго, а княжество Московское провозглашено царством – Н.В.В.), участвовали в Ганзейском союзе, богатели; Т. орден стремился наложить на них свою руку, стеснял их самоуправление, требовал долю прибыли в торговле, часто нарушал ганзейские законы, претендовал на право первым покупать товары, в случае банкротства купца считал себя привилегированным его кредитором и т. д. Результатом была сильная рознь в государстве, особенно опасная в это время, так как для Т. ордена наступала тяжелая пора.

Эпоха борьбы с Польшей. Ягайло, захватив власть в свои руки, стеснил литовских князей. Витовт, недовольный этим, обратился за помощью к Т. ордену и в 1382 г. сжег Вильно. Женясь на Ядвиге (в обмен на польскую корону великий князь Литвы и Руси заключил с Коронной Радой магнатов Кревскую унию, согласно которой обещал не только помочь вернуть Польше все ранее утраченные земли, но и присоединить к ней Великое княжество – Н.В.В.) таким образом, соединив Литву с Польшей, Ягайло помирился с Витовтом, который неожиданно напал на владения Т. ордена и захватил Мариенвердер. Скоро между Витовтом и Ягайлом снова пошли нелады (Ягайло не выполнил своих обязательств перед Витовтом, самое главное польский корль и великий князь Литвы не возвратил ему наследственную вотчину отца – Трокское княжество Кейстута – Н.В.В.). Витовт перешел на сторону Т. ордена, начались постоянные набеги с обеих сторон. В 1392 г. Витовт получил великокняжеский стол в Литве и стал действовать против Т. ордена. Орденский капитул понимал, что мирные отношения между Польшей и орденом невозможны и что надо готовиться к решительной войне. Он начал с того, что взял у Владислава, герцога оппельнского, Добржинскую землю в залог за данную ссуду. Это была кровная обида для Ягайла, считавшего эту землю своим леном. С 1394 по 1398 г. продолжалась война, окончившаяся тем, что Витовт отдал ордену Жмудь (Витовт пошел на союз с тевтонцами главным образом ради упрочения независимости Великого княжества от Польши. Долгожданная свобода была с большим трудом завоевана в течение всех прошлых лет упорной борьбы с Ягайло и магнатами Коронной Рады. В новой обстановке в преддверии большого крестового похода в Золотую Орду Витовту также необходима была максимальная стабилизация взрывоопасной обстановки на северо-западных границах с Орденом. По-

жертвовав Жемайтией ради грандиозных планов подчинения Золтой Орды и Северо-Восточной Руси, великий князь, однако испытал настоящую катастрофу, он потерпел сокрушительное поражение от Эдигея и Темир Кутлуя на реке Ворскле в 1399 году. Великое княжество в своем развитии было отброшено далеко назад – Н.В.В.), но жмудинцы восстали. Витовт вмешался в восстание; началась новая война, тянувшаяся до 1404 г., когда обе стороны примирились на том, что Добржинская земля перешла к Польше, а Жмудь – к ордену. Рыцари устали от беспрерывных войн; горожане, немецкие колонисты, поселяне открыто выражали недовольство орденским управлением; дворяне составили особый союз (так назыв. *союз ящериц*) в защиту своего сословия против рыцарей. Покупка орденом Дризена и Новой Марки вовлекли его снова в ссору с Польшей. В довершение всего после смерти миролюбивого Конрада Юнгингена был выбран гохмейстером его брат, Ульрих, воинственный и пылкий рыцарь. В 1409 г. войска ордена вступили в Добржинскую землю. В распрю вмешался король чешский Венцеслав и уговорил противников заключить перемирие. Ягайло и Т. орден воспользовались этим временем, чтобы лучше приготовиться к борьбе. В 1410 г. Польша и Литва с вспомогательными отрядами русских и татар (войска восточных славян – белорусов, украинцев и русских, равно как и татарские тумены хана Джелал-эд-Дина, вовсе не были какими-то там абстрактными ничего не значащими чисто вспомогательными частями, они при перемещении союзной армии всегда шли впереди, в авангарде, молниеносно захватывая вражеские города и территории, смело принимая на себя смертоносный удар рыцарской конницы противника. Хоругви Великого княжества вместе с татарами Джелал-эд-Дина на самом деле составляли мощную подвижную ударную силу, как тяжелой, так и легкой конницы, которая по существу и решила весь исход дела при Грюнвальде, а когда Витовт отвел свои войска от стен Мариенбурга, то хваленые поляки самостоятельно не смогли овладеть столицей Ордена и поспешили ретироваться на свою территорию – Н.В.В.) напали на владения Т. ордена; 15 июля 1410 г. произошло знаменитое сражение при Грюнвальде и Танненберге (см. Грюнвальденская битва), окончившееся полным поражением Т. ордена. На требование Ягайла покориться дворянство, духовенство и горожане с радостью согласились. Растерявшиеся рыцари и не думали о сопротивлении, сдавали замки и уезжали в Германию. «*Никогда не слыхано,* – говорит орденская хроника, –

о такой великой неверности и такой быстрой перемене; накажи их Бог за это». Т. орден не погиб благодаря энергии комтура шведского Генриха Плауэна (Генрих фон Плауэн комтур города Свеце умело взял оборону Мариенбурга в свои руки, занимал должность великого магистрв с 1410 по 1413 год – Н.В.В.), который с помощью Ливонского ордена заставил Ягайла, в войске которого начались болезни, снять осаду Мариенбурга. В 1411 г. был заключен торнский мир с Польшей, по которому Т. орден возвращал Жмудь и обязался уплатить 100000 марок. Горожане, особенно Данцига, открыто выражали свою ненависть к ордену. С городским движением рыцари справились, но в виду тяжелого экономического положения ордену пришлось пойти на уступки. В 1412 г. был учрежден государственный совет для управления Пруссией из рыцарей, 20 дворян и 27 горожан. Генрих Плауэн был низложен, и на его место был выбран Штернберг (на самом деле Михаэль Кухмейстер был великим магистром с 1414 по 1422 годы – Н.В.В.), о чем почтительно доложили Польше. Ягайло все – таки предпринял поход в 1414 г. и опустошил Пруссию. В 1422 г. вспыхнула новая война; рыцари не могли противостоять полякам и литовцам и у озера Мельна заключили мир, отдав Витовту окончательно Жмудь, Судавию, полякам – весь правый берег Вислы от устья до Помереллии. В 1430 г. умер Витовт, помирившийся с Т. орденом и принимавший даже вместе с ним походы. Началась борьба между Ягайлом и Свидригайлом, в которую вмешался орден. За это в 1432 г. непримиримый враг ордена Ягайло в союзе с западными славянскими князьями предпринял поход против Пруссии, сжег Диршау, осадил Данциг. В 1433 г. заключен мир Брестский, по которому Т. орден уступил Польше ее завоевания. В ордене начались раздоры. Гохмейстер Русдорф (Пауль фон Руссдорф был великим магистром с 1422 по 1441 год – Н.В.В.) был предан дейтшмейстером Саунсгеймом суду и низложен, но не подчинился суду. Ливонский орден отказался повиноваться Т. ордену. Горожане и дворянство образовали в 1440 г. *Прусский союз*, который захватил в свои руки власть. При правлении Конрада Эрлихсгаузена (1441–1449 годы – Н.В.В.) Т. орден несколько оправился; Польша и Литва были заняты своими делами и не вмешивались в дела ордена. При племяннике Конрада, Людвиге (Людвиг фон Эрлихсгаузен был великим магистрос с 1450 по 1467 год – Н.В.В.), орден стал быстро клониться к падению. Людвиг решил при помощи папы и императора уничтожить Прусский союз (1453); тогда руководитель союза, Габриель

Байзен, обратился к польскому королю Казимиру и предложил ему власть над Пруссией. Тот согласился; Прусский союз отказался повиноваться Т. ордену и объявил ему войну. Орден навербовал солдат, призвал на помощь Рудольфа, герцога саганского, и с их помощью нанес полякам поражение; но у ордена нечем было платить наемным войскам, и те в 1456 г. передали полякам Кенигсберг, Мемель и многие другие города, завоеванные ими у Прусского союза. В 1457 г. Казимир въехал в Мариенбург, но скоро рыцари отняли этот город. В 1460 г. он сдался полякам. В 1462 г. Казимир и прусский союз разбили рыцарей при Черновице. В 1464 г. был заключен в Торне мир, по которому Польша получила Кульмскую землю со всеми городами, Мехелаусский окр., Помереллию с гг. Данцигом, Мариенбургом, Эльбингом и т. д.; орден признал себя в вассальной зависимости от Польши; гохмейстер приносил присягу польскому королю и утверждался им; поляки получили доступ в орден и право на занятие должностей комтуров. После Торнского мира Т. орден влачил жалкое существование. Казна была пуста; войска не было; все было разорено; вдобавок свирепствовали эпидемии. Рыцари задумали выбрать гохмейстером кого-нибудь из немецких принцев, рассчитывая на помощь германского императора. В 1497 г. был выбран Фридрих, сын Альбрехта, герцога саксонского, но Германия помощи не оказала, а Фридрих, не желая присягать Сигизмунду, оттягивал срок приезда в Польшу и наконец в 1507 г. уехал в Германию. В 1511 г. был выбран гохмейстером Альбрехт Бранденбургский (1511–1525). Он тоже отказался от присяги, вследствие чего в 1519 г. поляки опустошили всю Пруссию. Тогда Альбрехт решил воспользоваться распространением в Пруссии реформации, в 1525 г. секуляризировал орден и получил его от польского короля в лен в качестве герцогства (см. Пруссия). Император германский низложил Альбрехта, папа отлучил его от церкви, но Альбрехт не отказался от своего дела. Т. орден прекратил свое существование в качестве самостоятельного государства, продержавшись около пяти столетий. После секуляризации Т. ордена многие рыцари, оставшиеся верными католицизму, уехали в Германию, составили новый устав ордена, выбрали гохмейстером Вальтера фон Кронберга и осели в г. Мериннгейме (во Франконии), который и оставался их главною квартирою до окончательного уничтожения ордена. Политического значения Т. орден приобрести больше не мог и с течением времени выродился, так сказать, в лабораторию для поставки солдат за деньги всякому, кто пожелает. В та-

ком жалком виде существовал Т. орден до начала XIX в., когда был окончательно уничтожен декретом Наполеона. В Австрии образовалось под этим именем общество, но оно носит характер чисто религиозной ассоциации, члены которой, преимущественно аристократы, дают обет безбрачия и целомудрия.»

2 – <u>Священная Римская империя германской нации</u>

Из словаря Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. 2000 – 2009, Библиотека «Вехи»

«**Священная Римская империя германской нации** (Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae) – замечательное политическое учреждение, сохранявшее в продолжение десяти веков (800–1806) одну и ту же форму, одни и те же притязания. Внешняя история империи есть, в сущности, история Германии от IX до XIX стол. и Италии в средние века. По своему происхождению, С. Римская империя была церковной и германской; форму ей дала неувядающая традиция всемирного владычества вечного Рима; германские и римские элементы, сливаясь, обуславливали собой всеобъемлющий и отвлеченный характер империи, как центра и главы западного христианского мира. Начало священной Римской империи относится к 800 г., когда Карл Великий был коронован римским императором. Событие это было заранее подготовлено, но Карл не думал об отделении Рима от Константинополя: до 800-го года законной наследницей Римской империи была Византия, восстановленная Карлом империя была продолжением древней Римской империи, и Карл считался 68-м императором, преемником восточной линии непосредственно после низложенного в 797 г. Константина VI, а не преемником Ромула Августула. Событие 800 г. явилось результатом соглашения между папой, церковными и светскими сановниками и королем. Карл фактически владел империей; он распоряжался в Риме – столице империи (matrona imperii), был защитником церкви. Но Римская империя считалась единой, неделимой; коронование Карла, не провозглашая отделения Запада от Востока, объявляло Рим столицей, как политической, так и церковной. Власть Карла была *освящена* коронованием, но не увеличена. Императорский титул изменил положение Карла, окружил его особенным блеском; вся деятельность Карла вращалась с тех пор в кругу теократических идей. Вторичное восстановление империи было совершено Оттоном Великим. Несмотря на предшествовавшие смуты, Рим представлял-

ся *«золотым городом»* (aurea Roma), его судьба – судьбой всего мира. «*Пока Колизей будет цел, Рим будет жить; когда падет Колизей – падет и Рим, а когда падет Рим, падет и весь мир»,* – таково было представление современников о величии древней империи. 2 февраля 962 г. Оттон возбудил общий энтузиазм своим коронованием в сане «императора-Августа». В уме средневекового человека, которому древность завещала идею всемирной монархии, сложилось глубокое убеждение в необходимой связи Римской империи и католической церкви. Положение императора и его функции определялись из сравнения власти императорской с властью папской. Он – imperator terrenus, т. е. наместник Бога на земле в делах светских, и «*patronus*», т. е. защитник церкви; его власть во всем соответствует власти папы, отношения между ними аналогичны отношениям между душой и телом. «*Как на небе*, – говорил имп. Фридрих I, – *только один Бог, так и на земле только один папа и один император*». Коронационный церемониал и официальные титулы императора указывают на стремление придать императорской власти божественный характер. Император считался представителем всех христиан. Он – «*глава христианского мира», «светский глава верных», «покровитель Палестины и католической веры*», превосходящий достоинством всех королей. До своего коронования в Риме императоры с XI до XVI вв. носили титул «*Rom anorum гох semper Augustus*», а после коронования – «*Romanorum Imperator semper Augustus*». С 962 г. положено начало соединению в одном лице двух титулов – императора римского и короля германского. Сначала это соединение носило чисто личный характер, потом – официальный и реальный. Империя X в. была, однако, в сущности феодальной монархией. Усвоив идею своей власти от древнего мира, императоры думали осуществить ее феодальным путем; императорская власть постепенно феодализовалась. В Риме Оттон был только императором, а не королем; он распоряжался апостольской кафедрой (низложение Иоанна XII), руководил прениями синода, смотрел на папу, как на свою креатуру, но никак не мог прочно утвердиться в столице, фактически не имел здесь силы, как и его преемники. Византия не признавала императором грубого «*франка*». Во Франции притязания императоров тоже не признавались. В состав империи X–XI вв. входили собственно Германия, большая часть (2/3) Италии, Бургундия, Богемия, Моравия, Польша, Дания, отчасти Венгрия. Преемники Оттона I, преследуя химерические цели, встретили во всем отпор

со стороны папства, феодализма и национального обособления. Оттон III (983–1002) всецело погрузился в идею всемирной Римской империи, отвернулся от единоплеменников, считал себя римлянином, мечтал об утверждении Рима во главе Германии, Ломбардии и Греции. Значительной силы достигла империя при Генрихе III (1039–1056) франконском, воспользовавшемся моментом, когда еще не успела окрепнуть папская власть. Он был полным господином Италии, свободно распоряжался судьбой папского престола, но вызвал страшную реакцию, погубившую его преемника. Борьба Генриха IV и Григория VII нанесла первый и самый тяжелый удар империи, понизив значительно ее обаяние и внушив Италии, вместе с германскими князьями, доверие к своим силам. Вормский конкордат 1122 г. оставил поле сражения за папой. После смерти Генриха V (1124) юрисдикция короны стала значительно меньше: признана была самостоятельность князей и баронов. Блестящими представителями идеи императорской власти были во второй половине XII и первой половине XIII в. Гогенштауфены. Между ними первое место принадлежит Фридриху I (1152–1189), в лице которого императорская власть выступила против папы с теоретическими доводами. Фридрих считал свою власть зависящей непосредственно от Бога и такой же священной, как и папская. Болонские юристы утверждали, что право устанавливать законы, принадлежит императору, воля которого есть закон, ибо написано: «*Quod principi placuit legis habet vigorem, quum populus ei et in eum omne suum imperium et polestatem concesserit*». Истинным властителем, однако, Фридрих I был только в Германии В состав империи в то время входили сев. часть Италии и королевство Бургундское, т. е. Прованс, Дофинэ, Франш-Конте, Зап. Швейцария, Лотарингия, Эльзас и часть Фландрии. Зависели от империи Богемия и славянские земли в Мекленбурге и Померании. Византия по-прежнему питала к императорам вражду, считая их узурпаторами и варварами, оскорбительно извращая титулы императоров: так, Исаак Ангел называл Фридриха I «*главным князем Алемannии*». Императоры короновались четырьмя коронами: корона в Аахене делала монарха «*королем франков*», а со времени Генриха II – «королем римлян», коронование в Милане – королем Италии, в Риме он получал двойную корону «urbis et orbis», а Фридрих I, под конец жизни, принял и четвертую корону – бургундскую (regnum Burgundiae или regnum Arelatense). Коронуясь в Милане и Аахене, императоры не называли себя королями лангобардов и франков, так

как эти титулы терялись в сравнении с титулом императора. Императорский титул принимался только после коронации в Риме, а это создавало чрезвычайно важную основу для притязаний папы, из рук которого передавалась корона. К названию «Римская империя» Фридрих I присоединил эпитет «Священная», не прибавлявший ничего нового к действительной власти императора, но указывавший на божественное ее происхождение. Вместе с Гогенштауфенами сошла в могилу идея императорской власти. В Германии императорская власть рухнула вследствие основания территориальной независимости князей (эпоха великого междуцарствия). Новый период истории С. империи начинается со времени Рудольфа Габсбургского (1273). К XIV в. С. империя есть, в сущности, немецкая империя. Власть императора признавалась только в Германии, да и то лишь теоретически, так как в действительности она перешла в руки феодалов. Императоры XIV в. не стесняются ничем в преследовании своих династических интересов и умножении своих родовых владений. От пышного титула священной римской империи оставалось только одно название: князья расхитили все земли и разделили между собой атрибуты императорской власти, оставив императору почетные права и считая его своим ленным господином. Императоры этой эпохи закладывают короны, города, живут на чужой счет, переносят всякое унижение перед папой, но продолжают называть себя наследниками цезарей, главами христианства и властелинами мира, жертвуя всем для формы и внешности. Карл IV даст обещание папе не оставаться в Риме больше одного дня и получает корону от папы, как дар. Сигизмунд (1410–1437) любил жить на счет имперских городов и охотно бывал там, где его угощали. Особенного унижения достигла императорская власть при Фридрихе III (1440–1493), твердившем A. E. I. O. U. (Austriae est imperare orbi universo) – и кормившемся по монастырям и имперским городам. Его роль в отношении к папе делала его жалким в глазах всех. После Фридриха III ни один император не был коронован в Риме. – Во время междуцарствия империя потеряла часть своей территории: Польша свергла иго Германии, венгры жестоко опустошали восточную границу империи. После Генриха VII (1308–13) окончилась власть императоров над Италией; в 1350 и 1457 г. к Франции перешло Дофинэ, а в 1486 г. – Прованс. Швейцария тоже перестала быть зависимой от империи (трактат 1499 г.). К этому присоединялась и внутренняя слабость империи, как агрегата постоянно враждующих мелких государств. Габсбург-

ская династия стремится слить империю с Австрийской монархией. В царствование Карла V (1519–1555) императорская власть значительно усилилась, но попытка вернуть ей прежнее значение встретила оппозицию, как со стороны немецких князей, так и со стороны других государств. Реформация уничтожила теорию, на которой основывалась империя. Последний период существования С. империи – самый печальный (1648–1806). Вестфальский мир лишил императора всякой возможности непосредственного вмешательства в администрацию. С. империя делается исключительно Германской империей, непрочной конфедерацией, существование которой постепенно теряет всякий смысл. «*Наследственным врагом С. империи*» был Людовик XIV. В XVIII в. существование империи было почти забыто: остались только громкие титулы. Весь дух XVIII в. противоречил идее С. империи. Революция, разрушив феодализм, потрясла до основания старое средневековое здание. Раштатский конгресс (1797–98) вполне обнаружил внутреннее разложение С. империи, всегда страдавшей недостатком национального единства и политической свободы. Последним императором С. империи был Франц II (1792–1806). В это время судьбами Европы распоряжался Наполеон, который считал себя истинным преемником Карла Великого и увлекался идеей «*всемирной монархии*»; в марте 1805 г. он короновался в Милане железной короной. После Пресбургского мира (см.) Франц II отрекся от сана императора: еще с 1805 г. он стал называть себя «*наследственным императором Австрии*». Это было концом священной Римской империи. – При саксонских и франконских императорах императорский престол был избирательным. Каждый христианин (т. е. католик) мог быть императором, хотя обыкновенно выбирался в императоры член одной из могущественных княжеских фамилий в Германии. Так царствовали после Конрада Франконского Саксонская династия (919–1024), Франконская (1024–1125), после Лотаря Супплембургского (1125–1138) – Гогенштауфены (1138–1250), Габсбурги (1273–1291 и 1298–1308), Люксембургский дом (1308–1313 и 1346–1437), с 1438 г. – снова Габсбурги. Избирали императора курфюрсты. Независимость их узаконила золотая булла (Золотая булла была принята в 1356 году, документ определял порядок избрания императора и учреждал коллегию курфюрстов, членам которой была предоставлена самостоятельность во внутренних делах и право на участие в управлении империей – Н.В.В.). Порядок этот продержался до 30 -ти летней войны».

3 – Пруссия (см. Тевтонский орден)

4 – Ливония.

Г. Форстен. Из словаря Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. 2000 – 2009. Библиотека «Вехи»

«**Ливония**. Под Ливонией (Л) в средние века разумелись все три области, лежащие по восточному побережью Балтийского моря, т. е. нынешние Лифляндия, Эстляндия и Курляндия (территории современной Эстонии, Латвии и частично Литвы – Н.В.В.). Л. была заселена 4-мя народами: ливами, эстами (финского племени), леттгалой и латышами (литовск. племени). Она распадалась на следующие области: Унгания (с Дерптом), Саккала (с Феллином), Метсеполе, Идумея, Тореида, Антина, Трикатия и Толова. До XIII ст. нельзя говорить о какой-либо общей политич. организации Л. Отдельные племена жили в ней вполне самостоятельно; культурный уровень их был низкий. Их религия заключалась в поклонении явлениям природы. Главным богом у них был бог грома – Перкун, которому посвящались старые, вековые дубы. В обычае были жертвоприношения; лошадь считалась наиболее благородной жертвой. На войне жители обнаруживали большую свирепость и беспощадно четвертовали своих пленных. Покойники сжигались; пепел от их трупов сохранялся в урнах. В настоящее время найдено немало таких урн. За покойником нередко сжигались и его любимые домашние животные, лошади и собаки; в могилу клали оружие, хлеб, мед, монеты и пр. История Л. может быть разделена на три крупных периода. Первый – со времени утверждения здесь немцев до 1562 г., когда основанная немцами орденская организация Л. пала; в этот период все 3 провинции составляли одно политическое целое. 2-й период – до 1710 г., когда Лифляндия находилась под властью сначала Польши (1562–1625), а затем Швеции (1625–1710), Эстляндия – под властью одной Швеции, Курляндия – под властью Польши. 3-ий период – с начала XVIII ст. до настоящего времени: эпоха русского владычества, в Курляндии юридически установленного в 1795 г. Первое появление немцев в Л. относится к началу второй половины XII в. Это были не бременцы, как прежде думали, а вестфальцы и любчане, которые уже раньше имели свои торговые склады на Готланде, в Висби. Из Готланда купцы проникали в скандинавские государства и на дальний Восток. Сношения немцев с туземцами имели сначала характер исключительно торговый; первые наскоро сколачивали свои лавочки и выставляли в них разную мелочь. Торговля была

меновой. Те из немцев, которые оставались в Л., поддерживали деятельные сношения со своими соотечественниками; немецкая колонизация принимала все более и более широкие размеры. С торговлей вскоре соединилась и миссионерская деятельность Мейнгарда, в конце XII века. Он был первым епископом Л. (1186 – 1196); столицей его был Икскуль (Икескола). Новая епископия находилась в зависимости от бременского архиепископа. Распространение христианства встречало в Л. большие препятствия со стороны язычников-туземцев. Мейнгарду оказывал покровительство полоцкий князь Владимир. В 1188 г. Мейнгард строит первую церковь и укрепляет Икскуль. Неоднократно обращался он за помощью к римскому папе; Целестин III обещал ему свое покровительство, проповедовал крестовый поход против ливонских язычников, обещал всем участникам в походе полное отпущение грехов, но из этого ничего не вышло. Более успешной была сначала деятельность второго епископа Л., Бертольда (1196–1199). В 1198 г. большое крестоносное войско высадилось у устьев Двины и успешно повело борьбу с язычниками. В следующем году счастье изменило немцам: они были разбиты, епископ пал. Немцы жестоко отомстили туземцам за его смерть. Водворение христианства выпало на долю третьего епископа Л., настоящего основателя ливонского государства, Альберта фон Буксгевдена или Аппельдерна (1199–1229). Вооруженный апостол ливов, как называли Альберта, заручился помощью и дружбою датского короля Кнута и вступил на ливонскую территорию, имея в одной руке меч, в другой распятие. Ему без особенного труда удалось смирить ливов. Весною 1201 г. он основал новый город – Ригу; первым жителям ее он даровал преимущества и перенес туда епископский стол. Для утверждения и распространения христианства и немецкой культуры на востоке Балтийского моря Альберт основал здесь духовно-рыцарский орден (1202), названный орденом меченосцев. Рыцари нового ордена давали клятву безбрачия, послушания папе и епископу и обязывались всеми силами распространять христианство. Во главе ордена становился магистр, или мейстер; следующую иерархическую ступень составляли комтуры, или командоры, ведавшие военное дело, сбор десятины, светский суд, наблюдение за орденскими землями и вместе с магистром составлявшие капитул. Отношения магистра и епископа были вначале самые дружественные; в отсутствие одного другой замещал его должность. Но при ближайших преемниках Альберта между двумя властями воз-

никает соперничество и борьба. Первым магистром ливонского ордена был Viunold von Rohrbach; сначала он жил в Риге, а затем резиденцией его стал Венден. С началом государственной организации Л. связано было и стремление Альберта точнее установить правовые отношения нового политического органа с Германской империей. В 1207 г. Альберт явился к германскому императору и от него получил всю Л. в лен. Ленниками империи и имперскими князьями сделались впоследствии и епископы дерптский, эзельский и курляндский. Против русских Альбертом построена была крепость Кукенойс (1207), против латышей – крепость Сельбург. В 1212 г. состоялся договор с полоцким князем, в силу которого ливы и летггалы освобождались от податей в пользу князя; между последним и епископом заключен был наступательный и оборонительный союз против эстов; установлена была и свободная торговля с русскими. Породнился Альберт с псковским князем, женив своего брата на его дочери. Очень упорна была борьба с эстами, окончившаяся в 1211 г. присоединением к орденской территории Саккалы. Вальдемар II датский утвердил, со своей стороны, датское влияние в Эстляндии и построил здесь сильную крепость Ревель, но в 1223 г. был побежден и взят в плен. В 1220 г. выступает еще новый претендент на восточное побережье Балтийского моря, Иоанн I шведский; но попытки шведов утвердиться здесь окончились полной неудачей. В 1227 г. покорен был немцами Эзель, в 1228 г. – вся Эстляндия, но в 1237 г. она вновь перешла к Дании. Получив после долгих споров с епископом значительную часть завоеванных земель, орден стремится сбросить с себя всякую зависимость от епископа, добившегося между тем титула архиепископа, а еще раньше – самостоятельности от Бремена и непосредственного подчинения Риму. В дальнейшей истории ливонского ордена огромное значение имеет соединение его в 1237 г. с немецким или прусским орденом для распространения католичества и немецкой колонизации. Магистры ливонского ордена стоят под властью гохмейстера прусского, который и утверждает их в должности. По настоянию папы, немецкий орден поставлен в вассальные отношения к рижскому архиепископу: гохмейстеры давали ему присягу через посредство магистров ливонского ордена. Независимыми и самостоятельными князьями оставались епископы дерптский, эзельский и курляндский. Внутренние смуты все усиливались. Орден желал присвоить себе исключительное право назначения на вакантные епископские столы; епископы призывали на по-

мощь иноземных государей. С конца XIII ст. и города, в особенности Рига, обнаруживают стремление к самостоятельности; многие из них вошли в состав ганзейского союза. В 1317 г. Вальдемар IV продал ордену Эстляндию, что не мешало впоследствии Дании считать себя сохранившей суверенитет над этою областью. В XIV ст. в Л. возникает четвертый исторический фактор – дворянство; составившееся из вассалов ордена и епископства и заботившееся исключительно о сохранении и расширении своих привилегий; общие интересы ордена были ему чужды. Период времени с 1347 г. по 1494 г. – эпоха беспрерывных внутренних смут. Целости орденской территории грозили сильные соседи, в особенности Польша. Борьба скандинавских государей с ганзейскими городами, к которым принадлежали и ливонские, также отражалась неблагоприятно на экономическом благосостоянии Л. С 1347 г., когда папская булла положила конец ленной зависимости ордена от епископов, орден не только de facto, но и de jure становится руководящей силой всей страны. Это вызывало оппозицию со стороны епископов, городов и дворянства. В XV ст. на ливонском ордене сказалась катастрофа прусского ордена, последовавшие за танненбергским поражением в 1410 г. Ливонский орден, помогавший прусскому, должен был теперь постоянно опасаться вторжения поляков с Юга. С Востока нередко нападали русские. Временное соединение архиепископа с орденом против Риги, в XV ст., еще более усилило внутреннюю слабость ордена. Торнский мир 1466 г. был новым ударом для прусского ордена: гохмейстер стал вассалом Польши; под власть Польши подпали и прус. епископства, до тех пор подвластные риж. архиепископу. Зависимость Л. от прусского ордена становится номинальной; он не представлял более для нее никакой опоры. Ей по необходимости приходилось искать помощи у иностранных государей. 43-му магистру ордена, Вальтеру фон-Плеттенбергу (1494–1535), удалось несколько оживить орден. Он проектировал наступательную лигу против Москвы со Швецией и Литвой; но как скоро слух о союзе его с Александром литовским и Стен Стуре дошел до Москвы, последняя заключила, в свою очередь, договор с Данией. Война с Москвой (1501-1505) не принесла ордену никакой существенной пользы. Духовенство Плеттенберг поставил в полную от себя зависимость. Учение Лютера проникло в Л. из Пруссии. Первые проповедники лютеранства были здесь Бугенгаген, Андреас Кнепкен, Иаков Тегетмейер. Церкви и монастыри стали подвергаться ограблению. Новое

учение утвердилось сначала в Риге, затем в Ревеле и на Эзеле. Реформатором Дерпта был Мельхиор Гоффман. В Курляндии новая проповедь распространялась менее успешно. Религиозные вопросы усилили политический антагонизм между городами и рыцарством. В Пруссии реформация привела к секуляризации орденских земель; Плеттенберг был противником такой секуляризации в Л. Внутренняя организация ордена в последнее столетие его существования была следующая. Все орденские владения были разделены на несколько областей, среди которых возвышался бург; в каждом бурге заседал конвент из 12–20 рыцарей; во главе конвента стоял командор или фохт. Конвенты сосредоточивали в своих руках финансовое и хозяйственное управление, судебную власть, полицию, военную организацию. В больших областях, где было несколько бургов, они зависели от обербурга. Предводительство на войне находилось в руках маршала ордена. Его резиденцией были Венден и Сегевольд. Орденский конвент, в состав которого входили маршал, командоры и фохты, избирал магистра, а утверждал его гохмейстер. Все члены ордена имели своих вассалов – ливонское рыцарство, обязанное нести военную службу. Для обсуждения вопросов внешней и внутренней политики созывались ландтаги. При совещании и подаче голосов архиепископ рижский, с епископами эзельским, дерптским, ревельским и курляндским, составляли одно сословие (Stand) и сообща подавали свое мнение. Второй Stan d составлял магистр со своими помощниками и рыцарями, третий – дворянство всей Л. и княжеские советники, последний – города. После Плеттенберга магистры ордена старались целым рядом уступок Москве предупредить открытый разрыв с нею. Для организации твердого правительства они были слишком слабы; не решались они и на секуляризацию орденских земель. Когда коадъютором архиеп. рижского сделался Вильгельм, маркграф бранденбургский, племянник Сигизмунда II Августа, и этим усилилось влияние Польши, на ландтаге в Вольмаре (1546) постановлено было не избирать на будущее время иностранцев без согласия представителей всех сословий. Вильгельм, сделавшись архиепископом, был противником участия Риги в шмалькальденском союзе; между ним и городом начались продолжительные междоусобия. Этим облегчалось вмешательство соседей; московский царь предъявил требование, чтобы орден не заключал договоров с Польшей, не спросясь Москвы, чтобы он сохранял нейтралитет в случае польско-русской войны, чтобы русским разрешена была

свободная торговля с немцами и восстановлены были православные храмы. Ливонцы согласились на эти требования (1554). С этих пор орден совершенно изолирован; ни Польша, ни Швеция, ни Дания не приходят к нему на помощь без прямых территориальных гарантий. В такой критический момент Вильгельм нарушает вольмарский рецесс и призывает к себе в коадъюторы Христофора Мекленбургского – опять иностранца. Магистр ордена, Гален, не одобрял усиливавшегося влияния Польши и в свои коадъюторы назначил противника Польши – Вильгельма Фюрстенберга. Заняв место магистра, Фюрстенберг не признал, однако, возможным продолжать борьбу с Польшей и заключил с нею оборонительный и наступательный союз против Москвы. Вслед затем русские войска перешли ливонские границы. Началась известная ливонская война 1558 –1582. В начале войны магистром сделался Кеттлер (см.). Северные области ордена вошли в переговоры с Швецией, приведшие к протекторату Швеции над Эстляндией. Эзель достался Дании, Лифляндия уступлена была Польше. За Кеттлером осталась одна Курляндия. Орден распался в 1561 г. Надежды на Польшу оказались тщетными: она ввела в страну иезуитов и стала попирать все исконные права и привилегии Л., в особенности после окончания войны с Россией. Вследствие притязаний Сигизмунда III на шведский престол между Польшей и Швецией началась война; неуспешная для Швеции при Карле IX, она принесла ей ряд побед при Густаве II Адольфе. В 1621 г. шведам сдалась Рига. К концу 1625 г. вся Лифляндия признавала над собою власть шведского короля. Юридически владение ею признано было за Швецией по Альтмаркскому перемирию в 1629 г. Время шведского владычества распадается на два периода: первый, до 1680 г., ознаменован совершенной реорганизацией всей области, подъемом благосостояния и культуры; во время второго (1680-1710) Л. снова сделалась театром войны с поляками и русскими. В это же время шведское правительство и в Л. перенесло систему редукций. Величайшие заслуги в истории Л. остаются за Густавом-Адольфом. Он восстановил протестантизм, основал новые школы в Ревеле, Риге и Дерпте, между прочим дерптский университет, ввел лучшие судебные порядки, поднял торговлю, облегчил участь крестьян. Последующие короли также немало заботились о благосостоянии своей новой провинции. Польша отказалась от всех своих притязаний на Л. по оливскому миру 1660 г. В великой северной войне Л. была потеряна для Шве-

ции; в 1710 г. она вся уже была в руках русских. По Ништадтскому миру вся область перешла к России».

5 – Винрих фон Книпроде – великий магистр Тевтонского ордена с 1352 по 1382 год. Высокие личные качества, воспитанность, образованность и галантность, наряду с прекрасным знанием этикета завоевали Ордену преданных друзей среди высшей знати Европы. Под его руководством орденское государство добилось наивысшего политического, экономического и военного могущества, стало общепризнанным центром рыцарских традиций, галантности и куртуазности.

6 – Мариенбург, по-польски Мальборк – столица Тевтонского ордена. Главная цитадель великих магистров – Мариенбургский замок – был опоясан тремя неприступными стенами. Первая стена являлась как бы предварительной, она окружала и защищала вспомогательные сооружения, на этой территории помещались конюшни, амбары и прочие хозяйственные постройки. Между первой стеной и так называемым «средним замком», резиденцией великого магистра, высилась отделенная рвом вторая более мощная стена. Третья самая высокая и прочная стена шла вокруг «верхнего замка» – основной части Мариенбургского замкового комплекса, где находился монастырь Ордена, хранилась его казна, жили рыцари-монахи и т. д.; перед ней тоже был вырыт глубокий ров.

7 – Кенигсберг ко времени Великой войны был вторым по значимости после Мариенбурга городом Пруссии, маршальской столицей Тевтонского ордена. Вершины могущества Кенигсберг достиг в 1457 году, когда в результате поражения от Польши в тринадцатилетней войне Тевтонский орден лишился Мариенбурга и великий магистр перенес свою резиденцию в город на Преголе.

8 – *Священной войне в честь святого Георгия* или война по обращению язычников в лоно истинной (католической) христианской веры, которую с помощью европейского рыцарства под эгидой главы престола Святого Петра и руководителя Священной Римской империи германской нации Тевтонский орден вел в Прибалтике.

9 – Великое княжество Литовское и Русское – к описываемому времени Великой войны одно из самых обширных и мощных государственных образований на территории средневековой Европы, состояло из многочисленных городов и княжеств, подчинявшихся центральной власти. ВКЛ управлялось наместниками великого князя совместно с литово-славянской княжеско-боярской феодальной

элитой. Государство на 90 % состояло из восточнославянских земель белорусов, русских и украинцев, после подписания Ягайло в 1385 году Кревской унии стало формально зависимым от Польши.

10 – жемайты – литовские племена, областью обитания которых издревле являлось нижнее правобережье Немана.

11 – аукштайты – коренные жители средневековой Литвы, этнической территорией их расселения являлось среднее течение Немана.

12 – белорусы, или литвины, часто именовались русинами, устоявшегося самоназвания долго не имели в виду невероятно затянувшегося по ряду объективных, как внешних, так и внутренних причин чрезвычайно сложного процесса этногенеза. Он начался со времени распада Древнерусского государства и завершился формированием белорусской нации лишь к концу XIX началу XX века (с появлением ярко выраженного самосознания и высоких образцов самобытной специфической культуры). Белорусы это западная и северо-западная ветвь восточных славян на севере граничили с прибалтийскими племенами литовцев, и русскими землями Новгорода, Пскова и Твери, на западе с ятвягами и поляками (мазурами), на юге с украинским населением Галицко-Волынского княжества, на востоке с русскими территориями Смоленского и Брянского княжеств.

13 – престол Святого Петра или высшая церковно-духовная власть католического папы – главного иерарха западной христианской церкви.

14 – Святая земля, священная для всех христиан земля, куда по призыву престола Святого Петра были направлены крестовые походы по освобождению гроба господня из рук неверных мусульман.

15 – орден Меченосцев (см. Ливонский орден или Ливония).

16 – *Тевтонский орден, перебравшийся из Палестины* (см. Тевтонский орден)

17 – *по приглашению польского князя Конрада Мазовецкого* (см. Тевтонский орден)

18 – Во времена так называемого великого раскола и упадка, в котором находилась римско-католическая церковь в период с 1378 по 1417 годы, пребывание одновременно двух пап на престоле было явлением нормальным. Каждый из претендентов на папский престол выдвигался различными государями Европы. Европейские монархи, поддерживающие и возводящие на престол тех или иных пап, в дальнейшем пользовались их опорой и покровительством. Особенно преуспел в деле подчинения святого престола французский мо-

нарх, карманные папы которого находились рядом с ним в Авиньоне на территории Франции.

19 – Тевтонский орден сохранил независимость от Империи и по своему положению не отличался от других суверенных государств Европы.

20 – Ягайло (Ягелло) – сын великого князя литовского Ольгерда (1345–1377) и Ульяны, княжны тверской, великий князь литовский. После смерти короля польского Людовика Венгерского (1370–1382) и возведения на престол юной дочери последнего Ядвиги (годы жизни с 1371 по 1399) часть польских сановников выдвинула Ягайло как наиболее выгодного кандидата на ее руку. Коронная Рада рассчитывала благодаря этому браку присоединять к Польше литовские, и входившие тогда в состав Великого княжества обширные русские земли, а также обеспечить себе сильного союзника в борьбе против общего врага – Тевтонского ордена. Польско-Литовская уния была оформлена в августе 1385 года в Крево, откуда получила название Кревской. В феврале 1386 года Ягайло принял крещение по католическому обряду, получив имя Владислава, был обвенчан с Ядвигой и коронован польской короной под именем Владислава II (1386–1434).

21 – Польша,

Н. Ястребов. Из словаря Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона, 2000 – 2009, Библиотека «Вехи»

«**Польша**. *Период I. П. племенная и языческая.* В конце VI в. по Р. Хр., с уходом германских племен из бассейнов Вислы, Одера и Эльбы, происходит миграция славян к западу и северу от их европейской стоянки на склонах Карпат и верховьях Вислы. Среди племен этой так наз. «западной» группы славян выделяется ляшская, или польская, подгруппа на территории между Одером и Вислой, Балтийским морем и северными горными хребтами Чехии. На западе польские племена соседили и сливались с близкими им полабскими славянами, бодричами, лютичами и сербами (сорабами); на юге – с чехами; на востоке – с восточными, или русскими, славянами; там же и на севере они граничили с племенами балтийской группы индоевропейцев – пруссами, литвинами, ятвягами. Занятая поляками территория представляла собой огромную низменность (за исключением Карпатского подгорья), покрытую вековыми лесами, испещренную многочисленными реками, болотами и озерами. Славяне-колонисты корчевали и выжигали леса по проточным водам, зани-

маясь скотоводством, звероловством, пчеловодством, рыболовством и, в слабой степени, земледелием. Скоро появилась меновая торговля с культурными центрами по старым торговым путям за янтарем к Балтийскому морю: из Италии – через Чехию, из греческих колоний на Черном море – через Русь. Первой формой общественного быта вслед за семьей был род, основывающий поселения (wies) с родовою собственностью, распоряжающийся последней, мстящий за убийство своих членов или взыскивающий окуп за них (głowszczyzna), управляемый старейшиной. Роды соединялись в «ополья» (opole, vicmium, соответствующее русской верви, южно-славянскому «братству», чеш. «osada»), с двумя функциями: свидетельствовать в пограничных спорах и ответствовать за совершенные на данной территории преступления. Управлялись ополья собранием родовых старейшин. Ополья объединялись в племена, во главе которых стояли жупаны и вече (wiece); из жупанов иногда выделялся князь (książę). Из племен польских известны: поляне в бассейне Варты, мазовшане (мазуры) по Средней Висле, хорваты (висляне) на Верхней Висле и Сане, слензане (в частности дедошане, бобране, ополяне и др.) на Верхнем Одере, поморяне по Балтийскому морю (западные и восточные или кашубы, разграниченные рекою Персантою). Племена органическим путем не объединялись, напротив – вели войны между собою. Внутренняя организация общества была очень проста: все были свободны и владели землей. Языческая религия польских племен была малоразвитая, с общеславянским космическим и анимистическим характером. Внутри польских племен уже намечается общественная дифференциация на основе экономической; ее развитие с привнесением юридических признаков связано с началом новой эпохи в жизни польских племен. Зарождение государственности и появление христианства открывает новую эпоху в истории П.

Период II. Переход племенной и языческой П. в патриархально-государственную и христианскую. Государственное объединение польских племен начали поляне. Среди них утвердилась княжеская династия Попелидов (Попел), смененная потом Пястами. Пяст («пясть» = франк. pedagogus, nutritor, русск. кормилец, дядя, дедко; хорв. дед) считается сыном Попела II, братом Попела III; за ним следовали Земовит (870–890), Лешек, Земомысл – первые исторические князья гнезненско-познанские. Около 963 г. вступил на престол *Мешко* (Мечислав) I, сын Земомысла. Он столкнулся с восточными германскими маркграфами – Героном, Вихманом и Одоном, признал

себя ленником императоров, но спасся от порабощения принятием латинского христианства (966) по настояниям своей жены Домбровки (Дубровки), сестры Болеслава II Чешского, и основал епископство в Познани, подчиненное архиепископу Магдебургскому. Власть его распространилась на Краков и червенские города, отнятые у него в 981 г. Владимиром Святославичем. Мешко умер среди войны с лютичами, и государство перешло к его детям. Из них *Болеслав I Храбрый* (962–1025) изгнал родственников; сохраняя приязнь с немцами, он в 995 г. покорил Поморье, смирил пруссов, открыл П. путь к Балтийскому морю, отнял у Чехии Западную Хорватию и подчинил себе Моравию и Словачину. Имп. Оттон III, приехав в Гнезно поклониться мощам св. Войтеха, в 1000 г. короновал Болеслава своей короной и дал ему титул патриция Римской империи. Папа Сильвестр II учредил самостоятельную польскую митрополию в Гнезне и епископства в Кракове, Вроцлаве и Колобреге. Болеслав пытался создать большую западно-славянскую державу, восстановив кн. Болеслава III Рыжего на чешском престоле (1002), а потом и сам заняв его, захватив Лужицы (Лузацию) и даже Мейсен (Мисня). Эти планы разрушил имп. Генрих II, ведший против Болеслава войну (1002–1018) в союзе с лютичами: по миру в Будишине (Бауцене) Болеслав сохранил свою независимость, но из завоеваний удержал только Лужицы (с Будишином) и Моравию. Тогда Болеслав обратился на восток и вмешался в ссору Святополка Окаянного и Ярослава за Киев: он вновь занял (1018) червенские города и восстановил на киевском престоле Святополка, своего зятя, вскоре, однако, потом окончательно изгнанного Ярославом. В 1024 г. польские епископы короновали Болеслава королем П. После смерти Болеслава его сын и преемник *Мешко II.* (1025–1034) боролся с братьями, Безпримом и Оттоном; венгры отняли у П. закарпатскую Словачину, чехи – Моравию, датчане – Поморье, Ярослав – червенские города, импер. Конрад II – Лужицы. После смерти Мешка II в П. началась реакция против государственности и христианства: потомки племенных князей самостоятельно правят во всех землях, язычество уничтожает церковную организацию. Этим воспользовался чешский князь Бретислав, стремясь осуществить мечты Болеслава Храброго о западно-славянской державе, но вынужден был ограничиться шестилетними опустошениями Польши (1034 – 40). Вретиславу помешал имп. Генрих III, посадивший (1040) на польский престол сына Мешка II, Казимира, изгнанного из П. старшим братом *Болеславом. Казимир I Обновитель*

(1040–1058), женатый на дочери Владимира святого, Марии-Доброгневе, восстановил свои княжеские права, победив племенных князей, возвратил Мазовию, в 1054 г. приобрел от Чехии Вроцлав. Христианство одержало верх над язычеством. Старший сын и преемник Казимира *Болеслав II Смелый* (1057–1080) возобновил военную деятельность в духе Болеслава Храброго, но без его далеких политических видов: в Венгрии он помогал Беле против Андрея (1051), Гейзе – против Соломона (1074); на Руси два раза (1069 и 1076) восстановлял на киевском престоле Изяслава Ярославича; опустошил Чехию и Поморье. В 1077 г. Болеслав был коронован польскими епископами, но в 1079 г. собственноручно убил епископа Краковского Станислава, обличавшего его крутое обращение с дружиной и нарушение христианской нравственности (Станислав в XIII в. был объявлен святым и стал героем многих легенд). Вследствие этого Болеслав Смелый должен был бежать в Венгрию, где и умер. На престол вступил его брат *Владислав I Герман* (1080–1102), подпавший влиянию воеводы Сепеха, потерявший червенские города, неудачно воевавший с поморянами и в угоду немцам не короновавшийся королем. Против него восстали сыновья – побочный Збигнев и законный Болеслав Кривоустый; в 1097 г. они победили отца, дали ему Мазовию, а остальные земли поделили между собою. После смерти отца братья поссорились: *Болеслав III Кривоустый* (1102–1139) должен был бороться за власть с Збигневом и его союзниками – немцами (Генрих V), чехами (Святополк) и поморянами, отнял у него Мазовию, захватил в плен и ослепил. Муж дочери Святополка Киевского, Збиславы, Болеслав боролся с Владимиром Мономахом, участвовал в спорах за престол венгерских королей и чешских князей, но не всегда удачно, совершил ряд походов против поморских князей Гневомира, Святополка и Барцислава и заставил их признать свое верховенство, но они при всяком удобном случае восставали. Для скрепления уз Поморья с П. Кривоустый распространял там христианство миссионерскими трудами еписк. Оттона Бамбергского и основал епископство в Волине (Зап. Поморье); Вост. Поморье было причислено (1148) к епископии Куявской. Болеслав Кривоустый оставил пять сыновей, с которых начинается удельный период польской истории.

Период III. Раздробление П. на уделы и создание единого сословного государства. Видя в П. собственность княжеского рода, Болеслав Кривоустый разделил свое государство между сыновьями: Владиславу дал Краковскую землю (в Хробации, Малой П.) и Силезию,

Болеславу Кудрявому – Мазовию и Куявы (по Средней Висле и к Варте), Мечиславу (Мешко Старый) – Великую П. (по Варте), Генриху – Сандомирскую землю (в Малой П., по Висле), а малолетнего Казимира поручил попечению братьев. Для охранения единства и безопасности П. Болеслав поставил над сыновьями старшего из них, Владислава, в качестве великого князя (сеньорат), долженствующего владеть Краковом и Поморьем. Великокняжеское достоинство должно было переходить по порядку родового старшинства. Властолюбие удельных князей, вмешательство духовного и светского можновладства и соседей вызвали борьбу за сеньорат и великое княжение и уничтожили его значение. Все это вместе с разрастанием княжеских семей и дележами, превращало П. в федерацию мелких владений, подобную Чехии и еще более – Руси эпохи уделов. В Малой П. *Владислав II* (ум. 1159), пытаясь править в духе отца, натолкнулся на противодействие братьев и малопольского можновладства и бежал в Германию (ок. 1142–1145); несмотря на противодействие имп. Конрада III и Фридриха Барбароссы, его место занял *Болеслав IV Кудрявый*, только в 1163 г. три сына Владислава снова получили свои уделы в Силезии. После смерти Кудрявого (1173) великокняжеское достоинство перешло к *Мешку III Старому* (Генрих ум. в 1166 г.), отдавшего Мешку, сыну Кудрявого, Мазовию. Самовластие Мешка побудило краковское можновладство изгнать его (1177); он лишился и Великой П. (до 1180 г.) и ушел в Германию. На престол краковский призван был *Казимир II Справедливый* (для духовенства) из Сандомира, завладевший (1186) и Мазовией. За потомством Казимира ленчицкий синод епископов (1180) признал сеньорат, подтвержденный (за признание подданства) и императором. Мешко два раза (1184 и 1189) неудачно пытался свернуть Казимира. После смерти Казимира (ум. 1194) были признаны в правах его дети Лешек Белый и Конрад, но в 1200 г. Мешко изгнал их вместе с матерью-опекуншею из Кракова и умер великим князем (1202). Вокняжился в Кракове его сын *Владислав Тонконогий*, но, поссорившись с архиеп. гнезненским и еп. краковским из-за управления в духе отца, он должен был уступить место *Лешку Белому* из Сандомира (1206–1227). Казимир и Лешек постоянно вмешивались в дела галицко-владимирской Руси, но значение их там уменьшалось по мере усиления Даниила Романовича. После смерти Лешка, убитого Святополком Поморским (чуждая Пястам династия), его вдова с сыном, Болеславом Стыдливым, уступила краковский престол Генри-

ху Бородатому из Силезии, который в качестве опекуна отдал Болеславу Сандомир. После Бородатого Краков переходит (1239) к его сыну, Генриху Благочестивому. Мазовию и Куявию получил Конрад, брат Лешка (1191–1247). Бессильный оградить свои северо-восточные границы от нападений пруссов (литовцев) и ятвягов, Конрад призвал на помощь (1228) тевтонский орден, которому подарил земли Хелминскую и Лобавскую. Орден успешно уничтожил пруссов, основал на их землях Торунь (Торн) и Хелмно, угрожал князьям Восточного Поморья; соединившись с меченосцами (1235), с двух сторон угрожал Литовской Жмуди. В Великой П. изгнанный из Кракова Владислав Тонконогий (1209–1231) ссорился с духовенством, которое поддерживали Лешек Белый, Конрад Мазовецкий и племянник Тонконогого, Владислав Одонич, давший в 1210 г. привилегии духовенству. Во время этой борьбы приобрел самостоятельность Святополк Поморский. Одонич, завладевший после смерти Тонконогого всей Великой П., объявил себя данником папы, но призванный панами Генрих Бородатый Силезский отнял у него большую часть его владений (1235), оставив ему (ум. 1239) только Калиш. В *Силезии* внук Владислава II Генрих Бородатый (1201–1238) сосредоточил в своих руках (1229) всю область, колонизировал ее немцами, овладел Малой и Великой П. (см. выше), успешно выдержал борьбу с духовенством и оставил свое дело сыну, Генриху Благочестивому. В 1241 г. татары, направляясь от Киева в Венгрию, опустошили Малую П., взяли Сандомир, разбили польское рыцарство под Хмельником, разграбили Краков, Вроцлав, а под Лигницем разбили погибшего в битве Генриха Благочестивого. Началась эпоха внутреннего расстройства, все учащающихся разделов и внешних опасностей. Со смертью Генриха Силезия не могла уже стать исходным пунктом объединения П. Его дети, потерявшие приобретения деда, и внуки делят Силезию на множество мелких княжеств, постепенно онемечивающихся и пропадающих для П. По тому же пути раздробления пошла и Мазовецко-Куявская земля, при сыновьях Конрада разделившаяся на Мазовию – Земовита и Куявию – Казимира. Эти части дробились и далее; в Куявии, напр., с 1268 г. княжили Лешек Черный (ум. 1288) в Серадзе и Владислав Локоток (ум. 1333 г.) в Бресте Куявском. Князья мазовецкие и куявские помогали тевтонскому ордену истреблять пруссов, опустошать Восточное Поморье Святополка (Западное Поморье еще в 1181 г. вошло в состав империи), Литву Миндовга; поляки поплатились за это жестокими наездами. Болеслав Стыдливый

(ум. 1278), присоединив после смерти Генриха Благочестивого Краков к своему Сандомиру, объединил Малую П. Нашествия татар (1259 –1260) и помогавших им Литвы, ятвягов и Руси погубили его дело; Люблин перешел к Даниилу Галицкому. Наследовавший Болеславу Лешек Черный победил внешних врагов, но среди борьбы с можновладством и татарами умер без потомства (1288). В *Великой П.* после Одонича княжили его сыновья, Пржемыслав I и Болеслав Благочестивый; последний, получив опеку над племянником Пржемыславом II, владел всей землей и в союзе с Мествином (Мщугом) Поморским отбил маркграфов бранденбургских, которые основали Новую Марку на территории лютичей и опустошали Великую П. С 1278 г. последнею владел Пржемыслав II, получивший по завещанию (1294) от Мествина и возвративший таким образом П. Восточное (Гданское) Поморье, завладевший временно (1290) Краковом, но изгнанный оттуда (1271) Вацлавом II, королем чешским, с помощью немецких мещан и «*можновладства*», и короновавшийся с согласия Папы *королем* П.; он был убит по наущению маркграфов бранденбургских. Овладев Краковом, Вацлав заставил своего соперника Локотка бежать в Рим, потом в Венгрию, завладел Великой П., короновался в Гнезне королем П. (за исключением Мазовии) и управлял ею посредством своих «старост». Однако заступничество Карла-Роберта Венгерского (1304), смерть Вацлава II (1305) и его сына Вацлава III (1306) открыли Локотку путь в Краков (1306). В том же году Локоток занял Поморье; в 1310 г. он был признан и в Великой П. В 1319 г. он короновался в Кракове с тайного согласия папы (ввиду претензии на корону польскую Иоанна Люксембургского чешского). Национальное объединение П. выразилось в борьбе Локотка с тевтонским орденом за Поморье, предательски захваченное у П. (1309) и укрепленное (1313) за орденом императором. В первом периоде борьбы – дипломатическом – Локоток возбудил процесс против ордена перед папой Иоанном XXII и добился решения папского суда (1321), приказывавшего ордену возвратить П. Поморье и заплатить 30000 гривен убытков. Непризнание орденом решения суда привело к открытой борьбе Локотка с орденом. На стороне Локотка были Карл-Роберт Венгерский, муж Елизаветы, дочери Локотка, Гедимин Литовский, выдавший дочь Альдону за Казимира, Локоткова сына, и князья Западного Поморья; на стороне ордена – Иоанн Люксембургский чешский, князья Мазовецкие, Юрий Галицкий и Генрих Вроцлавский (Силезия). Несмотря на победу над орденом под Плов-

цами (1331) и неудачи Иоанна в Познани, Локоток перед смертью, в 1333 г., вынужден был заключить перемирие с орденом, оставив в его руках Поморье, Брест Куявский и Добржинскую землю. Его сын и преемник *Казимир Великий* (1338–1370) заключил в Вышеграде венгерском (1336) подтвержденный окончательно в Калише (1343) мир с орденом, по которому П. возвращались Куявия и Добржинская земля, но ордену уступались земли Хелминская, Поморская и Мяхаловская (perpetua eleemosyna, может быть, с обязательством платежа дани). Потерпев неудачу на западе, П. обратилась на восток, к Червонной (Галицкой) Руси, где по прекращении рода Даниилова вокняжился Болеслав Троденович Мазовецкий (1327–1340), сын сестры Юрия I, муж Марии Гедиминовны, сестры первой жены Казимира. По смерти Болеслава Казимир, соперничая с Литвой, татарами и венграми, захватил Галицкую Русь (1340) и защищал ее от татар под Люблином (1341); долго боролся с Любартом Гедиминовичем волынским за Подолию, оставшуюся в руках литовских Кориатовичей; поддержанный Венгрией (1366), получил на Волыни Холм и Владимир. Русь Галицкая, впрочем, должна была принадлежать Казимиру по договору 1350 г. с Людовиком Венгерским лишь пожизненно, а затем возвратиться к Венгрии. Продолжая объединение польских земель, Казимир по соглашению с Карлом IV Чешским добился ленной присяги от князя Мазовии Земовита III (1335) и бранденбургских владетелей Дрезденка и Сантока (1365); заложил ордену за 8000 коп прусских грошей Добржинскую землю. Казимир умер, не оставив мужского потомства. Несмотря на существование Пястов силезских, куявского и мазовецкого, Казимир по договору с Карлом – Робертом (1339), подтвержденному малопольскими *«можновладцами»* (1335), признал своим наследником его сына *Людовика*, который и короновался королем П. (1370–1382), отправив в Краков правительницею свою мать Елизавету Локотковну, окружившую себя здесь *«можновладцами»*. Злоупотребления последних, борьба великопольской шляхты в пользу Земовита Мазовецкого, набеги Литвы, передача Червонной Руси в управление Владиславу, кн. Опольскому, а после ухода последнего в Куявию захват ее в собственность Венгрии – делают правление Людовика временем полной смуты. Привилегии, данные им в Кошицах (1373 и 1374) шляхте, духовенству и мещанам (1375), имели целью обеспечить наследование в П. за его потомством. Он имел в виду отдать П. дочери своей Марии ее мужу Сигизмунду, маркграфу бранденбургскому;

но Сигизмунд был избран на венгерский престол, а потому отвергнут малопольскими панами, получившими от Елизаветы, вдовы Людовика, согласие на наследование второй ее дочери, Ядвиги. В 1384 г. Ядвига приехала в Краков и короновалась. Земовит безуспешно пытался силой добыть ее руку; того же добивался явившийся в Краков Вильгельм Австрийский, некогда обрученный с Ядвигой, но был изгнан панами, готовившими ей другого мужа – Ягайла, великого князя литовского.

Период IV. Превращение польской сословной Монархии в униальную шляхетскую Речь Посполитую (Республику) при Ягеллонах. Ягайло, великий князь литовский, в Польше искал опоры против немецкого ордена; Польша с своей стороны также нуждалась в поддержке Литвы против того же ордена. Переход Ягайла из православия в католичество под именем Владислава, брак его с Ядвигой и коронование королем польскими осуществили личную унию (в Креве, 1385 г.) Польши и Литвы. Сначала Ягайло и Ядвига действовали в согласии с Витовтом, благодаря чему отнята была у Венгрии Червонная Русь, но затем Витовт заключил союз с орденом, сделался пожизненным, ленным Польше вел. князем литовским (Островская уния) и основал громадное польско-литовское государство. (Витовт не основывал Великого княжества, это было сделано задолго до него еще Миндовгом, но заслуга Витовта в том, что он смог несмотря на внешний сюзеренитет Польши и номинальное главенство Ягайло добиться фактической самостоятельности литовско-белорусского государства Н.В.В.). В 1399 г. он был разбит Эдигеем при р. Ворскле, что повело к более тесному союзу Литвы с Польшей на съездах в Вильне и Радоме (1401). Только что укрепленная федерация направилась против ордена, который уже в 1401 г. (Калишский мир) уступил Польше Добржинскую землю, захваченную ранее у Владислава Опольского. Поляки и литовцы (не столько литовцы, сколько православные жители белорусских, украинских и русских земель Великого княжества, составлявшие большую половину численности войск союзной армии – Н.В.В.) в 1410 г. при Танненберге (Грюнвальде) разбили рыцарей на голову: орден навсегда потерял свою силу, но победители не сумели воспользоваться своей победой и заключили мир с орденом (в Торне в 1411 г.). В 1413 г. была подтверждена уния Литвы с Польшей в Городле, при чем допущено было принятие литовской шляхты и панов в роды и гербы польские, а также общие их, с согласия короля, съезды в Парчове или Люблн-

не. Между тем борьба с орденом вспыхнула снова (1414); решение ее было перенесено на Констанцский собор. Хотя поведение ордена было осуждено собором, импер. Сигизмунд, явившись посредником между врагами, постановил приговор (в Вроцлаве), возобновлявший условия Калишского мира 1343 г. Это вызвало негодование Ягайла и Витовта. В 1420 г. пражане и табориты обратились к Ягайле и Витовту с предложением чешской короны и получили благоприятный, хотя неопределенный ответ. Сигизмунд тщетно пытался отвратить грозу, уступая Силезию: в 1422 г. Витовт послал в Чехию князя Корибута с войском в качестве своего наместника. Сигизмунд поднял против Литвы немецкий орден, но Витовт разбил рыцарей и принудил их к Мельненскому миру (1422), уничтожившему вроцлавский приговор Сигизмунда. Славянской политике Польши и Литвы скоро, однако, наступил конец. Папа слал грозные послания против поддержки еретиков: Корибут не мог удержаться в Чехии; польское духовенство с Збигневом Олесницким, епископом Краковским, во главе, опасаясь за свое господство, преследовало проявления гуситства в П. и склонило на свою сторону Ягайла. В 1423 г. он заключил союз с Сигизмундом для усмирения чешских еретиков в обмен за невмешательство в отношения П. к ордену. Витовт, потеряв надежды на королевский престол после рождения (1424) у Ягайла сына Владислава, признанного наследником за новые уступки «*можновладству*», решил разорвать унию с П. и сделаться при содействии Сигизмунда самостоятельным литовским королем. Он добился, вопреки Олесницкому, согласия на то Ягайла, и только смерть Витовта (1430) помешала делу, против которого готовилось уже вооруженное сопротивление «*можновладства*». Поляки тотчас присоединили к П. Подолию как первый шаг к инкорпорации Литвы. Это дало повод к восстанию части Литвы и всех русских областей во главе с Свидригайлом, братом Ягайла, объявившим себя наследственным великим князем литовским и вступившим в союз с имп. Сигизмундом, орденом и Молдавией. В этой борьбе (с 1431 г.) православия и русской народности против католицизма и полонизма поляки воспользовались услугами таборитов против ордена, признанием Сигизмунда, брата Витовта, в качестве пожизненного вел. князя (за уступку П. Волыни и Подолия), взаимной враждой сословий в Венгрии и ордене; в 1432 г. они объявили равноправность схизматиков (православных) с католиками. Свидригайло был два раза (1431 и 1432 гг.) разбит под Ошмяной Сигизмундом и удержался лишь на

востоке. Орден заключил (1433) 12-летнее перемирие в Ленчице под условием признания вел. князем Сигизмунда и разрыва с Свидригайлом. В это время (1434) умер Ягайло, и на польский престол вступил его сын Владислав Варненчик (1434–1444), за малолетством которого de facto правило малопольское *«можновладство»* с Олесницкими и Тенчинскими во главе; de jure во главе каждой провинции стояли опекуны (tutores). На Литве Сигизмунд в битве под Вилькомержем (1435) окончательно разбил соединенные силы Свидригайла и инфлянтского (меченосцы, ливонцы) отдела ордена. Свидригайло удержал только Волынь, как ленник П., а орден по мирному договору в Бресте (1436) отказался от вмешательства Папы и императора в его отношения к П. Смерть имп. Сигизмунда (1438) и приглашение на чешский престол второго Ягеллона, Казимира, снова выдвинуло в П. славянскую политику, несмотря на противодействие Олесницкого. Впрочем, слабая попытка Казимира отнять Чехию у Альбрехта Австрийского не удалась, что вызвало военное столкновение (под Гротниками) гуситской партии Мельштинских и католической – Олесницкого; последняя одержала верх (1438). Олесницкий, желая окончательно сломить русскую народность и православную веру в Литве, явился горячим поборником церковной унии (во Флоренции, 1439), поддерживал митр. Исидора (в 1443 г. привилегии католиков распространены на униатов) и князя Сигизмунда, стеснявшего православных Ольгердовичей. Когда один из них, Чарторыжский, убил Сигизмунда (1440) и претендентами на литов. вел. княжение явились сын убитого, Михаил, и старый Свидригайло, Олесницкий отправил великим князем на Литву королевича Казимира. Казимир в Литве укрепился в монархических взглядах на политику, а также в литовском сепаратизме. Король Владислав, приняв венгерскую корону после смерти Альбрехта (1440), удалился в Венгрию, совершал удачные, с Гуниадом, походы против Турции, но под Варной (1444) потерпел поражение и погиб. П. терпела нападения силезских князей и татар, что вызывало негодование против Олесницкого, усилившееся от неудачи польской политики в Венгрии. С 1444 по 1447 г. происходит борьба Казимира Литовского с польским *«можновладством»*: партия Олесницкого требовала от Казимира присоединения к П. Подолии и Волыни, Казимир на это не соглашался, но и не отказывался от польского престола. Наконец в 1447 г. Казимир Ягеллончик короновался польским королем, оставаясь вместе с тем отдельным великим князем Литвы: в 1452 году, по смерти Свидригай-

ла, он присоединил Волынь к Литве и на Пиотрковском съезде 1453 г. ограничился обещанием не отрывать от Польши соединенных с нею Литвы, Руси, Подолии, Молдавии. Так сохранилась личная уния П. и Литвы. К этой федерации Казимир присоединил часть владений ордена после войны 1454–1466 гг. Сословия ордена – дворянство (в значительной части польское) и города, – отягченные поборами ордена, подняли бунт и отдались Казимиру. «*Посполитое рушенье*» вступило во владения ордена, но оказалось несостоятельным для продолжительной войны (поражение под Хойницами, 1454); Казимир посредством сеймиков собирал громадные подати и на них содержал наемников. Чешские наемники ордена за 436 тысяч золотых перешли на сторону Казимира и передали ему Мальборг, столицу ордена. Взятие крепости Хойниц принудило орден к Торнскому миру (1466); П. получила свои старые земли Поморскую (восточную часть), Хелминскую и Михаловскую, вообще всю Западную Пруссию; орден удержался лишь в Восточной Пруссии; гроссмейстеры его обязались приносить ленную присягу польским королям, доставлять им военную помощь и заседать рядом с королями в польском сенате. Казимир утвердил привилегии сословий в завоеванных областях, разделенных на воеводства (с автономными воеводами и каштелянами) Хелминское, Поморское, Мальборгское; учредил королевскую администрацию генерал–старосты и старост. Одновременно с присоединением Поморья и Пруссии перед П. открылись виды на федерацию с Чехией и Венгрией. По смерти Владислава Постума (сын Альбрехта Австрийского) в Чехии стал королем Георгий Подебрад, а в Венгрии – Матвей Корвин. Папа и католические подданные Георгия призывали Казимира против короля-гусита, но Казимир старался дипломатически поддерживать Георгия. Чувствуя свою слабость перед врагами, которые провозгласили чешским королем Матвея Венгерского, Георгий перед смертью (1471) добился от чешского сейма признания его наследником сына Казимира, Владислава, который и стал чешским королем. Брат его Казимир, приглашенный венгерскими бунтовщиками против Матвея, потерпел неудачу в своей попытке утвердиться в Венгрии. Последнее обстоятельство и претензия Матвея на чешский престол побудили Казимира Ягеллончика в союзе с сыном, Владиславом Чешским, вести войну против Матвея в Силезии, но без успеха (1474). Между тем Владислав (1478) без ведома отца и с большими уступками примирился с Матвеем. Дело унии П. с Чехией и Венгрией окончательно

пало, когда в 1491 г. сын Казимира Ольбрахт пытался занять венгерский престол, но был изгнан из Венгрии своим братом Владиславом Чешским, выбранным венгерскими панами ввиду его слабого характера. При Казимире Ягеллончике на восточных границах его государства появились две грозные силы: Московское государство и турки с татарами. В 1449 г. Казимир по договору с Василием Васильевичем сохранил за собой Смоленск и Мценск, но уступил Ржев. Помощь Казимира в лице кн. Михаила Олельковича не спасла Новгород от поражения на Шелони (1471) и окончательного падения (1477). Иван III сломил союзную с Литвой Золотую Орду и возбуждал нападения на П. своего союзника, Менгли-Гирея крымского; женил своего сына на дочери Стефана, господаря молдавского, ленника П.; сносился с Матвеем венгерским и Австрийским домом (Фридрих и Максимилиан), чтобы не допустить утверждения Ягеллонов в Венгрии; женившись на Софии Палеолог, называя себя «государем всея Руси», присоединил Тверь и Верею, после того как Казимир вступил в союз с их князьями. От турок, завладевших (1453) Константинополем, П. была сначала отделена Молдавией, где господарь Стефан (1458–1501) по примеру своих предшественников (со времен Ягайла) состоял в ленных отношениях к П. В 1474–1475 гг. султан Магомет II, отбитый от Венгрии, обратился на Молдавию, разорил ее и заставил Стефана бежать в горы при дипломатическом только заступничестве Казимира. Баязет в 1484 г. подчинил себе Крым с генуэзскими колониями, Аккерман и Килию при устьях Днестра и Дуная; прервал торговые пути из Крыма на Киев, Вильно, к Кенигсбергу и Риге, из Аккермана через Сучаву (столица Молдавии), Львов, Краков к Вроцлаву (Бреславль) и Гданьску (Данциг); угрожал Молдавии и границам польско-литовским. Благодаря поддержке Казимира, походам королевича Ольбрахта (1487 и 1489) Стефан еще держался в Молдавии. После смерти Казимира литовцы призывают на престол его сына Александра (1492–1506), поляки – Яна Ольбрахта (Альбрехта, 1492–1501). Ольбрахт, договорившись о союзе с братьями на съездах в Левочи (1494) и Парчове (1496), предпринял поход против турок на Килию и Аккерман; когда же господарь Стефан объявил себя подданным султана, Ольбрахт направился на Молдавию и осадил Сучаву. Неудача осады, болезнь самого Ольбрахта и враждебность венгров заставили поляков возвратиться домой; на возвратном пути в Буковинском лесу Стефан с турками и венграми предательски напал на Ольбрахта и нанес ему страшное поражение

(1497), за которым последовали (1498) два опустошительных нападения турок на П. до Сандомира и Кракова. Нападения турок (и татар) с тех пор все учащались. Ольбрахт вступил в союз против турок с Венгрией, Венецией, Францией и Римом, но вынужден был заключить с Баязетом (1501) перемирие, так как готовился силой принудить нового гроссмейстера ордена, Фридриха Саксонского, к принесению ленной присяги. Среди этих приготовлений он умер, и поляки призвали на престол Александра Литовского (1501–1506), заключив новый акт унии (в Мельнике), по которому поляки и литовцы впредь должны были выбирать короля вместе, на общем элекционном съезде, взаимно помогать друг другу в войнах, заключать общие перемирия, вместе получать подтверждение привилегий и иметь общую монету. Новый шаг к реальной унии был вызван отношениями московско-литовскими в правление Александра. Александр тотчас по вступлении на литовский престол вступил в войну с Иваном III и Менгли-Гиреем, но по миру 1494 г. отказался от претензии на Псков и Новгород, уступил Вязьму, Алексин, Венев, Оболенск, Козельск, Воротынск, Одоев, женился на дочери Ивана Елене (1495), обеспечив ей свободу православной веры; покровительствовал русским (привилегии Полоцку и Минску; влияние Михаила Глинского) и православной церкви на Литве, к неудовольствию своего литовского сената; несмотря на все это, снова был вынужден к войне (1500), в которой (поражение Острожского при Ведроше) потерял Мценск, Серпейск, Брянск и Путивль. Короновавшись в Кракове королем польским, Александр возвратился в Литву, где продолжал войну против Ивана в союзе с инфлянтским гроссмейстером Плеттенбергом; война кончилась (1503) шестилетним перемирием и уступкой Ивану многих северских городов, в том числе Чернигова. Польша, оставленная под управлением сената, терпела набеги Менгли-Гирея и Стефана Молдавского, занявшего Покутье (1502) и успокоенного лишь договором о выдаче за него королевны Елизаветы. Гроссмейстер Фридрих по-прежнему не хотел присягнуть Александру. После смерти Александра на литовский (1506) и польский престолы вступил его брат Сигизмунд I, или Старый (1507–1548). Ему пришлось защищать русские области Литвы от Василия III (1508), при чем Глинский перешел на сторону Москвы. Василий был побежден у Орши Острожским (1508), но затем взял Смоленск (1513), заключил союз с Альбрехтом, гроссмейстером тевтонского ордена, и соглашался лишь на перемирия (1522 и 1527), удерживая

Смоленск. Попытка возвратить потери во время управления Елены Глинской кончилась неудачей. На Галицкую Русь, Волынь и Подолию совершали набеги молдавские господари (по соглашению с Москвой) и крымские татары, которым приходилось давать *«поминки»*. Сигизмунд отступил от традиционной польской политики соперничества с Габсбургами в Чехии и Венгрии, но не извлек из этого никакой пользы. Впрочем, отношения его к Габсбургам были двойственны. В 1512 г. Сигизмунд женился на Варваре, дочери венгерского магната Заполии, врага Габсбургов, но в 1518 г. вступил во второй брак с родственницей Габсбургов, Боной Сфорца. В 1526 г. под Могачем погиб Людовик чешско-венгерский; Фердинанд Габсбург занял оба престола, между тем как оппозиционные венгерцы выбрали Заполию. Разбитый Заполия спасся в Польшу к Ласким, которые с ведома Сигизмунда снова утвердили его в Венгрии (1529) с помощью султана Солимана, с которым Сигизмунд только что (1528) заключил трактат. Папа подверг Заполию экскоммуникации и возбудил бросавший тень и на Сигизмунда процесс против примаса Лаского. В 1539 г. Сигизмунд выдал дочь Изабеллу замуж за Заполию, а в 1543 г. женил сына, Сигизмунда-Августа, на дочери Фердинанда Габсбурга Изабелле. Такая политика одновременного отказа от Чехии и Венгрии и раздражения Габсбургов вызывала последних к поддержке Москвы и Альбрехта Бранденбургского, нового гроссмейстера ордена, не желавшего принести ленную присягу Сигизмунду. Сигизмунд в 1520 г. начал войну против Альбрехта и опустошил орденские земли до самого Кенигсберга, но вместо присоединения их к Польше согласился на секуляризацию ордена с превращением его в наследственное ленное Польше княжество протестантского вероисповедания; допустив до наследования братьев Альбрехта, он отнимал у Польши надежду когда-либо присоединить к себе остатки владений ордена. В 1526 г., по смерти князя Януша Мазовецкого, Сигизмунд инкорпорировал Польше Мазовию, подтвердив ее статут (1529); мазовшане появились в польском сейме и позже, по смерти Сигизмунда-Августа, играли большую роль. После Сигизмунда I вступил на польский и литовский престолы Сигизмунд II Август (1548–1572). При нем пережила свой золотой век реформация в Польше (см. Реформация), еще при Сигизмунде I распространившаяся из ленной княжеской Пруссии через королевскую (польскую) вследствие деморализации духовенства, воспоминаний гуситских и т. д. В Малой Польше и Литве сделал успехи кальвинизм, в Великой

Польше – вероучение чешских братьев, в Пруссии – лютеранство; протестантское разноверие пыталось объединиться под программой *«народной церкви» («Kościoł narodowy»)*. Значительная часть шляхты приняла идею *«народной церкви»* как составную часть общей программы *«экзекуции прав»* (см. ниже – Внутренние отношения). Однако освобождение от Рима и Папы провести не удалось. Раздоры протестантов (ариане были исключены из Сандомирского соглашения 1570 г.), удовлетворение шляхты уничтожением духовной юрисдикции (1562–63), исключительно шляхетский характер польского протестантизма, колебания самого короля (его интеримы по образцу германских), реорганизация польского духовенства (Гозий, *«Confessio fidei»*, 1551), приезды нунциев (Липомоно, Камерино и особенно Коммендоне, в 1563–65 гг., с триентскими постановлениями, принятыми королем), появление иезуитов в Браунсберге (1565), Пултуске и Познани (1570) – вот факторы, сохранившие Польшу для Рима и грядущей католической реакции. Во внешней политике Сигизмунд-Август при таких же неопределенных, как у отца, отношениях к Австрии (мир с Габсбургами 1549 г.; поддержка племянника, Заполии, против Фердинанда в Венгрии; женитьба в 1553 г. на Екатерине, второй дочери Фердинанда; ее отсылка), при относительном спокойствии со стороны татар (их походы на Москву, появление казачества) и турок (хотя польские паны свергают и ставят молдавских господарей), – обращал главное внимание на Москву в связи с делами инфлянтского (ливонского) ордена. Деморализованный и ослабевший после секуляризации тевтонского ливонский орден ссорился с архиепископом Риги, который призвал на помощь Сигизмунда-Августа (1557), а последний заставил гроссмейстера Фюрстенберга заключить с ним наступательно-оборонительный союз. Это вызвало открытие военных действий со стороны Ивана Грозного, взявшего Нарву, Дерпт и другие пункты (1558). Новый магистр Кеттлер уничтожил орден, взял себе Курляндию в качестве наследственного, ленного Польше княжества, а Лифляндия была присоединена к Польше и Литве (1561), сохраняя свободу аугсбургского исповедания и автономию, позже – посылая послов в литовский сейм (1566). На наследство ордена выражали претензии Швеция (в 1561 г. Эрик XIV захватил Эстонию и Ревель) и Дания (королевич Магнус занял епископства Озилийское и Пильтинское); но Сигизмунд поссорил их, а потом сблизился со Швецией, выдав свою сестру Екатерину за Иоанна, герцога финляндского, с 1568 г. короля

шведского. Московские войска были разбиты поляками под Невлем (1561) и Улой (1568), но Сигизмунд не мог отнять у Ивана Полоцк и заключил в 1571 г. трехлетнее перемирие. Во время войны с Грозным Сигизмунд под натиском польской шляхты на съезде в Люблине (1569) вынудил литовских панов признать объявленную им унию Литвы с Польшей (см.). Главные ее условия: неразрывность обоих государств; совместно выбираемый и коронуемый король; общие сеймы и сенат, договоры и монета, свобода переселений из Литвы в корону и наоборот, отдельная администрация и отдельные статуты. Централизация только законодательная, но не административная, вызвала впоследствии много печальных последствий, но была уступкой литовским панам. На том же люблинском сейме произошла парламентарная уния с Польшею и королевской Пруссии. Федерация Польши (Короны), Литвы, Пруссии и Инфлянт составляла униальную «Речь Посполитую «, которой присягнул наконец и прусский герцог Альбрехт-Фридрих».

22 – <u>Витовт</u> (Витаутас) – сын великого князя Кейстута, родного брата и соправителя Ольгерда, двоюродный брат Владислава-Ягайло. В разгоревшейся после смерти Ольгерда борьбе за престол между Ягайло и Кейстутом, верх одержал в 1382 году Ягайло. Кейстут был задушен в темнице по приказу Ягайло, Витовт сумел бежать из заточения к крестоносцам и с их помощью успешно боролся за отцовское наследство – Трокское княжество. В 1384 году Витовт примирился с Ягайло, получил от него Гродно, Брест и Луцк. Однако, в 1389 году, неудовлетворенный своим положением, опять бежал к крестоносцам и при их поддержке совершал походы в 1390–1391 годах на Великое княжество с целью свержения Ягайло, который с 1386 года стал королем Польши, оставаясь при этом еще и великим князем Литвы. В 1392 году наступило окончательное примирение между Витовтом и Владиславом-Ягайло, скрепленное Островской унией, в силу которой Витовт стал наместником польского короля и великого князя Литвы и Руси в литовских и русских землях. В 1401 году Витовт, наконец, получил титул великого князя литовского, причем великокняжеская власть была передана ему Владиславом-Ягайло пожизненно, однако без права передачи по наследству. Витовт, поддерживаемый поочередно, то великим магистром Тевтонского ордена, то главой Священной Римской империи (они были как никто кровно заинтересованны в разрушении Польско-Литовской унии, серьезно угрожавшей немецкому могуществу на Востоке), не-

однократно предпринимал шаги по отделению Великого княжества от Польши. Наиболее драматичная попытка вырваться из цепких объятий польских магнатов была совершена им в 1429 – 1430 годах. Действия великого князя Литвы и Руси не на шутку взволновали Коронную Раду во главе с Олесницким и стали для Витовта последними. Только неожиданная смерть Витовта в 1430 году помешала ему получить из рук императора Сигизмунда Люксембурга долгожданную королевскую корону и окончательно завершить успешно начатый процесс полного отделения от Польши.

23 – *с момента подписания Кревской унии в 1385 году*. Кревская уния была подписана великим литовским князем Ягайло с магнатами Польши в обмен на польскую корону.

24 – Коронная Рада или королевский совет, который состоял из нескольких десятков самых могущественных и влиятельных магнатов Польши. Обычно функционировал в расширенном составе, лишь на время войны 1409 – 1411 годов по распоряжению Ягайло число его членов было ограничено восемью наиболее приближенными к королю представителями верховной власти.

25 – Ульрих фон Юнгинген – великий магистр Тевтонского ордена (1407-1410). Годы жизни около 1360 по 1410 год. Коротко назовем главные вехи политической карьеры Ульриха фон Юнгингена – родного брата успешного великого магистра Конрада фон Юнгингена. Вначале Ульрих получает должность фогта Самбии и успешно справляется с возложенными на него обязанностями с 1393 по 1396 годы, то есть уже с 33 летнего возраста он занимает самые ответственные посты в орденском государстве. Затем избирается с 1397 по 1407 годы великим маршалом и проявляет себя не только способным администратором, но и талантливым военным руководителем. Ульрих фон Юнгинген блестяще справляется со второй по значимости выборной должностью в Ордене, до тех пор, пока не умирает великий магистр Конрад. Когда орденский капитул, вопреки завещанию родного брата, доверяет именно Ульриху возглавить прусское государство, тот становится одним из самых молодых великих магистров в истории Тевтонского ордена. Этот образованный и способный, но недальновидный и самоуверенный политик, дерзкий и смелый воин энергично, но неэффективно руководил страной с 1407 по 15 июля 1410 года до того момента, пока не положил конец эпохе величия Ордена, найдя свою смерть на поле Грюнвальда.

26 – Фридрих фон Валленрод, был с 1394 по 1396 год комтуром в Рейно, затем с 1407 по 1410 годы являлся великим маршалом Тевтонского ордена. Избранный братьями на вторую по значимости военно-административную должность в государстве, Фридрих до самой своей смерти рьяно отстаивал с оружием в руках интересы Ордена. Погиб при Грюнвальде.

27 – Куно (Конрад) фон Лихтенштейн, с 1389 по 1392 год был правителем (фогтом) всей области Самбия, а не только выстроенного крестоносцами на ее территории замка Инстербурга как ошибочно пишет Длугош в «Истории Польши». С 1404 по 1410 годы Лихтенштейн великий комтур Тевтонского ордена. Сложил голову в битве при Грюнвальде.

28 – Ворскла, битва принадлежит к крупнейшим сражениям средневековья, состоялась в 1399 году на реке Ворскле, на территории современной Украины около Полтавы. Огромная армия Витовта потерпела сокрушительное поражение от вдвое превосходивших ее татаро-монгольских войск эмира Эдигея и туменов хана Темир Кутлуя. В битве погибло почти все стотысячное литовско-белорусское, русско-украинское, польское и тевтонское войско, в том числе и тридцать из пятидесяти удельных князей Великого княжества Литовского и Русского. Объединенное воинство, благословленное папой, направлялось под знаменем крестового похода против мусульман и язычников Золотой Орды. Прагматичный политик, но недостаточно зрелый полководец Витовт преследовал вполне земные цели. Он намеревался возвратить золотоордынский трон Тохтамышу, а себе подчинить обширные подневольные монголам земли Северо-Восточной Руси – русский улус Золотой Орды. Это поражение отбросило Великое княжество на многие десятилетия назад, вынудило Витовта из-за возраставшей тевтонской угрозы пойти на более тесный союз с Ягайло. После ошеломляющей победы при Грюнвальде Витовт не только вернул прежние позиции государства, но стал одним из самых влиятельных политических лидеров Европы, был как никогда близок к главной цели всей своей жизни – провозглашению княжества королевством, а себя независимым от Польши европейским монархом.

29 – Конрад фон Юнгинген (1393-1407) великий магистр Тевтонского ордена достаточно успешно осуществлял как внутреннюю, так и внешнеполитическую деятельность прусского государства, сменив на этом посту недолго руководившего Конрада фон Валленрода

(1390-1393) – старшего брата будущего великого маршала Фридриха фон Валленрода участника Грюнвальда.

30 – <u>папа Бонифаций IX</u> (лат. *Bonifacius PP. IX*, в миру – Пьетро Томачелли, итал. *Pietro Tomacelli*; 1356–1404) – папа римский с 2 ноября 1389 по 1 октября 1404. При нем в Авиньоне был провозглашен папой преемник Климента VII – Бенедикт XIII, раскол в церкви не только продолжался, но еще более углубился. На стороне Бонифация IX выступили Англия, Португалия и Венгрия, авиньонских пап поддерживали королевские дворы Франции, Шотландии, Неаполя, некоторые княжества Священной Римской империи германской нации. Большинство стран придерживалось нейтралитета. В период понтификата Бонифация IX не было предпринято решительных шагов против схизмы, процветала далеко зашедшая куриальная бюрократия и торговля индульгенциями.

31 – <u>Ковно</u> – современный Каунас в Литовской Республике.

32 – <u>Ян Длугош</u> (1415–1480) средневековый писатель, историк-хронист, каноник Краковский, Сандомирский, Келецкий, Вислицкий, Гнезненский, архиепископ Львовский (1480). Автор знаменитой «Истории Польши» (Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae) в 12 книгах. Это лучшая польская средневековая хроника (на латинском языке), доведённая до 1480 года. При её написании Длугош использовал обширнейшие материалы государственных и церковных архивов, польские, чешские и венгерские хроники, русские и литовские летописи. Хроника Длугоша, несмотря на тенденциозность и историческую ограниченность, считается вершиной польской средневековой историографии.

Покровителем и защитником Яна Длугоша был Збигнев Олесницкий, человек, спасший в двадцатилетнем возрасте от смерти Ягайло на поле Грюнвальда, а в сорокалетнем – не позволивший Витовту стать королем независимой Литвы. Збигнев родился в 1389 году, умер в 1455 году, он прожил всего 66 лет, но успел сделать немало для процветания Польши. Являясь епископом Краковским и кардиналом, он был одним из наиболее видных политических деятелей Польши, живших во времена первых королей из династии Ягеллонов. Длугош появился при дворе Збигнева Олесницкого в период высшего расцвета его могущества. Получив в 1423 г. от Владислава – Ягайлы краковское епископство, Олесницкий, человек сильной воли и неукротимой энергии, сумел в короткий срок вознести авторитет церкви на большую высоту и добиться для нее господ-

ствующего положения в стране. Борьба духовных и светских магнатов за ограничение королевской власти достигла под руководством Олесницкого значительных успехов уже при жизни Владислава-Ягайлы, а при его преемнике и сыне, Владиславе III (1434—1444), Олесницкий стал фактическим правителем государства. Двор епископа был политическим центром, местом, где сходились нити управления страной, где встречались виднейшие политические деятели, где обсуждались и разрешались основные вопросы внутренней и внешней политики.

33 – Ян Длугош. Грюнвальдская битва, СПб, «Наука», 2007, с. 44 – 45.

34 – Астрода, Торн, Страсбург, Голуб. Мощные замки на территории вышеназванных городов служили опорными базами крестоносцев в Прибалтике, а также административными и военными центрами тевтонцев в Пруссии.

35 – *строительство новых замков в Тильзите и Рагнете*, Орден занимался усиленным возведением многочисленных замков на территории вновь покоренных земель. Такая политика полностью отвечала сохранению власти крестоносцев на местах, являлась гарантом упрочению их могущества. Основным в расположении замков друг относительно друга был визуальный контакт гарнизонов между собой подаваемыми дымовыми сигналами, а расстояние не превышать дневного перехода полностью снаряженного войска. Таким образом, любой потерянный замок-крепость тевтонцы довольно легко могли отбить даже у более многочисленного противника, вынужденного распылять свои силы. Согласованным ударом стремительно, сконцентрировав большие силы в одной конкретной стратегически важной точке крестоносцы, используя мощную осадную артиллерию, быстро выбивали врага из захваченного замка.

36 – Свидригайло Ольгердович

Из словаря Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона, 2000–2009, Библиотека «Вехи»

«**Свидригайло Ольгердович** или *Свадригелло Ольгердович* – великий князь литовский, младший сын Ольгерда Гедиминовича и Ульяны Александровны, тверской княжны. Родился в 1355 г. и крещен по православному обряду, с именем Льва. В 1386 г., вместе с братом Ягайлом, принял к Кракове католичество, получив имя Болеслава, но до конца жизни сохранил преданность русской народности и ее интересам; к тому же и женат он был на дочери тверского

князя Бориса. Вследствие этого С. изображается старыми польскими писателями в самых мрачных красках. Не подлежит сомнению, что он отличался крутым и жестоким нравом и не умел пользоваться обстоятельствами. Первоначально уделом С. был Полоцк. В 1392 г. он захватил Витебск, но вскоре был вытеснен оттуда вступившим на великокняжеский литовский стол Витовтом, бежал в Пруссию, несколько лет воевал с Витовтом, пользуясь помощью орденских войск и прибегая даже к посредничеству папы, пока, наконец, не получил в удел Подолию, а затем Северскую землю. В 1408 г., когда началась война между вел. кн. московским Василием Димитриевичем и Витовтом, С. стал на сторону первого, сдал ему северские города и сам, с несколькими удельными князьями и множеством бояр, отправился в Москву. Великий князь предоставил ему несколько городов и поручил ему начальство над войском, отправленным против литовцев. С. не одержал ни одной большой победы, а при появлении Эдигея убежал в Литву, опустошив дорогой Серпухов. В Литве он был схвачен и заключен в Кременецкую тюрьму, в которой содержался 9 лет. Освобожденный отсюда Даниилом Федоровичем Острожским, С. бежал в Венгрию к императору Сигизмунду и благодаря его посредничеству перед Ягайлом получил в удел Новгород-Северский и Брянск, где и оставался спокойно до 1430 г. В этом году умер Витовт; польская партия выставила своим кандидатом на великокняжеский стол Сигизмунда Кейстутовича, но одержала верх русская партия, и С. сел на великое княжение, объявив себя совершенно не зависимым от польской короны. Поляки захватили несколько подольских городов, и несмотря на сопротивление С., удержали за собой некоторые из них, напр. Каменец. В следующем году возгорелась война между Литвой и Польшей. Вместо того, чтобы сплотить около себя русские и литовские силы, С. стал искать помощь у импер. Сигизмунда, у рыцарей тевтонского и ливонского орденов, но не мог воспрепятствовать полякам свирепствовать в литовско-русских владениях. При встрече с королем под Луцком С. отказался от боя, тогда как оставленный им в Луцке воевода Юрша отбил все приступы поляков. Несмотря на удачные вторжения рыцарей тевтонского ордена на северные владения Польши, С. заключил перемирие, по которому за ним оставались все прежние его владения и обьявлялась независимость от польского короля. В 1432 г. удельный князь стародубо-северский Сигизмунд Кейстутович поднял против С. восстание, заставил его бежать в Витебск и занял всю

литовскую часть великого княжества. На стороне С. оставались русские города в Белоруссии и Северщине, готовые бороться; но в своей погоне за иноземной помощью С. лишился многих выдающихся русских союзников и на берегу р. Святой, близ Вилькомира, был разбит наголову (1435). Хотя за ним оставалась часть Подолии и Волыни, а также Киев, он бежал (1437) в Краков и оттуда предлагал сделаться, со всеми своими землями, ленником польской короны. Предложение это было отвергнуто; С. покинул Русь, скитаясь несколько лет то в Валахии, то в Венгрии (преувеличенные рассказы о его тогдашней бедности породили ложный слух, подхваченный некоторыми историками, будто бы он несколько лет был пастухом у одного богатого валаха). Когда в 1440 г. Сигизмунд Кейстутович пал от руки заговорщиков, С. опять был призван на великокняжеский стол, но, не будучи в силах, вследствие старости, предпринять что-нибудь энергичное, оставался до смерти в Подольской и Волынской землях, которые за ним в 1442 г. утвердили поляки. Умер в 1452 г., в Луцке, успев передать свои владения литовцам, отчего еще более усилилась распря между ними и поляками».

37 – Василий Дмитриевич

Е. Белов. Из словаря Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона, 2000–2009, Библиотека «Вехи»

«**Василий Дмитриевич**, великий князь владимирский и московский (1389—1425). Хотя В. Д., сын Димитрия Донского, и возведен был на великокняжеский престол послом хана, но с его княжения великое княжество сделалось окончательно достоянием московских князей. Перевес его над другими князьями и над старыми родовыми притязаниями сказался в самый год его вступления на престол. Князь Владимир Андреевич, его дядя, поссорился с Василием, но должен был, однако, уступить племяннику. Он признал последнего старейшим себя, обязался ходить на войну, сидеть в осаде, где В. прикажет. Вел. князь находил сильную опору в боярстве. Боярские роды начали оседать в Московском княжестве со времен второго сына Калиты, Ивана Ивановича. Эта оседлость дружины породила связь осевших боярских родов с домом Калиты, вследствие которой им невыгодно было, чтобы Моск. княжеством завладела какая-либо другая линия дома св. Владимира; точно так же в выгодах боярства была передача престола от отца к сыну, при которой им было удобнее проводить свою наследственную политику. Возвышая значение московского князя над другими князьями, московское боярство воз-

высило себя над боярством других княжеств. Боярство в других княжествах, видя усиление Москвы, стремилось служить сильному и богатому московскому князю. Таким положением дел и настроением боярства объясняется легкое падение Нижегородско-Суздальского княжества. В. Д., зная настроение нижегородского боярства, купил в Орде ярлык на Нижний Новгород и Суздаль. Борис, кн. нижегородский, созвав своих бояр, сказал им: «Господа мои и братия, милая дружина! Вспомните крестное целование, не выдайте меня врагам моим». Бояре клялись, и во главе их клялся боярин Румянец, который, между тем, уже давно завел переговоры с Москвою. Когда в Нижний Новгород явились московские бояре с татарскими послами, то тот же боярин Румянец сказал Борису: «Господин князь! Не надейся на нас (на бояр), мы уже теперь не твои и не с тобою, а на тебя». Борис был схвачен с женою и детьми; его немногие доброхоты разосланы по разным городам. В. таким образом приобрел, кроме Нижнего Новгорода, Городец, Мещеру, Муром, Тарусу, а через несколько лет и Суздаль.

В 1395 г. Восточной России (не Восточной России, которой в то время еще просто не существовало, а Московскому княжеству, вернее Северо-Восточным землям Руси – Н.В.В.) грозила страшная беда. Тамерлан, победив Тохтамыша, перешел Волгу и овладел Ельцом. Москва была в ужасе, но еще живы были сподвижники Димитрия Донского на Куликовом поле. Московские бояре не пришли в отчаяние, собрали полки и уговорили В. стать во главе ополчения, чтобы с оружием в руках встретить грозного врага. Но Тамерлан, простояв недели две в земле Рязанской и опустошив страну в верховьях Дона, отступил. Причину отступления восточные историки приписывают приближению осени (отступление начато 26 августа). Благочестивое предание повествует, что отступление Тамерлана произошло в тот день, когда в Москву принесли икону Богоматери из Владимира. Костомаров весьма метко указал значение этого перенесения: В. приказал перенести икону, которую Андрей Боголюбский тайком увез из Киева в свой любимый город Владимир; теперь эта икона служила освящением первенства и величия Москвы над другими русскими городами. Но подчинить вполне своей воле Великий Новгород, к чему стремились вел. князья с Андрея Боголюбского, Василию не удалось, хотя и ему, как и его преемникам, весьма много облегчал борьбу раздор Новгорода с бывшим его пригородом, Псковом. В. Д. в борьбе с старым вечником оперся на митрополита,

с выгодами которого уже его предшественники, начиная с Калиты, умели соединить судьбу Москвы и своего дома. В 1392 г. в Новгород прибыл митрополит Киприян; он требовал, чтобы новгородцы по-старому относились к нему в делах судных, ибо незадолго до этого новгородское вече постановило на суд к митрополиту не ездить. Вечевым приговором митрополиту было отказано. Вел. кн. вступился за митрополита, новгородцы отказали и ему. Дело дошло до кровавых расправ. В 1393 г. в Торжке убили московского доброхота; великий князь, захватив Торжок, приказал разыскать виновных, и 70 человек преданы были в Москве мучительной казни четвертования. Новгородцы, опасаясь за свою двинскую торговлю, уступили и прислали митрополиту судную грамоту. В 1396 г. враждебные действия возобновились. Вел. князь хотел захватить Двинскую землю; сначала он успел в том, но в 1398 г. должен был отказаться от Двинской земли, Вологды и других новгородских владений. В 1404 г. опять возникли неприязненные отношения. Новгородский архиепископ Иоанн три года содержался в Москве в заточении, но вел. князь, помирившись с Новгородом, освободил Иоанна и захваченных в этом году новгородских бояр. Ускорению примирения содействовало опасение замыслов Витовта, вел. кн. литовского, который, захватив Смоленск, явно стремился к захвату и Пскова с Новгородом. Витовт, несмотря на родство с Василием, который был женат на его дочери, Софье Витовтовне, был грозный враг. Владея Смоленском и юго-западными русскими княжествами, он недаром носил титул вел. кн. литовского и русского; на восток его владения простирались до Оки. Родственные отношения смягчали борьбу; но Витовт был не из тех людей, которые всему предпочитают родственные связи. Псковичи и новгородцы просили помощи у вел. князя московского. Три раза сходились тесть и зять, и ни разу битвы не было, каждый раз дело кончалось свиданием и миром: 1406 г. близ Крапивны, в 1407 г. у Вязьмы и в 1408 г. на берегах р. Угры. После мира на р. Угре не было больше столкновения у Василия с Витовтом. Для Василия было великим счастием, что в Орде, после нашествия Тамерлана, 12 лет царствовала неурядица, которая давала Москве возможность свободно действовать по отношению к Литве. В это время казна вел. кн. московского чрезвычайно обогатилась: он в Орду и сам не ездил, и никого не посылал; на требование денег отвечал, что у него денег нет, а между тем, постоянно собирал деньги на ордынский выход. Все эти деньги оставались в казне великокняжеской. Но в Орде все

изменилось, когда власть перешла в руки мурзы Эдигея, который, подобно Мамаю, стал распоряжаться и ханами, и ордою. Эдигей хотел заставить В. повиноваться, но не решился открыто напасть на Москву и прибегнул к хитрости. В 1408 г. он дал знать В., что идет на Литву, а сам повернул к Москве. В. бежал в Кострому, оставив своего дядю Владимира Андреевича защищать столицу. Эдигей не мог взять Москвы, но отдельные татарские отряды опустошили Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Нижний Новгород, Городец, Клин. Эдигей, получив известие, что в Орде неспокойно, отступил, разорив на обратном пути Рязань. Но нашествие Эдигея нисколько не поколебало значения Москвы. В 1412 г. В. Д. ездил в Орду на поклон к Джела-Ледину (Зелени-Султан наших летописей), по поводу дарования им ярлыка изгнанным нижегородским князьям. В 1399 г. умер тверской великий князь Михаил, давши клятву за детей, внуков и племянников не искать ни Москвы, ни Новгорода. Великий князь рязанский обязался чтить В. как старейшего брата. Братья В. дали такие же записи, кроме Юрия. В княжение Василия случилось важное событие в истории церкви, которое имело политическое значение: по смерти Киприана, в 1406 г., митрополитом поставлен был грек Фотий, ничего не понимавший в русских отношениях. Его надменное отношение к Витовту дало последнему предлог исполнить давнишний замысел: он созвал всех русских епископов, которые в 1425 г. поставили в киевские митрополиты болгарина Григория Цамблака. Влияние Москвы на южную Россию (такое понятие как Россия появиться значительно позже приблизительно к концу правления Ивана Грозного самодержца Всея Руси и окончательно укоренится только после лихих событий смутного времени уже при новой династии Романовых; в данном случае правильнее было бы сказать на украинские и южнорусские земли – Н.В.В.) было ослаблено. В княжение В. Россию (Московское княжество и Северо-Восточные земли Руси – Н.В.В.) посетило и грозное бедствие – мор, и трехгодичный голод. О главном действующем элементе в Москве, т. е. о боярстве, в княжение В. Д., сохранилось показание в письме к нему Эдигея, в котором указывается на смену старого поколения бояр поколением новым; первое слушалось татар, второе было враждебно им. Первое, конечно, восхваляется Эдигеем. Из боярских родов на первом месте стоял род боярина Феодора Кошки и его сыновей, предков Романовых; потом род Ивана Родионовича Квашни, род Вельяминовых, Челядниных,

Всеволожских, Плещеевых, племянников митрополита Алексея, Жеребцовых».

38 – Софья Витовтовна,

Из словаря Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона, 2000 – 2009, Библиотека «Вехи»

«**Софья Витовтовна**, супруга великого князя московск. Василия Димитриевича (1371–1453). Еще при жизни Донского Василий Димитриевич был помолвлен во время своего пребывания в Зап. России (Василий попал на территорию Великого княжества Литовского и Русского после бегства из Орды, где он находился в качестве заложника – Н.В.В.) с С. Витовтовной, но брак их состоялся лишь в 1390 г. При жизни супруга С. Витовтовна была иногда посредницей в сношениях его с Витовтом; по смерти его (1425) началась ее государственная деятельность. В 1425 г. она посадила на престол своего сына Василия, несмотря на сопротивление Юрия Димитриевича. В 1430 г., по смерти Витовта, Юрий вновь стал обнаруживать притязания на великокняжеский стол, но хан, благодаря боярину И. Д. Всеволожскому, решил дело в пользу Василия Васильевича. Несмотря на это Юрий, подстрекаемый тем же Всеволожским, который надеялся на брак своей дочери с великим князем, но был обманут гордой С. Витовтовной, успевшей обручить Василия с княжной Марьей Ярославной, внучкой Владимира Храброго, снова поднялся, и после известного случая на свадьбе в 1433 г., когда С. Витовтовна велела снять с Василия Юрьевича Косого ценный золотой пояс, признав его за некогда принадлежавший супруге Димитрия Донского, открылась продолжительная междукняжеская усобица. Во время этой войны С. Витовтовна, помогавшая своему сыну в управлении, подвергалась всем многочисленным невзгодам, в 1446 г. была даже взята в плен Шемякой и отправлена в Чухлому и освобождена только в следующем году. В 1439 г., спасаясь от татар, выжегших окрестности Москвы, она бежала в Ростов; но в 1451 г., оставленная великим князем в Москве, С. Витовтовна выдержала осаду татарского царевича Мазовши, явившегося с большим отрядом, побуждая сражавшихся, и вызвала сына, как только ушли татары. Вообще она своей открытой деятельностью значительно возвысила положение женщины в русской земле».

39 – Маркварт фон Зальцбах с 1396 по1401 годы комтур Рагнеты, затем с 1402 по 1410 годы – Бранденбурга.

40 – Восставшие неожиданным ударом овладели Христмемелем – замок крестоносцев на территории Жемайтии.

41 – Нявежис (Невяжа) – правый приток Немана.

42 – Румбольд Валимунтович надежный помощник и доверенное лицо Витовта

43 – Ян Длугош. Грюнвальдская битва, СПб, «Наука», 2007, с. 46.

44 – Рагайне (Рагнета) – теперь город Неман в Калининградской области России.

45 – Ян Длугош. Грюнвальдская битва, СПб, «Наука», 2007, с. 45.

46 – Краков, этот древний город длительное время являлся столицей Польского королевства.

47 – Мазовия – исконная область Польши. После ликвидации периода феодальной раздробленности Мазовия не вошла в состав сложившегося на рубеже XIII—XIV веков единого Польского государства, но считалась леном польского короля. Воссоединение ее с Польшей состоялось в 1526 году. В Мазовии в описываемый период правили три брата, старшим из князей был Земовит IV годы жизни с 1357 по 1426 год, князь Ян, чаще Януш (Мазовецкий) умер в 1429 году – брат Земовита. Генрик – брат Земовита и Януша, епископ плоцкий в 1391-1392 годах.

48 – на польском берегу реки Древенцы. Древенца – правый приток Вислы некоторое время являлась пограничной рекой между владениями Ордена и польскими землями.

49 – капитул Тевтонского ордена, высший коллегиальный орган власти Ордена состоял из шести главных должностных лиц избираемых, как правило, пожизненно: великого магистра, великого комтура, великого маршала, великого (главного) казначея, великого ризничьего и великого госпитальера.

50 – Новогрудок (Новгородок) – один из древнейших городов на территории Черной Руси, являлся первой официальной столицей Великого княжества Литовского и Русского, в Новгородке Миндовг принял христианство и по поручению Римского папы провозглашен королем Литвы.

51 – Эльбланга (Эльбинг или Эльблонг) город и хорошо укрепленный замок, который находился недалеко от Мариенбурга несколько севернее стольцы Тевтонского государства.

52 – Ян Длугош. Грюнвальдская битва, СПб, «Наука», 2007, с. 48.

53 – J. Possilge. Chronik des Landes Preussen. Scriptores rerum Prussicarum, B. 3, Leipzig, 1866, c. 301.

54 – <u>«посполитое рушэнне»</u> иначе говоря, народное ополчение или всеобщий военный сбор всех свободных поляков способных носить оружие.

55 – <u>Новая Марка</u> являлась военно-пограничной областью, была основанна немецкими феодалами в бассейне нижней Варты (притока Одры) и ее притока, Нотеци.

56 – <u>бранденбургские владения Тевтонского ордена</u>, теперь Бранденбург город Ушаков Калининградской области России.

57 – <u>Западное Поморье</u>. Некогда, еще при первом исторически засвидетельствованном польском князе Мешко, умершем в 992 году, все Поморье входило в состав Польши. В период феодальной раздробленности отложилось Западное (Щецинское) Поморье, признав себя вассалом Германской империи. Тогда же отошло и Восточное или Гданьское Поморье. В конце XIII века, согласно завещанию последнего из представителей местной княжеской династии, Поморье вернулось к Польше.

58 – <u>пограничные замки Санток и Дрезденко</u> – древние польские замки у впадения реки Нотеци в Варту (приток Одры), на границе между Великой Польшей и Новой Маркой. В 1365 г. вместе с другими пограничными замками был отдан Казимиром III в ленное владение Ордену иоаннитов в лице рыцарского рода фон Дер Ост. Когда Тевтонский орден в 1402 г. получил Новую Марку в залог от короля венгерского Сигизмунда, которому она принадлежала, крестоносцы стали рассматривать Санток и Дрезденко как свою собственность, в чем Сигизмунд их поддерживал.

59 – Я.Зутис. Грюнвальд – конец могущества Тевтонского ордена, Исторический журнал, 1941, № 9, с. 78.

60 – <u>Силезия</u>, юго-западная область Польши с центром во Вроцлаве. Силезия – исконная область Польши, входила в то время в состав Чешского королевства, была уступленна ей польским королем Казимиром III (1333–1370) по Вышеградскому миру 1335 г. Один из силезских князей Конрад Белый.

61 – <u>Люксембургским домом, царствовавшим в Венгрии и Чехии.</u> Люксембургская династия и Сигизмунд Люксембургский см. сноску №2 – Священная Римская империя германской нации.

62 – Cronica conflictus Vladislai regni Poloniae cum Cruciferis. Scriptores rerum Prussicarum, B. III, Leipzig, 1866.

63 – <u>Добжинская земля</u> или Михайловская земля – долгое время пограничная земля между владениями Тевтонского ордена и Польским королевством.

64 – Рыпин, Липно и Бобровники – города в Добжинской земле захваченные крестоносцами в перве дни Великой войны.

65 – «убивают много девушек и женщин, оказавшихся там» слова из «Истории Польши» Длугоша. Ян Длугош. Грюнвальдская битва, СПб, «Наука», 2007, с.49.

66 – Злоторыя, польский город на реке Древенце в Добжинской земле.

67 – Комтур или командор (commendator) – правитель крупного замка-города на территории Ордена и округа, прилегающего к нему.

68 – Тухола и Члухов – прусские города–крепости, административные центры земель-комтурств Тевтонского ордена.

69 – Краина – часть Великой Польши западнее города Быдгоща по реке Нотець.

70 – Быдгощ – пограничный польский город, находился возле тевтонских владений Кульмской земли между реками Нотець и Вислой в Великой Польше.

71 – Свец являлся замком и главным городом одноименного комтурства, которое возглявлял в 1410 году Генрих фон Плауэн.

72 – Генрих фон Плауэн являлся комтуром города Свеце, взял на себя руководство Тевтонским орденом после гибели великого магистра и всего капитула при Грюнвальде. По существу в 1410 году Плауэн спас от неминуемого краха Орденское государство, организовав успешную оборону Мариенбурга.

73 – Фогт (advocatus, capitaneus) – правитель маленького города-замка на территории Ордена, иногда целой области.

74 – Дрезденко, как и Санток, – древний польский замок на границе Великой Польши и Новой марки. В 1365 г. вместе с Сантоком был уступлен Казимиром III в ленное владение немецкому рыцарскому роду фон Дер Ост, а тот отдал его в залог Ордену в 1402 г. Когда в 1408 г. Владислав-Ягайло стал добиваться у Ордена возвращения Дрезденко, крестоносцы купили его у рыцарей фон Дер Ост.

75 – Януш Мазовецкий (см. примечание №47 – Мазовия).

76 – Зольдау город и замок на территории Пруссии.

77 – Растенбург как и Зольдау являлся одновременно городом и мощной замковой цитаделью.

Глава 2 (31)

ОТВЕТНЫЕ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОЛЬСКОГО КОРОЛЕВСТВА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ДАВЛЕНИЕ ЗАПАДА ВЫНУЖДЕННОЕ ПЕРЕМИРИЕ КОРОННОЙ РАДЫ С ОРДЕНОМ

«Большая политика часто делается не менее большими деньгами, с помощью которых можно купить не только преданных союзников, но даже выгодный мир или необходимое перемирие»

(В.В.Новосельский)

Умело спланированные, четко организованные и не менее талантливо воплощенные в жизнь стремительные военные операции Тевтонского ордена явились полной неожиданностью для Ягайло, застав политическое руководство Польского королевства врасплох. Все надежды Коронной Рады любыми способами отодвинуть на более поздний срок начало неизбежного конфликта в одочасье рухнули. По существу, Польша оказалась не готова к серьезной войне, красноречивым подтверждением чему явилось сокрушительное поражение польского рыцарства под Велунем (1). 4 сентября 1409 года на территории Новой Марки тяжелая шляхетская конница Польши была наголову разбита тевтонцами.

Ягайло напрасно ждал помощи от Витовта, тот был занят неотложными делами в Жемайтии (Самогитии) (2), активно осаждая с конца августа вместе с местным населением замки крестоносцев. После того, как согласно решению великого магистра ударные группировки тевтонцев 16 августа в разных местах перешли польскую границу, вооруженные силы Ордена оказались основательно и, по всей видимости, надолго втянуты в большую войну с Польшей. К началу 15 века Польское королевство стало сильным европейским государством сюзереном и покровителем Великого княжества. В таких условиях

Витовт, наконец, решается на открытую конфронтацию с крестоносцами. Теперь он уже смело может участвовать в боевых действиях на территории Жемайтии. Вначале войска Витовта без особых проблем овладели цитаделью Фреденбурга, в испуге крестоносцы оставили Дубису (3), гарнизон сжег замок и быстро ушел на соединение с основными силами Ордена. Отряды Великого княжества Литовского и Русского овладели крупным портовым городом Мемель (4), однако хорошо укрепленный Мемельский замок захватить не смогли. Великий маршал Фридрих фон Валленрод, чтобы остановить дальнейшее продвижение литовско-белорусских хоругвей и изгнать их с орденских земель, совместно с комтурами Балги и Бранденбурга (5) собрал новую армию. Однако сложились неблагоприятные обстоятельства, помешавшие осуществлению задуманного. Из-за начавшихся затяжных дождей и охвативших орденские войска эпидемий различных болезней выступить в поход великий маршал так и не смог. Ввиду столь неожиданных трудностей Валленрод, этот опытный тевтонский воин, и, несомненно, один из талантливейших полководцев своего времени, вынужден был отказаться от намеченных активных боевых действий и полностью перейти к чисто оборонительной тактике. Великий маршал настолько умело разместил орденские войска, дополнительно укрепив их наемными рыцарскими формированиями из Европы по многочисленным немецким крепостям, что надежно перекрыл регулярным войскам Витовта, а также многочисленным партизанским отрядам белорусов, литовцев и жемайтов, все возможные пути вглубь прусских земель.

К двадцатым числам сентября, после проведения всеобщей мобилизации, Ягайло стянул под Ленчицы большие силы нового польского ополчения. В это время Фридрих фон Валленрод сообщает великому магистру сведения военной разведки о тайной встрече Витовта с Ягайло. Тевтонские осведомители в описываемый период невероятно эффективно действовали по всей территории Польши и Великого княжества, выуживая

полезную информацию для своих патронов. Последние данные, представленные агентами, не на шутку встревожили Юнгингена. Опасения великого магистра оказались не напрасными. На только что состоявшейся хорошо законспирированной встрече главы союзных государств детально разрабатывают план военной кампании против Ордена, тщательно согласовывают каждый свой шаг, намереваясь во избежание бессмысленных потерь впредь действовать только совместно. Великий магистр теперь уже не мог хладнокровно, как прежде, наблюдать за ходом разворачивающихся событий. Он ясно видел свои просчеты. Хотя люди Ордена постоянно натравливали братьев друг на друга, стараясь внести раздор и недоверие в их отношения, однако в итоге все их старания оказались безуспешными. Великому магистру не удалось своевременно пресечь опасное для Ордена сближение братьев. В этой ситуации Ульрих не мог рассчитывать на свою неизменную удачу и невероятное везение обычно сопровождавшие его по жизни. Бессильным оказался даже такой мощный фактор как религия, содействие могущественных сил веры на этот раз было совершенно недостаточным для того, чтобы, сохранив лицо выйти из опасного положения достойно. Поодиночке разобраться сначала с Ягайло, а затем и с Витовтом Юнгингену теперь стало довольно проблематично. Тевтонский лидер, смелый полководец, но как все немцы был весьма расчетлив и прагматичен, чтобы успеть сотворить за короткое время слишком много непоправимых глупостей. Ульрих чрезвычайно обеспокоенный реальной угрозой войны на два фронта, немедленно обращается за содействием по выходу из сложного положения к Вацлаву (Венцеславу) IV – королю Чехии (Богемии) (6). Перспектива быть атакованным сильным противником сразу с двух направлений являлась, по мнению великого магистра, достаточно отдаленной. Несмотря на то, что мнение Ульриха разделял орденский капитул, считавший практически маловероятным объединение военных усилий соседей, их давние опасения постепенно и незаметно переросли в настоящую проблему, в се-

рьезную головную боль. Нависавшая над тевтонцами смертельная опасность войны на два фронта вдруг неожиданно навалилась на руководство крестоносцев тяжким грузом. Военная угроза для Пруссии была на этот раз слишком реальной, а беда казалась неминуемой после того, как крестоносцам пришлось в полной мере испытать истинную силу польской армии. Даже действуя лишь частью собственных сил без какой-либо помощи восточных союзников, польские войска очень скоро смогли остановить тевтонский прорыв и перейти в успешное контрнаступление.

Спустя буквально три недели после Велуневского поражения многочисленные отряды, стекавшиеся на выручку разбитой армии со всей Польши, начали уверенно отвоевывать утраченные земли и города. Уже 23 сентября они выступили из Ленчиц (7) в освободительный поход, 28 сентября ими был осажден Быдгощ, а 30 – взят штурмом рыцарский замок. В это время в лагерь Ягайло прибыло посольство Вацлава, которое в ультимативной форме потребовало немедленного прекращения боевых действий и решения спора мирным путем через третейский суд короля Богемии. Великий магистр 5 октября предложил польскому королю заключить перемирие на условиях, что Ягайло немедленно снимет осаду с Быдгоща и согласится на посредничество Вацлава IV. Ягайло ответил Ульриху, что не будет возражать по поводу перемирия лишь в том случае, если крестоносцы полностью выведут свои войска из захваченных территорий и до начала третейского суда отдадут управление Добжинской землей в руки представителей короля Богемии. Последовавшие затем события подтолкнули тевтонцев к скорейшему завершению переговоров. После того как поляки 6 октября овладели Быдгощем уже 8 октября 1409 года сторонами были подписаны условия перемирия сроком до захода солнца 24 июня 1410 года дня святого Иоанна Крестителя (8).

Насколько велик был патриотический подъем польского населения к октябрю 1409 года, а также возмущение простых людей наглыми беспринципными действиями тевтонских за-

хватчиков и желание продолжать начатую войну, свидетельствует такой примечательный исторический факт. Коронной Радой решено было (после откровенно провальных военных действий конца лета – начала осени 1409 года, несмотря на то, что к концу сентября 1409 года были собраны под Быдгощем большие силы) согласиться на предложенное противником перемирие. Вполне очевидно, что это решение было принято Ягайло и королевским советом не столько из-за плохой подготовленности к войне, сколько по причине необычайно сильного давления западной дипломатии, отчаянно спасавшей своих орденских друзей. Идти против коалиции близких по духу, вере и политическим устремлениям центральноевропейских государств у Ягайло, естественно, не хватило духу, а Коронной Раде и ее импульсивным представителям – крупным польским магнатам – достало ума не совершать слишком опрометчивых эмоционально окрашенных поступков. Простой народ, не понимая происходящего, расценил действия власти как прямой сговор с ненавистным врагом. Узнав о мирной договоренности, жители Кракова подвергли членов королевского совета нелицеприятным укорам и даже прямым оскорблениям, обвинив в сговоре с противником, в предательстве интересов страны, так как «радные паны» преднамеренно довели дело до перемирия, не отвоевав у немцев назад Добжинскую землю. Ян Длугош, неуклюже оправдывая власть, говорит следующее по этому поводу: «*Принимая во внимание силы войска, которым предводительствовал король, заключение этого перемирия казалось постыдным, но оно отвечало обстоятельствам. Однако королевские советники не могли избежать тяжких оскорблений и брани от простого народа за то, что устроили это перемирие будто бы подкупленные золотом крестоносцев. Они склонились, однако, к умеренности не из страха и не в силу подкупа, а из осторожности, хотя некоторые и порицали их решение как трусливое и вызванное подкупом*» (9).

Несмотря на существенные территориальные потери, которые понесли поляки на первом этапе военной кампании из-

за своей нерасторопности, с одной стороны, и умелых действий тевтонцев – с другой, для Витовта, безусловно, в первую очередь важен был сам факт вступления Польши в войну. Как бы то ни было, но самое главное, что Ягайло все же начал этот тяжелый и очень опасный поединок с Орденом. Несмотря на огромный риск и непредсказуемость возможных последствий, война становилась не только популярной, но и желанной среди славян и литовцев. Справедливая освободительная война теперь неизбежно превращалась для всех в дело национальной чести, как никогда раньше настраивая людей исключительно на патриотический лад. Еще в июне 1409 года разведчики Ордена сообщали великому магистру, что Витовт твердо решил воевать с крестоносцами. И уже к концу лета, когда, в связи с разрывом мирных отношений Ордена с Польшей и нападением Ульриха фон Юнгингена на Добжинскую землю, обстановка совершенно прояснилась, великий князь Литвы и Руси высказал напрямую магистру все, что он думал о нем и его государстве. Витовт стянул к границам большие силы и совместно с жемайтами ударил по рыцарским замкам Самогитии, внося хаос и смятение в действия запаниковавших крестоносцев. Воинские гарнизоны врага спешно покидали хорошо укрепленные крепости и в ужасе бежали назад домой в Пруссию и Ливонию.

В августе 1409 года, во время начавшейся тевтонской агрессии, в надежде найти, если не материальную, то хотя бы моральную поддержку на Западе, Витовт и Ягайло обратились с письмами к монархам Европы с жалобами на несправедливые захватнические действия Ордена, который толкает их к войне. Далеко не глупые правители Польши и Великого княжества в достаточно полной мере сознавали свою оторванность от кланово-династической и религиозной политики европейских правящих домов. В гораздо большей степени это относилось к Витовту и его государству, хотя в известной мере существенную дистанцию Запад соблюдал и в отношении католической Польши. И Витовт, и Ягайло понимали, что от-

крыто их сторону никогда не примет ни один мало-мальски уважающий себя представитель западной элиты даже в том случае, когда действия великого магистра будут откровенно захватническими. Хотя для главы Священной Римской империи германской нации, всех его вассалов, а также суверенных королей Западной Европы и папы интересы Тевтонского ордена были несоизмеримо выше ущемленного самолюбия восточных монархов, тем не менее, Ягайло и Витовт надеялись максимально обезопасить себя. Логичными доводами и подробными разъяснениями они пытались внести ясность, открыть глаза Западу на действия крестоносцев и снять с себя все обвинения в развязывании большой войны, по сути, плохо понимая, что против Польского королевства и Великого княжества уже давно зреет масштабный сговор западноевропейской политической элиты. Как бы то ни было, но своими эмоциональными посланиями, обращенными ко всем сочувствующим их безвыходному положению, братья в итоге значительно уменьшили приток добровольцев под орденские знамена. Даже относясь к Длугошу с максимальной степенью критичности, нельзя не признать его огромные заслуги перед историей. Мы должны быть благодарны этому человеку уже только за то, что он оставил потомкам много редких древних культурных памятников. Благодаря включению в «Историю Польши» огромного количества первоисточников он сохранил для нас ряд ценнейших документов, которые могли быть навсегда потеряны для науки. У Длугоша мы находим текст такого письма Ягайло. Польский король с нескрываемым возмущением пишет: «*...Ибо одно только радует крестоносцев на этом пути – любой захват чужих земель так или иначе. Отсюда мы приходим к правдоподобному выводу: если они будут обращаться с другими государями столь же неправедно, как они теперь поступают с нами, то, наверное, с трудом кто-нибудь сможет это выдержать. И без сомнения, если их с божьей помощью не обуздать, то в дальнейшем они все государства и владения подчинят таким образом своему владычеству. И чем*

больше кто-нибудь из любви к миру и во имя добродетели будет унижаться перед ними, тем более они, презрев такое смирение, станут надменно попирать таких людей ногами...». И далее с нарастающим негодованием взывает польский король к попранной справедливости и поруганному Орденом международному правопорядку, объясняя всем государям Европы, что имеет теперь полное моральное право на объявление войны крестоносцам: *«...При этом, помимо множества других оскорблений, нанесенных нам, они дерзко захватили наши замки, именно Дрезденко и Санток, вместе с некоторыми землями, принадлежащими нам и брату нашему Яну, князю Мазовии, и с иными нашими статьями дохода, пренебрегши всяким правом и правилами справедливости. Мы перенесли такие оскорбления с великим терпением, будучи крепко связаны и скованы путами договора, который, как мы поняли, был для нас тяжелее всякой войны...»* (10).

Орденский капитул во главе с магистром, видя дальнейшее сближение руководителей Польши и Литвы, попытался снова вбить между ними клин. На этот раз успешно использовался Вацлав IV, взявший на себя обязанности третейского судьи. Чешский король действовал исключительно в интересах крестоносцев, от которых надеялся получить приличную сумму вознаграждения в случае решения вопроса по Добжинской земле в пользу Ордена. Под давлением Вацлава IV 8 октября 1409 года Ягайло вынужден был уступить. Король Польши согласился на предложение о временном прекращении боевых действий не столько из-за угрозы войны с Чехией, сколько из-за невозможности Витовта выполнить взятые на себя обязательства. Немного раньше великий князь прислал к Ягайло своего *нотария* Якова Глиняного из Люблина с тайным известием о том, что в данное время войска Великого княжества не могут прийти на помощь Ягайло. Витовт настоятельно советовал польскому королю заключить мирное соглашение с крестоносцами до лета 1410 года. Вот как рассказывает нам об этом историческом факте Ян Длугош: *«Князь просит и умоля-*

ет не гневаться на него за это (что не может прийти на помощь) и советует заключить (Ягайло) перемирие с врагами до будущего лета, чтобы он (князь), распорядившись тем временем обо всем для войны, мог прибыть к королю на помощь с большой силой, а также лучше снабженный и подготовленный в отношении воинского снаряжения» (11).

Великий магистр, стремясь разделаться с опасными противниками поодиночке, желая разорвать складывающийся военный союз Польши и Великого княжества, расчетливо пошел на заведомо ложное обещание передать Польше Добжинскую землю в обмен на ее отказ от какой-либо поддержки жемайтов и их союзника Витовта. Все Занеманье, Жемайтию, польские земли Сантока и Дрезденка Орден вынуждал Ягайло признать владениями крестоносцев, так как согласно условиям, навязанным тевтонским перемирием через Вацлава Богемского, обе стороны оставались при тех владениях, которые имели к моменту его подписания. Польский король под тяжестью неблагоприятных обстоятельств, усиленным давлением Ульриха и Вацлава, согласился на унизительные условия перемирия. По существу, временный мир мало изменял реальную расстановку сил, он давал лишь равные возможности для обеих сторон использовать передышку с максимальной для себя эффективностью. Безусловно, мирная передышка была выгодна обеим сторонам конфликта, но в значительно большей степени она была на руку обширной, многолюдной и поэтому не слишком расторопной Польше. Закономерный, но трудно прогнозируемый непосредственными участниками ход событий предоставлял на этот раз именно полякам реальный шанс одержать долгожданную победу над Орденом. Только в тесном союзе с Великим княжеством Польша могла воплотить давнюю мечту – вернуть потерянные земли и выход к Балтийскому морю. Центральноевропейским изгоям выпал редкий случай наверстать бездарно упущенное время, и в относительно спокойной обстановке по-настоящему подготовиться к продолжению войны.

•

Так называемая посредническая помощь чешского короля, результатом которой явилось заключение хрупкого перемирия Ордена с Польшей, не давала главному инициатору разгоревшейся большой войны неугомонному Витовту никаких мирных гарантий. Наоборот, даже формальное соблюдение условий этого соглашения оставляло не только Жемайтию, но и все Великое княжество на растерзание Тевтонскому ордену и его многочисленным союзникам, усиленно искавшим дружбы могущественного государства рыцарей-монахов. Хотя сам Ягайло, королевский совет, польское общество в целом были кране недовольны достигнутыми временными соглашениями, однако все вынуждены были до лета терпеть узаконенный произвол, и, во избежание более страшных последствий, усиленно готовиться к продолжению войны. Все знали, что в условиях небывалой враждебности накопленной обществом за последние годы, о каком-либо мире рассуждать весьма проблематично, особенно при вызывающем поведении орденских руководителей, за спиной которых стояла почти вся Центральная и Западная Европа. Таким образом, главные ставки непримиримыми соперниками уже давно были сделаны исключительно только на лязг мечей, гром пушек и море крови, когда отказаться от применения силы стало практически невозможно, а сам отказ от ее применения мог грозить гибелью государственности. Прекрасно понимая, что война становится неизбежной, главы трех государств в экстренном порядке предприняли отчаянные усилия для того, чтобы успеть за оставшееся время привлечь на свою сторону максимальное число союзников.

Еще не зная о заключенном перемирии между Польшей и Тевтонским орденом, Витовт тайно посылает своего брата, князя Сигизмунда, со значительным войском в прусские земли. Литовцы совершают набег, разоряют приграничные земли крестоносцев. «*Сигизмунд опустошает и сжигает также города Дзядлов, Тамов и Неверке и уводит в Литву большое число людей обоего пола*», – пишет Длугош (12). Однако в марте следующего года, собрав большие силы, тевтонцы ответили

еще более мощным выпадом. Витовт после возвращения из Венгрии, где он добился негласного подтверждения невмешательства Сигизмунда в войну на стороне Ордена, разослал приказ всем землям Великого княжества готовить ополчения для большого похода в Пруссию. Тевтонцы ударили по Великому княжеству как раз в тот момент, когда великий князь, проведя военное совещание в Бресте, направился в Слоним. Именно в это время немецкими рыцарями была совершена тонко просчитанная масштабная вылазка в самом неожиданном, безлюдном и плохо защищенном месте границы, расположенном *«между Гродно и Бельском, через местечки Жебно, Стоки, Яскер и реку Нетупу»* (13). Нападавшие крестоносцы соблюдали при этом чрезвычайную секретность и повышенную осторожность. Руководил действиями тевтонцев сам великий маршал. Главная цель стремительного броска Фридриха фон Валленрода – захват в плен Витовта, который должен был, по сведениям орденской разведки, возвращаться из Венгрии в Брест, а затем в Слоним. Уничтожив заградительный заслон сторожевых пограничных отрядов, крестоносцы 16 марта 1410 года врываются в Волковыск, и, несмотря на большой религиозный праздник, отмечавшийся в этот день православными жителями города, разграбили и сожгли многие дома и церкви, а всех захваченных людей увели в плен. Нападение крестоносцев на Великое княжество было столь молниеносным и дерзким, что едва не закончилось пленением самого Витовта и его жены Анны. После разграбления Волковыска Валленрод ускоренным маршем двинулся к Слониму, но, получив известие о приближении рыцарей, которые находились всего в семи верстах от Слонима, Витовт быстро ушел в малонаселенные, труднопроходимые земли белорусских болот, в заброшенное убежище около Здитова, где и отсиделся некоторое время в относительной безопасности. Уже почти дойдя до Слонима, но, проанализировав донесения лазутчиков о том, что Витовт совершенно исчез из их поля зрения, и, что наблюдается повышенная активность на пограничных землях, Валлен-

род повернул назад. Зная военное мастерство великого князя, опасаясь самому стать добычей ловкого охотника и попасть в его ловушку, великий маршал решил напрасно не рисковать. В тех глухих местах, где проходила армия крестоносцев, как нам рассказывает Длугош, остались на долгие годы настоящие дороги, протоптанные тысячами ног жестоких завоевателей. Попытка пленения великого князя Литвы и Руси тевтонцам к счастью не удалась, хотя они и были невероятно близки к осуществлению своей цели. Уже в мае Ульрих фон Юнгинген предложил Витовту, как и Ягайло, перемирие сроком до 24 июня. Великий магистр желал завершить подготовку к войне в спокойной обстановке без непредвиденных осложнений и всякого рода «сюрпризов» со стороны Великого княжества Литовского и Русского, а также в тайной надежде, что предполагаемые союзники вскоре перессорятся.

Орденское руководство под впечатлением бурных событий в Жемайтии пребывало некоторое время в шоке, однако полностью отойти от него и навести там порядок так и не успело из-за начала боевых действий против Польши. Кардинальным образом изменить что-либо в слишком болезненном для крестоносцев самогитском вопросе Ульрих пока не был в состоянии, вначале он не смог высвободить достаточное количество войск из-за войны с поляками, а затем из-за длительного перемирия приступить к боевым действиям на территории Жемайтии. Вскоре прежняя растерянность переросла в ярость. Великий магистр находился в бешенстве отъемом такого лакомого куска, как Самогития, которая была важна крестоносцам в первую очередь, с точки зрения своего стратегического местоположения, позволяя объединить владения Ливонского ордена с землями Тевтонского в единое целое.

Жемайтия была практически вырвана из рук тевтонцев, к тому времени уже достаточно цепко сжимавших в своих железных объятиях независимость и свободу непокорных самогитов. Право самим распоряжаться своей судьбой, еще не окончательно попранное жестокими чужеземцами, жемайты

сумели отстоять с оружием в руках. Всю свою ярость от утраты Жемайтии тевтонцы обрушили на несговорчивую Польшу, обещавшую свою помощь Великому княжеству против Ордена в случае войны, за что она и поплатилась потерей Добжинской земли и ряда приграничных городов. Но, почувствовав нарастающее военное давление двоюродных братьев так некстати для крестоносцев объединивших свои усилия, великий магистр предпочел заключить с ними перемирие, чтобы немедленно вызвать из Западной Европы рыцарство, а также нанять как можно большее количество наемников.

Орденский капитул, затаив злобу на литовского князя, не желал вступать с ним в контакт, и упорно не шел ни на какие переговоры с Витовтом. Крестоносцами вынашивались планы физического устранения строптивого политика, одна из попыток о которой мы уже говорили выше, была осуществлена великим маршалом Фридрихом фон Валленродом. Ульрих фон Юнгинген надеялся сначала полностью изолировать Великое княжество Литовское и Русское, лишить его помощи извне, а затем, заручившись нейтралитетом Польши, обрушиться на Витовта всей военной мощью Ордена и его многочисленных друзей. Великий магистр думал запугать Ягайло тем, что в случае обострения отношений и поддержки поляками Витовта королю придется воевать не только с тевтонцами, но одновременно со всеми союзными Ордену западными государствами.

Покончив с княжеством Литовским и Русским, великому магистру, возможно, уже в недалеком будущем необходимо будет учитывать мнение и некоторых других заинтересованных политических игроков, например зятя Витовта Московского великого князя Василия Дмитриевича. Но пока что Ульриху не было необходимости налаживать связи с такими дальними и опасными восточными соседями, как московиты, тридцать лет назад сумевшими разгромить огромное войско друга генуэзцев Мамая. По мнению главы тевтонцев, общение с православными схизматиками унижало высокое достоинство людей, почитающих истинную веру.

Великий магистр рассчитывал в скором времени не только вернуть Самогитию, но заодно, что называется «под шумок», в виде компенсации за понесенные военные издержки, попытаться присвоить и другие земли. Обширные славянские территории были слишком доступны и как будто специально разбросаны вдоль тевтонских границ для удовлетворения безграничных амбиций жаждущих славы и добычи братьев Ордена. Однако явной ошибкой Ульриха было то, что он не воспользовался временной изоляцией Витовта и не напал до лета 1410 года на Великое княжество. Возможно, самоуверенный магистр слишком понадеялся на помощь друзей и благоприятное для Ордена разрешение всех спорных вопросов королем Вацлавом. Возможно, однако, и то, что Юнгинген ощущал недостаточно хорошую, по его мнению, подготовку вооруженных сил Тевтонского ордена к большой войне сразу на два фронта и главную ставку сделал на разжигание в Литве внутригосударственного конфликта.

В это время великий магистр подписал с князем Свидригайло тайный договор, обещая ему военную помощь крестоносцев в борьбе за великокняжеский престол. Развал союза между Польшей и Великим княжеством мог быть осуществлен старым испытанным методом тевтонцев благодаря искусно разожженной междоусобной династической борьбе между Витовтом и Свидригайло Ольгердовичем, родным братом Ягайло, давним ставленником Ордена и прямым претендентом на литовский трон. Однако хорошо подготовленный заговор неожиданно провалился. Он был случайно раскрыт людьми Витовта, перехватившими тайную охранную грамоту, посланную орденским руководством для Свидригайло. Свидригайло арестовали, но не казнили, как того требовал разгневанный князь Витовт. Ягайло оставил заговорщика в заточении как противовес к излишней самостоятельности Витовта, чтобы в будущем использовать кандидата на литовский трон в собственных интересах. Упущенная Ульрихом возможность разделаться поодиночке со своими врагами, как и впустую потра-

ченное на все эти безрезультатные дела время, в итоге, как мы знаем, обошлась Тевтонскому ордену слишком дорого.

Для того чтобы эффективно претворять в жизнь грандиозные планы на востоке, руководству Ордена приходилось щедро задабривать своих западных друзей и соседей. В 1409 году с целью установления гарантированного и прочного мира с Кальмарским союзом Скандинавии (14) Тевтонский орден практически за бесценок продал, можно сказать подарил, стратегически очень важный остров Готланд (15) датской королеве Маргарет (16). Такие действия тевтонцев, на фоне принятия Литвой христианства и получения польским королем в 1403 году буллы папы Бонифация IX о запрете крестовых походов Тевтонского ордена на территорию Великого княжества, были призваны в какой-то степени оправдать в глазах западноевропейской политической элиты существование военно-монашеского ордена.

Функционирование отживающего свой век военизированного духовно-рыцарского государства становилось с каждым годом все более опасным для соседей Ордена. Куда и кому он должен был нести *«свет истинной веры»* становилось непонятно. Прикрываясь высокими словами, Орден пытался сохранить поддержку западных монархов путем тонких дипломатических игр, умелого политического заигрывания и даже прямого беззастенчивого подкупа, а это, надо честно признать, ему всегда неплохо удавалось. И все же, несмотря на слишком реальную угрозу в любой момент подвергнуться нападению крестоносцев, Витовт добился для себя и Великого княжества самого главного – полной уверенности участия в будущей войне сильной Польши, а небольшая временная передышка, неожиданно предложенная крестоносцами, ему тем более не помешала.

Вступление в войну Польши, которая обладала серьезным военным потенциалом и большими людскими ресурсами, могла выставить тяжеловооруженную рыцарскую кавалерию в количестве вполне достаточном, чтобы на равных противостоять мощи крестоносцев, в корне меняло всю стратегическую си-

туацию в регионе. С другой стороны, польский король не в меньшей степени был заинтересован в дружбе и тесном союзе с Витовтом. Ягайло именно теперь имел все шансы покончить с могуществом агрессивного соседа, тем более что ему необходимо было оправдывать взятые на себя обязательства о возвращении Польше всех исторических земель, отнятых у нее тевтонцами, которые он дал шляхте 23 года назад при вступлении на королевский трон.

Уже в ноябре 1409 года, спустя буквально месяц после подписания перемирия с Орденом, Витовт и Ягайло встречаются в Бресте, где подробно обсуждают ход будущей войны. На тайном совещании, длившемся по расчетам польского историка С.Кучинского (17) необычайно долго, восемь или девять дней, что говорит о серьезности задуманного братьями мероприятия, был принят детальный план летней военной кампании. Теперь уже неизвестно, чьи идеи и мысли легли в основу этого грандиозного плана, скорее всего коллективные, однако самые важные из них, без всякого сомнения, принадлежали авторству литовского правителя, человеку более решительному и раскрепощенному, так как были весьма нестандартными для привычной оборонительной стратегии Польши.

На этот раз союзники планировали проводить все боевые операции только в наступательном духе, а сами военные действия вести исключительно на территории Тевтонского ордена. На секретном совещании кроме Ягайло и Витовта присутствовали лишь подканцлер Миколай Тромба от Польши, а от Великого княжества хан Джелал-эд-Дин, сын Тохтамыша (18). Татарин, повторяя судьбу отца, прибыл поддержать Витовта со значительным войском в надежде на помощь могущественного литовца в возвращении трона. Джелал-эд-Дин потерял власть в Золотой Орде (19) в 1407 году во время борьбы с Булат-ханом, сыном Тимир-Кутлуя (20). Забегая вперед, скажем, что Витовту удалось, хотя и со значительным опозданием, отомстить Тимир-Кутлую за Ворсклу, сбросив его сына с золотоордынского престола в 1411 году и возведя на вершину власти

Джелал-эд-Дина, правда, ненадолго. Но свергнутый Витовтом хан носил имя Тимура, а не Булат-хана, так как первый в ожесточенной борьбе за власть успел убить второго, являвшегося ему братом, и сам на короткое время занял почетное место хана Золотой Орды. Шло постепенное угасание некогда могущественной монгольской державы. Осталось всего десять лет до раскола Золотой Орды на Западную и Восточную части и лишь семьдесят до распада на мелкие осколки региональных орд, таких как Ногайская Орда, Крымское ханство, Казанское ханство, Астраханское ханство, Сибирское ханство, Касимовское царство.

Теперь настало время по-настоящему серьезно задуматься над таким немаловажным историческим фактом, как присутствие вначале на секретном совещании, где были только первые люди союзных государств, а затем и на поле боя при Грюнвальде хана Золотой Орды, недавно потерявшего свой трон. Джелал-эд-Дин в ходе летней кампании союзной армии 1410 года на Мариенбург со своим войском всегда останавливался на ночлег отдельным военным лагерем, что, безусловно, только еще раз подтверждало наличие у него большого количества воинов, представлявших собой не просто реальную, но очень значительную военную силу. Насколько существенным мог быть вклад Джелал-эд-Дина в победу славян и литовцев над немецким орденом? Несомненно, бесспорным является лишь одно, роль и значение татаро-монгольских сил, участвовавших в Великой войне 1409-1411 годов, до сих пор плохо изучено и недостаточно оценено. Несмотря на то, что с собой в Литву Джелал-эд-Дин мог привести только часть огромной армии татар, состоявшую из наиболее преданных и надежных воинов, то все равно ее численность не могла быть менее 2-3 туменов, или 20-30 тысяч отборных всадников. Данное предположение закономерно вытекает из того факта, что хан прибыл не просто укрыться от своих врагов на территории Великого княжества, а надеялся возвратить трон с помощью Витовта, а для этого он сам должен быть достаточно силен, чтобы заинтересо-

вать князя. По меркам властителей Золотой Орды такие альянсы в последнее время являлись делом привычным и вполне обыденным. Если принять во внимание подобное предположение, которое, кстати, подтверждается первоисточниками, то становиться вполне понятным исход сражения на зеленых холмах Грюнфельда-Танненберга-Людвигсдорфа. Хотя точное количество войск монгольского хана сегодня нам с достоверностью неизвестно, но такой авторитетный российский историк, как профессор Д.И.Иловайский, опираясь на татарский средневековый эпос, сведения русских летописцев и другие документы, указывает цифру именно в 30 тысяч человек. Он говорит: «*...количество соединенного польско-литовско-русского войска исчисляется свыше полутораста тысяч человек; в том числе у Витовта было до 30 000 легкой татарской конницы, предводимой его союзником султаном Саладином, одним из сыновей Тохтамыша*» (21). Участие в битве с тевтонцами такого большого количества татар заранее предрешило ее в пользу славян. Иловайский ошибочно причислял всех татар, составлявших войско Джелал-эд-Дина, к легкой кавалерии. Однако, как теперь уже хорошо известно, легкая конница составляла лишь незначительную часть регулярного татаро-монгольского войска, относившуюся к передовым частям застрельщиков, маневренные сотни которых открывали битву и заманивали врага в засады. Основная ударная сила монгольского войска, как и любого другого средневекового конного войска, представляла собой тяжеловооруженных всадников, они, имея великолепное защитное вооружение, определяли окончательный исход сражения. Кроме Джелал-эд-Дина при Грюнвальде на стороне армии Витовта принимал участие еще один хан, вернее полководец и должностное лицо эмир Багар-эд-Дин (22), который руководил отрядом в 3 тысячи легкой кавалерии, составившим 3 татарских хоругви литовских войск. Эти хоругви были набраны из татар, ранее насильственно захваченных великими князьями в Орде, а также добровольно перешедших на службу литовцам в течение продолжительного времени (почти

целого столетия). Они были расселенны Витовтом и его предшественниками по всей территории княжества в окрестностях Трок, Минска, Лиды, Узды (23) и многих других местах.

Однако вернемся назад к событиям, связанным с миротворческой деятельностью Вацлава. Участие третьей стороны в урегулировании военного конфликта давало определенную, хотя и весьма слабую надежду на мирное развитие событий. Приемлемые для обеих сторон условия вечного мира независимый третейский арбитр король Богемии Вацлав должен был выработать и предложить до наступления Пасхи, не позднее воскресенья первой недели Великого поста, т.е. 8 февраля 1410 года. Это позволяло сторонам провести новые переговоры и консультации во временных рамках действующего перемирия. Кульминационный момент драматических событий наступил накануне Пасхи, когда Ягайло и Ульрих фон Юнгинген пытались склонить каждый в свою сторону Вацлава, известного своей непостоянностью. В итоге победили не аргументы Польши, а деньги Ордена. Литовскую делегацию вообще изгнали с переговоров, а письма Витовта с жалобами на действия Ордена чешским королем были отвергнуты и демонстративно уничтожены на виду представителей всех собравшихся дипломатических миссий. Однако надо отдать должное великому магистру, несмотря на дружеские отношения с западными монархами и королем Богемии в том числе, он не уповал только на личные связи и деньги Ордена. Заранее рассчитывать на бесспорную победу только на основании власти денег и политический вес орденского государства в столь щекотливой ситуации было не только довольно сложно, но и глупо. Для однозначного решения вопроса в пользу Тевтонского ордена необходимы были если не веские аргументы, которых, собственно говоря, взять немцам было неоткуда, то хотя бы яркие, броские, чисто внешние лозунги и правдоподобные заявления. Ульрих благоразумно приказал подготовить *краткую историю крестового похода против самогитов* (24) для разъяснения взаимоотношений Великого княжества, Польши и Ордена.

В этом своеобразном *«документе»*, якобы подтверждающем законность требований крестоносцев по распоряжению землями Жемайтии, красочно рисовались реальные и мнимые пороки этнических литовцев, изменчивость и непостоянство их лидеров. В нем рассказывалось о том, что литовский князь постоянно нарушал свои обещания, сначала в 1386 году полякам, а затем и немцам – в 1398 году. В орденских бумагах говорилось, что жители Великого княжества, уже давно считавшиеся христианами, были на деле еретиками и схизматиками, исповедующими православие, а жемайты – законченными язычниками, которые за последние пять лет не крестили ни одного человека. По сути, Тевтонскому ордену уже давно принадлежит не только Самогития, но и сама коренная Литва со многими подвластными ей православными землями, поскольку, согласно имеющимся документам, еще великий князь Миндовг (25), первый и последний король на литовском троне, передал ее в распоряжение Ордена.

Но полагаться лишь на искусное перо и на то, что бумага все стерпит, было бы, тоже, по мнению Ульриха, слишком опрометчиво. Великий магистр направляет делегацию высших чинов Ордена к Сигизмунду Люксембургу (26), где подписывается в декабре 1409 года договор, согласно которому венгерскому королю выплачивают 40 тысяч гульденов в обмен на его помощь тевтонцам. Сигизмунд, в свою очередь, оказал гостям высокую честь, пригласив наиболее почетного из них выполнить обязанности крестного отца своей новорожденной дочери Елизаветы, а затем все были созваны на пышное застолье по такому радостному поводу. Из Венгрии делегация Ордена направилась в Чехию, где представила свои «весомые» аргументы Вацлаву IV. Послы Тевтонского ордена – великий госпитальер Вернер фон Теццинген и торнский комтур граф Альбрехт Шварцбург – привезли Вацлаву 60 тысяч флоринов *«компенсации за дружественное посредничество»* (27). Король Богемии всячески оттягивал официальное оглашение принятого решения, объявив его только 15, а не 8 февраля 1410 года, т.е. на целую неделю позже установленного срока, по всей

видимости, надеясь на еще более щедрое подношение теперь уже со стороны Польши.

Нисколько не сомневаясь в справедливости своего «независимого» королевского суда Вацлав безапелляционно заявил о следующем решении: **«status quo ante bellum»** (28), или возвращение к довоенному состоянию. Полякам предписывалось воздержаться от какой-либо помощи «*нехристианам*» Жемайтии, Великое княжество вообще не упоминались в принятом королем Чехии решении. Еще в самом начале, когда только приступили к оглашению данного постановления, делегация польского короля и мазовецкого князя покинула зал заседания в знак протеста против того, что документ провозглашался исключительно на немецком языке. Длугош рассказывает: «*Поляки сразу поняли, в чьих интересах принято решение. И вот, после призыва соблюдать тишину, причем король Венцеслав, стоя, занялся вырезыванием какой-то деревяшки, нотарий, взойдя на возвышение, начал объявлять решение по-немецки. Лишь только он начал чтение, как посланники Владислава, короля польского, и князей Литвы и Мазовии, не испросив никакого разрешения, стали уходить из палаты, хотя некоторые из них так же хорошо понимали по-немецки, как и умели говорить на нем. Венцеслав, король римлян и Чехии, спросил их, почему они уходят, и получил ответ: «Потому, что здесь чтение происходит по-немецки, мы же – поляки и не понимаем немецкого языка и уходим отсюда в другое место, чтобы услышать чтение на польском языке». На его предложение подождать немного, чтобы спокойно выслушать то же объявление на чешском языке, они сказали: «А мы и чешского не знаем». Тогда король Венцеслав заметил: «Оба языка звучат одинаково, и кто говорит на одном, понимает и другой». – «Но, светлейший король, – возразили они, – при одинаковом звучании они не имеют одинакового значения, ибо где чешский язык словом syedlak означает земледельца и селянина, по-польски под этим словом понимают мастера-седельника и ремесленника». Дав этот остроумный и полный насмешки ответ коро-*

лю Венцеславу, они удалились из палаты и не пожелали слушать объявление решения на каком бы то ни было языке, будучи уверены в его незаконности и несправедливости. Однако Венцеслав, король римлян и Чехии, переслал решение королевским и княжеским послам за своею печатью. Оно, между прочим, содержало две смехотворные статьи, ибо сам король римлян Венцеслав, или, вернее Йодок, маркграф моравский, определял, что земля Добжинская, занятая крестоносцами, подлежит со всеми замками и владениями передаче в его же (Венцеслава) руки; а он, имея ее в своем владении, должен в течение года обдумать и, обдумав, решить, кому должно принадлежать право владения этой землей. Так же смехотворна была статья о том, что Польское королевство больше никогда впредь не должно избирать себе короля из Литвы или из восточных стран, но лишь одного из западных государей. Из этого одного ясно обнаруживается опрометчивость и несправедливость решения, так как оно распространялось на предмет, чуждый спору и вовсе не нужный» (29).

Получив подтверждение своих прав на Западную Пруссию и Новую Марку, Орден ликовал, однако время, отпущенное на его безмерную радость, было коротким. Тевтонский орден одержал полную победу, настолько полную, что, по существу, она ничего ему не давала, так как убедить Ягайло принять условия такого «*беспристрастного*» арбитража было просто невозможно. Еще целый месяц польские дипломаты находились в Праге, тщетно пытаясь убедить Вацлава пересмотреть свое решение, пока тот не сорвался и не пригрозил Польше войной. Члены польской делегации покидали Чехию разочарованными. С разбитыми надеждами на справедливость, они уезжали на родину в полной уверенности неминуемой войны не только с Орденом, но уже теперь и с Чехией. Однако Ягайло знал Вацлава лучше и поэтому беспокоился значительно меньше своих не в меру расстроенных подданных.

Примечания:

1 – под Велунем битва носила ожесточенный характер и принесла полякам кроме унижения тяжелого поражения еще и большие людские потери.

2 – Самагития. Это латинизированная форма литовской Жемайтии, применявшаяся на Западе по отношению к землям расположенным в низовьях Немана. Самагиты – жители Самагитии или жемайты.

3 – войска Витовта без особых проблем овладели цитаделью Фреденбурга, в испуге крестоносцы оставили Дубису – замки, возведенные крестоносцами в большом количестве на территории Жемайтии, использовавшиеся ими как гнезда распространения своей власти и влияния на местное население.

4 – овладели крупным портовым городом Мемель. (Мемель – современная Клайпеда на территории Литвы). В 1252 году рыцари Ливонского ордена построили на земле куршей замок Мемельбург, а затем заложили (1252 – 1253) город.

5 – Балга и Бранденбург являлись крупными комтурствами на территории Пруссии. Они состояли из вышеназванных замков, являвшихся столицами своих округов, а также прилегающих к нему земель немецких колонистов, подвластных Ордену.

6 – Венцеслав, в описываемое время чешский король Вацлав IV (был отстранен в 1400 году от императорского престола) не являлся германским императором, однако, несмотря на это пользовался огромным влиянием в Священной Римской империи. Он продолжал считать себя императором, в чем находил поддержку у некоторых государей (например, Ягайло) и у одного из пап. В период так называемого великого раскола с 1378 по 1417 годы, в котором находилась римско-католическая церковь, пребывание двух иногда и трех пап на престоле было явлением, ставшим для многих привычным. Каждый из претендентов на папский престол выдвигался различными государями Европы, составлявшими в дальнейшем опору его престола и пользовавшимися взамен покровительством папы.

7 – Ленчица, город в Польше, входит в Лодзинское воеводство, Ленчицкий повят. Название этого старинного города происходит от древнего племени ленчан, которое еще в прошлом тысячелетии основало поселение на реке Бзуре. Однако здешние места оказались неспокойными, город жгли то литовцы, то крестоносцы. Местным жителям, спасаясь от врагов, приходилось уходить в болота, пока Казимир

Великий не построил тут укрепленный замок, окруженный мощными стенами и рвом. В этом замке собирались великопольские воины перед Грюнвальдской битвой, здесь Ягайло объявил войну крестоносцам. А когда рыцарей разбили, то в замке держали их предводителей.

8 – дня святого Иоанна Крестителя . 24 июня – Рождество св. Иоанна Крестителя

Праздник, популярный у всех католиков, отмечается в день рождества св. Иоанна Крестителя. Иоанн Креститель (Иоанн Предтеча), в христианстве предвозвестник прихода мессии, имеет прозвище «Креститель» по обряду крещения, который он совершал в р. Иордан. Это день летнего солнцестояния, праздник, связанный с солнечным культом. Отличительная черта дня св. Иоанна (Сен-Жана, Сен-Хуана) – огни, костры, фейерверки, зажигаемые не только в деревнях, но и на площадях больших городов. Верующие ходят с факелами и на общие молебны в ближайшие часовни. Сен-хуанские костры служили средством очищения. Широко известен обычай прыгать через костры. Особую силу приписывают воде и растениям, собранным в день св. Иоанна и в ночь перед ним. Празднование дня св. Иоанна продолжается несколько дней вплоть до дня Святого Петра и Павла (29 июня). Во Франции культ св. Иоанна распространен особенно широко: более тысячи церковных приходов считают его своим патроном.

Иоáнн Крести́тель, Иоáнн Предтéча или «совершающий ритуальное очищение водой»; сын Захарии; вполне историческое лицо жил приблизительно с 6 – 2 года до н.э. по 30 год н.э. Согласно Евангелиям ближайший предшественник Иисуса Христа, предсказавший пришествие Мессии. Жил в пустыне аскетом, затем проповедовал крещение покаяния для иудеев, крестил в водах Иордана Иисуса Христа, затем был обезглавлен из-за козней иудейской царевны Иродиады и её дочери Саломеи. Историчность Иоанна Крестителя не отрицалась даже атеистическими советскими учёными. В христианских представлениях является последним в ряду пророков – предвозвестников прихода мессии.

9 – Ян Длугош. Грюнвальдская битва, СПб, «Наука», 2007, с.52.

10 – Там же, с.53-55.

11 –Там же, с.51.

12 –Там же, с.55.

13 –Там же, с.56.

14 – с целью установления гарантированного и прочного мира с Кальмарским союзом Скандинавии. Кальмарский союз трех скан-

динавских стран Дании, Швеции и Норвегии был создан благлдаря стараниям королевы Маргарет. Официальным годом унии считается 1397 год, когда в Кальмаре в качестве общескандинавского короля был коронован внучатый племянник Маргарет Эрик Померанский.

15 – <u>остров Готланд</u> находиться в Балтийском море на пересечении важных торговых путей с Запада на Восток и с Севера на Юг между берегами Кальмарского союза скандинавских стран (Дании, Швеции и Норвегии) и Тевтонского ордена (Пруссии и Ливонии).

16 – <u>датской королеве Маргарет</u>. Маргарита Датская (1353-1412) – королева Дании с 1387 по 1396 годы, регент Норвегии с 1388 по 1389 годы, королева Швеции с 1389 по 1396 годы. Умный, взвешенный, дальновидный, решительный политик и государственный деятель, дочь датского короля Вальдемара IV Аттердага, жена норвежского короля Хокона VI. Обладала большим авторитетом в странах Скандинавии. Маргарет в 1376г. добилась избрания на датский престол своего несовершеннолетнего сына Олафа, который в 1380 г. после смерти Хокона VI унаследовал престол Норвегии. Маргарет правила Данией и Норвегией от имени Олафа в качестве регентши, а после его смерти в 1387 году стала королевой этих государств. Вскоре Маргарет признали своей королевой и шведы, произошло это в 1389 году. Эта деятельная женщина смогла воплотить в жизнь многовековую идею скандинавского единения: она добилась в июне 1397 г. возведения на престол Дании, Швеции и Норвегии в качестве общескандинавского короля своего внучатого племянника Эрика Померанского. Фактически до конца своей жизни Маргарет правила странами Кальмарского союза.

17 – <u>S.Kuczynski.</u> Wielka wojna z Zakonem Krzyzackim. Wyd. nowe, Warszawa, 1960, с.249.

18 – <u>хан Джелал-эд-Дин, сын Тохтамыша</u>. Джелал-эд-Дин – хан Золотой Орды (1412 – 1413), один из самых влиятельных сыновей Тохтамыша. В русских летописях он известен под именем *Зелени-Салтана Тохматышевича.* После фактического захвата власти в Орде темником Эдигеем сыновья Тохтамыша нашли приют в Москве при дворе великого князя Василия Дмитриевича. В их числе был и царевич Джелал-эд-Дин. После опустошительного набега Эдигея на русские земли Василий I стал готовиться к отпору, желая использовать сыновей Тохтамыша, и в первую очередь Джелал-эд-Дина, в качестве инструментов борьбы с Эдигеем и правителем Золотой Орды Пулад-ханом (Булат-Салтан в русских летописях). Требования Эди-

гея выдать ему сыновей Тохтамыша великий князь Московский демонстративно игнорировал, но решительных мер для оказания действенной военной помощи своим ставленникам так и не предпринял. Вскоре Джелал-эд-Дин с братьями выехал в поисках реальной силовой поддержки в Литву к великому князю Витовту, который, тут же не скупясь, пообещал ему всестороннюю помощь в обмен на содействие татар в осуществлении его собственных планов. Витовт поселил Джелал-эд-Дина с другими царевичами в Троках. Джелал-эд-Дин для того чтобы закрепить долговременный военный союз с сильным Великим княжеством Литовским и Русским принял на стороне Витовта активное участие в знаменитой Грюнвальдской битве. В это время в Орде скончался Пулад-хан, и на престол взошёл Тимур-хан (сын Темир-Кутлуя). Однако, молодой хан, возведенный Эдигеем на золотоордынский трон, вскоре отплатил ему черной неблагодарностью. Тимур-хан, не желая ни с кем делить власть, сумел поднять значительную часть ордынской кочевой знати на борьбу с всесильным темником. Джелал-эд-Дин неожиданно для своих давних врагов, всецело поглощенных борьбой друг с другом, очень своевременно вмешивается в бурные события, происходившие на степных просторах Золотой Орды. В самом начале этой новой кровавой бойни за единоличную власть в 1411 году Джелал-эд-Дин вместе с отрядами родных братьев, своими преданными туменами и войсками Витовта вторгается в Золотую Орду и грабит ордынские улусы своих потенциальных противников. Не способный противостоять силам оппозиции, Эдигей в это время бежит в Хорезм, где идущие по пятам войска Тимур-хана, загоняют темника в ловушку и в течение полугода осаждают его, желая взять измором. В этих чрезвычайно благоприятных для реставрации законной власти условиях, Джелал-эд-Дин захватил власть в Золотой Орде. Наследники Тохтамыша, пользуясь отсутствием в столице Тимур-хана, без лишней крови и черезмерной жестокости взяли бразды правления в свои руки. Видя коренным образом изменившуюся политическую ситуацию военачальник Тимур-хана Газан в том же 1412 году предал своего хана и, убив его, перешёл на сторону сильнейшего – Джелал ад-Дина. Желая навсегда покончить с Эдигеем, Джелал-эд-Дин послал своего лучшего полководца Каджулая-бахатура окончательно уничтожить войска темника. Несмотря на значительный перевес сил, Каджулай был разбит Эдигеем при помощи военной хитрости, с блеском осуществлённой старым, испытанным воякой. Каджулай

был убит, а победитель Эдигей снова вернулся в Хорезм. К большому сожалению, для великого князя Литвы и Руси его грандиозным планам по окончательному обузданию и смирению Золотой Орды так и не суждено было завершться положительно. Смелому, безрассудно отважному ставленнику Витовта в это смутное, слишком беспокойное время, недолго пришлось править Ордой. По летописным свидетельствам, Джелал-эд-Дин вскоре погиб в противостоянии с новым претенднгтом на верховную власть в улусе Джучи, он был зарублен в бою своим братом Керим-Бердеем.

19 – Золотая Орда.

Н. Веселовский. Из словаря Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона, 2000–2009, Библиотека «Вехи»

Золотая Орда

«Чингисхан перед смертью разделил свою обширную империю между своими сыновьями, причем на долю старшего сына, Джучи, отведены были самые отдаленные от Монголии земли. У монголов отцовский юрт наследовал младший сын, поэтому коренные монг. земли достались Тулую. Джучиев улус обнимал огромное пространство, еще не совсем завоеванное: Кипчацкую степь от верховьев Сырдарьи, Хорезм (Хива), часть Кавказа, Крым и Россию (Северо-Восточную Русь – Н.В.В.). Джучи умер раньше этого раздела, что несколько отсрочило вторичное нашествие монголов на Россию (Северо-Восточную Русь – Н.В.В.).; удел же достался многочисленному потомству Джучиеву, во главе которого стал Батый. На курултае (сейме) (всеобщем съезде правящей элиты монгольской империи в Карокоруме – Н.В.В.) в Монголии в 1229 г. решено было послать 30-тысячную армию для завоевания стран к северу от Каспийского и Черного морей; но она почему-то не была отправлена, и только на курултае 1235 г. осуществилось это намерение. (Лучшие полководцы Чингисхана Субудэй и Джабэ еще раньше, задолго до всех этих событий с двумя отборными корпусами были посланы на разведку с целью прощупать силу северного врага. Видимо в результате именно упорной битвы на Калке в 1223 году монголы достаточно хорошо почувствовали силу русских конных тяжелых дружин и по этой причине более тщательно, чем обычно готовились к предстоящему большому походу на северо-запад – Н.В.В.). Начальство над армией поручили Батыю (внуку Чингисхана – Н.В.В.), к которому был приставен ноон Субугедай (Субудэй-багатур – Н.В.В.), участвовавший в первом нашествии монголов на Россию (на половецкие

степи, граничащие с южнорусскими княжествами – Н.В.В.). К 1240 г. Россия (вначале Северо-Восточная Русь, а затем и княжества Юго-Западной Руси – Н.В.В.) была покорена, а также Кавказ до Дербента; тогда Батый направился в Польшу, оттуда в Силезию, в Моравию, затем в Венгрию; всюду нанося поражения, а один его отряд проник в Трансильванию и опустошил эту страну. Повернул назад Батый только потому, что получил известие о смерти хана Угедэя. Смерть монг. хана всегда останавливала военные действия монголов, где бы они ни были, так как князья должны были спешить на курултай, для избрания нового хана. Позже Батый не делал попыток воевать на запад, а занялся устройством своей орды. По первоначальному плану Батыю предполагалось дать 30000 войска; нет основания думать, что это число было потом изменено в ту или другую сторону. (Автор данной статьи не учитывает того, что монголы при осуществлении масштабных военных кампаний привлекали к походу население всех покоренных народов, доводя армию вторжения до грандиозных масштабов – Н.В.В.). В это же войско входили и 4000 монголов с семьями, данных Чингисханом в каждый улус, в виде рассадника монг. элемента, главную же часть войска Батыя составляли татары – около 25000 душ, с семьями. Таким образом, господство у нас Чингизидов можно назвать игом монгольским, так как династия была монгольского происхождения, но можно назвать и татарским игом, потому что подавляющую массу завоевателей составляли татары; можно назвать и игом монголо-татарским.

Батый со своею ордою поселился в волжских степях, т. е. стал господствовать над Россией (России в то время не существовало как таковой, а были разрозненные удельные княжества самостоятельных земель Руси – Н.В.В.) издали, в подробности управления не вмешиваясь, а довольствуясь данью. Так обыкновенно поступали кочевники, порабощая оседлых. Это давало побежденным возможность, с течением времени, свергнуть иго победителей. Страна на первое время удерживалась в повиновении при помощи татарских разъездов, которые встречались европейским путешественникам, проезжавшим в Монголию через Россию (русские княжества – Н.В.В.). Батый выстроил на Волге столицу Сарай, при помощи мусульманских архитекторов. Брат Батыя, Орда-Ичен, получил в удел Киргизскую степь и имел свою резиденцию в г. Саганаке. Этот удел в наших летописях называется *Синей ордою*, а у мусульманских писателей – *Белой*. Орда-Ичен от себя дал младшему брату Шейбани, за

храбрость, обнаруженную во время похода на Русь, особый удел: от верховьев Яика (Урала) до низовьев Сыр-дарьи. Впоследствии Синяя орда подалась на север и дала начало сибирским ханам, из которых происходил известный Кучум. Большая орда на Волге получила название *З. орды.* Таким образом, явились 3 линии Джучидов. Для сбора дани посылались особые чиновники, называвшиеся *баскаками,* а когда требовался чрезвычайный сбор, наезжали специальные послы. Впоследствии русские князья добились права собирать дань и лично или через своих послов представлять ее ханам. От сбора освобождалось духовенство, на что выдавались ярлыки, называвшиеся *тарханными* (льготными). В числе влиятельных лиц в орде были темники (военачальники; тьма = 10000); они нередко играли там первую роль и возводили и низводили ханов по своему произволу. Батый умер в 1255 г.; ему наследовал сын Сартак, но умер он на пути из Монголии в свою орду. Монгольский хан Монкэ назначил преемником Сартака его сына Улагчи, а так как он был молод, то учреждено регентство, возложенное на старшую жену Батыя, Боракчину. Улагчи умер через несколько месяцев, и тогда ханское достоинство досталось Берге (Беркай) (хан Берке – Н.В.В.). Хан этот принял ислам, но не принуждал подданных следовать его примеру; при нем в Сарае, в 1261 г., открыта была русская епархия. До тех пор татары были шаманистами и отличались полным религиозным индифферентизмом. К принятию татарами ислама почва была давно подготовлена. В болгарском царстве на Волге исповедовался ислам; половцы, слившиеся с татарами, тоже в значительной степени были мусульмане; чиновники в канцеляриях, набиравшиеся из Хорезма, все принадлежали к мусульманам. При Беркае произведена на Руси перепись для более строгого обложения покоренных данью. По смерти Беркая влиятельным лицом в орде явился темник Ногай, внук Джучия, владевший степями в южн. России; по его имени подданные его стали называться ногаями. Ногай поддерживал то того, то другого претендента на ханский престол. В орде началась смута, что в наших летописях передавалось словом «замятня». Порядок водворился при хане Узбеке (1313-1342), царствование которого было самое блестящее. Он был женат на дочери византийского имп. Андроника младшего, вступил в родственный союз с египетским султаном, а сестру свою Кончаку выдал за Юрия Даниловича, дозволив ей принять христианство. Одна площадь в Каире получила название от этого хана — *Узбекийэ.* Время его ханствования отличалось стро-

гой расправой. Четыре князя тверские сложили свои головы в орде. Русские князья, отправляясь в орду, писали духовные завещания и отеческие наставления детям, на случай своей там погибели. После Узбека вступил на ханство сын его Джанибек, которого наши летописи называют «добрым». Жена хана, Тайдула, исцеленная от слепоты митроп. Алексеем, была постоянной заступницей за русских. Джанибек был удавлен своим сыном Бердибеком, в 1357 г.; при этом пали и другие родственники хана. Сам Бердибек царствовал только 2 года, а затем в орде начались смуты, ханы быстро сменяли один другого, так что наши летописцы не успевали схватывать имена их, и некоторые из ханов известны нам только по монетам. Виновником этих смут был всесильный темник Мамай, слава которого померкла на Куликовом поле, в 1380 г. Разбитый Дмитрием Донским, Мамай бежал в Кафу и был там убит, а власть в орде перешла к Тохтамышу, который, при поддержке Тамерлана, соединил под своей властью орды Синюю и З. В 1382 г. он разгромил Россию (сильно сказано, но неверно, так как Тохтамыш никого не громил, но подошел с большими силами к главному городу Северо-Восточной Руси и всех русских земель того времени – Москве, захватил и сжег ее, прдемонмтрировав тем самым свою поистине страшную силу, тут же заставив всех непокорных снова платить дань Орде. Одним единственным четко выверенным действием Тохтамыш в одночасье возвратил прежние монгольские порядки на всей огромной территории русского улуса Золотой Орды – Н.В.В.). В последовавшей затем борьбе с Тамерланом Тохтамыш был побежден, после чего Тамерлан разорил Астрахань, сжег Сарай, двинулся в Рязанскую землю, но от Москвы повернул назад, не причинив ей никакого вреда. Россия (земли и княжества Северо-Восточной Руси во главе с Московским – Н.В.В.) вошла в состав империи Тамерлана, который сам назначал ханов в орду; но ханы эти не имели своей партии в Сарае и не могли там долго держаться, тем более, что Тохтамыш и его сыновья начали производить смуту в орде. В это время там усилился темник Эдигей, который убил Тохтамыша, в 1407 г. Орда постепенно клонилась к упадку. Подданство русских князей обращалось в номинальное и выражалось подарками, время от времени посылавшимися ханам. Поднять упавшее значение орды задумал хан Ахмед, сын Кичи-Ахмеда, называемый в наших летописях Ахматом. Впервые он упоминается у нас под 1460 г., когда он подступил к Переяславлю-Рязанскому, но должен был отступить с позором. Это не помешало

ему заявлять самые дерзкие требования относительно дани. В 1480 г. Ахмед, заключив союз с польским королем Казимиром, двинул свою орду в Россию, думая напомнить ей времена Батыя. Но польский король не мог помочь хану, так как союзник Москвы, перекопский хан Менгли-Гирей, вторгся в Литовскую Подолию; Ахмеду пришлось действовать одному. Русское войско и татарская рать расположились друг против друга на противоположных берегах р. Угры, не решаясь на переправу. Когда река начала замерзать, Иоанн III решился отступить. В свою очередь и татарское войско стало отступать, так как Ахмед получил известие, что на беззащитный Сарай сделали нападение звенигородский воевода Василий Ноздреватый и крымский царевич Нур-Девлет. Ахмед бежал к Азову и там был убит сибирским ханом Ибаком (Ибрагим). З. орда пала. Сыновья Ахмеда удержались в Астрахани, образовав Астраханское царство, но они влачили уже жалкое существование. Это царство было завоевано Иоанном Грозным в 1554 г. Еще до падения З. орды образовалось Казанское царство, существовавшее до 1552 г. Гораздо дольше продержался другой отпрыск З. орды – ханство Крымское, где во времена Тохтамыша утвердилась династия Гиреев (см.). Это ханство пало в 1783 г.»

20 – Булат-хан и Тимир-Кутлуй (см. сноски посвященные событиям на реке Ворскле и борьбе за власть сына Тохтамыша хана Джелал-эд-Дина).

21 – Д.И.Иловайский. Собиратели Руси, М., 2004, с.228.

22 – Багар-эд-Дин, татарский эмир, постоянно проживавший на территории Великого княжества Литовского и Русского, который руководил войсками белорусских татар при Грюнвальде. Багар-эд-Дин в ходе сражении особо отличился своим воинским мастерством и храбрым нравом, в поединке он смертельно раненил великого магистра Тевтонского ордена Ульриха фон Юнгингена, тем самым татарин предрешил окончательное поражение крестоносцев в этой ожесточенной битве.

23 – татары на территории Великого княжества были расселены не только Витовтом в результате его успешных походов в Орду в 1387 и 1398 годах, но также его предшественниками великими князьями начиная с Миндовга. Много их было расселено при Витене, Гедимине и Ольгерде. Значительное число татар бежало на север в годы золотоордынской смуты, они просили убежища, и литовские князья им его щедро предоставляли и даже наделяли землей на условиях несения военной службы по защите рубежей новой родины.

24 – краткую историю крестового похода против самогитов т.н. «документ», носивший заказной скорее художественный, откровенно пасквильный, эмоционально-обличительный характер, чем отражал реальные события взаимоотношений жемайтов с тевтонцами.

25 – Миндовг, великий князь, умный, хитрый и дальновидный политик, создатель литовско-белорусского государства, принял католичество в обмен на королевскую корону. Благодаря умению лавировать в бурных водах европейской политики долгое время оставался на плаву, несмотря на свое непрочное, почти безнадежное, близкое к катастрофе положение между чрезвычайно сильными и воинственными врагами – Тевтонским орденом, Галицко-Волынской Русью, Польшей и Золотой Ордой. Погиб от руки Довмонта в результате государственного переворота, устроенного близкими родственниками, бесцеремонно рвавшимися к великокняжеской власти. Циничный заговор озлобленных племянников во многом удался из-за участия в нем храброго нальшанского князя, мсившего Миндовгу за насилие над своей горячо любимой женой.

26 – Сигизмунд Люксембург

П. Конский. Из словаря Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона, 2000 – 2009, Библиотека «Вехи»

«**Сигизмунд Люксембург** (1368—1437) – последний представитель Люксембургской династии, сын имп. Карла IV, который еще при жизни произвел раздел своих владений между своими тремя сыновьями: Венцеславу отдал немецкую корону, Богемию, Силезию, саксонские и баварские владения, С. – маркграфство бранденбургское, кроме Новой Марки, которую вместе с частью Лузации получил Иоанн (1377). С. получил превосходное образование, имел приятную наружность, увлекался турнирами; *«широкая душа»* – так называл его Эней Сильвий. Но он был нерешителен, коварен, непостоянен и легкомыслен. Хотя он женился на Марии, дочери Людовика Вел. и предполагаемой наследнице Польши и Венгрии, но польской короны не получил, а в Венгрии правление государством перешло в руки вдовы Людовика, Елизаветы. Вследствие появления другого претендента на венгерский престол Елизавета помирилась с С., которого Венцеслав назначил правителем Венгрии. В 1387 г., после того как партия Елизаветы была разбита, С. был признан королем Венгрии и короновался в Штульвейсенбурге. Но своею властью С. не мог пользоваться, так как был занят войною с турками. Ему удалось сделать свое имя популярным на короткое время благо-

даря крестовому походу против турок. На помощь С. выступили французы под предводительством маршала Бусико и немецкие рыцари с Фридрихом Гогенцоллерном во главе. Все это войско было уничтожено в битве при Никополе (28 сент. 1396 г.); С. едва спасся от смерти, но турки временно оставили Европу, и честь избавления от них была приписана С. В том же году С. был назначен наместником в Германии, так как Венцеслава, который вел себя, как «*свинья в хлеву*», не уважали и не боялись. После смерти Рупрехта (см.) кандидатом на германский престол выступил С. Партия С. располагала голосами двух курфюрстов, трирского и пфальцского. Сам С. считал за собою, как маркграфом Бранденбургским, еще бранденбургский голос. Пфальц и Трир избрали С., но Майнц и Кельн в соглашении с восточными курфюрстами провозгласили немецким королем двоюродного брата С., Иоста (1410). Венцеслав тоже считался императором. Скоро Иост умер, и 21 июля 1411 г. состоялись новые выборы; С. вошел в соглашение с Венцеславом, который отказался от короны, и единство верховной власти было восстановлено избранием С. Но он даже не приехал в свое новое королевство, так как был занят войною с Венецией, захватившею некоторые части венгерских владений. Война была неудачна. Заключив перемирие с Венецией, С. затеял поход в Италию, на Милан. Завоевать Милан ему не удалось, но ему подчинились города Верхней Италии, и он оставил там своего наместника. В 1414 г. С. был коронован в Аахене. Это было время великого раскола в римской церкви (см. соотв. статью). С. в союзе с неаполитанским королем Владиславом получил от папы Иоанна XXIII обещание созвать Вселенский собор в Германии, но 13 октября 1413 г. предупредил папу, опубликовав как *Rex Romanorum Semper Augustus* приглашение на Констанцский собор. Для обеспечения участия на соборе Англии и Франции он заключил договор с этими державами (с Англией С. был в союзе еще с 1411 г.). 5 ноября 1414 г. открылся Великий Констанцский собор (см.), куда 24 дек. прибыл и С. Ему очень важно было справиться с гуситским движением, а потому собор приступил к разбору дела Гуса. 18 октября Сигизмунд подписал охранную грамоту, где торжественно заявлял, что принимает магистра Гуса под защиту свою и Св. Римской империи и приказывает всем подданным обращаться с ним дружественно. Однако С. не спас Гуса (см.). После недружелюбных объяснений по поводу Гуса с папой С. ухватился за мысль, что слово, данное еретику, необязательно – и судьба Гуса была решена. Вообразив себя

главою Запада, С. отправился с благословения отцов собора восстановлять мир в церкви и между государствами, успешно вел переговоры с приверженцами папы Бенедикта IX и заключил в Нарбонне 13 дек. с уполномоченными правительств арагонского и шотландского конкордат, по которому Бенедикт низлагался. Поездка в Париж и Англию не привела ни к каким результатам. Вернувшись в Германию, С. занялся прекращением раздоров между князьями, но укрепить слабую королевскую власть ему не удалось. На соборе он требовал, чтобы преобразование церкви предшествовало избранию папы. Против него восстали кардиналы – итальянцы, французы и испанцы. Чтобы помешать их решениям, он велел запереть храм и дворец епископа, но его противники совещались на церковной паперти. Раздосадованный, С. уехал из Констанца, но скоро вернулся и сопровождал нового папу Мартина V при объезде им города. В Богемии, где С. был ненавидим за вероломство по отношению к Гусу и за совет Венцеславу подавить гуситство, после смерти Венцеслава вспыхнула религиозная война. Булла Мартина V провозгласила крестовый поход против гуситов. Началась свирепая борьба между немцами и чехами, продолжавшаяся 15 лет. В 1420 г. С. повел в Богемию свои венгерские и моравские войска, подступил к Праге, овладел хитростью городами Шланом и Лауном, но при встрече с Жижкой потерпел неудачу. 20 мая 1420 г. он короновался королем богемским и снял осаду Праги. В 1421 г. он собрал большое войско, двинулся в Моравию, овладел Куттенбургом, но потерпел от Жижки полное поражение у Немецкого Брода (янв. 1422). На сейме в Нюрнберге был принят проект реформы военных сил Германии. В ноябре 1431 г. С. перешел Альпы и короновался в Милане ломбардской короной. У него никогда не бывало денег; он оставался только там, где его даром кормили. Ему доставляли средства, презрительно относясь к нему, граждане Милана, Пиаченцы, Пармы, Сиенны. Целый год (1432 – 1433) он провел в Сиенне, занятый любовной интригой, без всяких средств, как *«дикий зверь в железной клетке».* Флорентийцы держали его в осаде. Папа ловко воспользовался его положением, устроил на свой счет пышную его коронацию и ряд великолепных церемоний. За императорскую корону С. изменил собору; он обещал оставить нетронутыми все злоупотребления курии и заключил в Ферраре мир с папой Евгением IV. Через Феррару и Мантую, повсюду занимая деньги, С. двинулся в Базель. Базельский собор и не думал признавать ничтожного С. защитником и опекуном церк-

ви; он устранял как папу, так и императора. Чехи относились недоверчиво к С. и требовали от него принятия *«компактатов»* – полной амнистии, причащения под обоими видами, удаления немцев и католиков с высших должностей, соединения Моравии с Богемией, утверждения за вельможами и городами их прежних прав. 20 июля 1435 г. С. обнародовал грамоту (*Majest ä tsbrief),* излагавшую его договор с богемским сеймом, а 23 августа торжественно въехал в Прагу. Но своих обещаний он не держал и действовал в реакционном духе. Католицизм ожил, гуситов притесняли; снова начались волнения. Чехи называли С. «*посрамителем правды и смертельным врагом чешского народа*»; но с С. соединилась аристократия, оставив мысль о преобразовании церкви. Попытки преобразований, касавшихся Германии, оставались безуспешными; С. не хотел даже ездить в Германию, ссылаясь на то, что у него есть дела в Венгрии. Под конец жизни С. видел лишь всеобщее неудовольствие. Он хотел передать Богемию своему зятю Альбрехту V, но против этого восстала его жена, желавшая получить Богемию. Она составила заговор, и С., тяжко больной, отправился из Праги в Венгрию. Арестовав императрицу, он объявил, что передает свои владения дочери и зятю. Перед смертью он приказал посадить себя на трон в полном императорском одеянии. Его тело, согласно его желанию, оставалось выставленным в продолжение 3-х дней, *«чтобы каждый мог видеть, что владыка и повелитель всего мира скончался».*

27 – Послы Тевтонского ордена, великий госпитальер Вернер фон Теццинген и торнский комтур граф Альбрехт Шварцбург – привезли Вацлаву 60 тысяч флоринов *«компенсации за дружественное посредничество».* Руководство Тевтонского ордена давно освоила практику подкупа судий и решений сложных вопросов в свою пользу. Подлог и мошенничество, наряду с огромными взятками стали к концу 14 века визитной карточкой братьев во христе.

28 – «status quo ante bellum», или возвращение к довоенному состоянию. Широко известное латинское выражение, существует со времен Римской республики, применялось в международном праве в тех случаях, когда необходимо было законсервировать давно сложившееся состояние дел, закрепить границы, существовавшие до ведения боевых действий, а участникам конфликта руководствоваться довоенными отношениями.

29 – Ян Длугош. Грюнвальдская битва, СПб, «Наука», 2007, с.59-60.

Глава 3 (32)

ПОДГОТОВКА ПОЛЬШИ, ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА И ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА К ПРОДОЛЖЕНИЮ ВОЙНЫ ТАКТИЧЕСКИЕ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ УЧАСТНИКОВ КОНФЛИКТА СБОР СИЛ ПОД ЧЕРВИНСКОМ И НАЧАЛО ГРАНДИОЗНОГО ПОХОДА ОБЪЕДИНЕННОЙ СОЮЗНОЙ АРМИИ ЯГАЙЛО И ВИТОВТА НА СТОЛИЦУ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА – МАРИЕНБУРГ ОБХОДНОЙ МАНЕВР СОЮЗНИКОВ У КРУЖЕНТНИКА НА РЕКЕ ДРЕВЕНЦЕ

«Ведение союзниками наступательной войны на чужой территории, подвергавшейся ими безжалостному опустошению, полностью лишило противника стратегической инициативы. Сковав значительные отряды тевтонцев в мощных крепостях, прикрывавших стратегические направления, а также отдельные подступы к столице государства Мариенбургу, Витовт и Ягайло – гениальные внуки великого Гедимина, дети знаменитого Ольгерда и Кейстута – смогли, иметь подавляющее численное преимущество на направлении главного удара. Действуя, четко, сплоченно и организованно в едином порыве, не распыляя силы на второстепенные участки немецкой обороны, союзники вынудили засуетиться прежде излишне спокойного великого магистра, навязать ему мысль о необходимости генерального сражения. В конечном итоге именно это, а также излишняя самоуверенность Ульриха фон Юнгингена позволили двоюродным братьям нанести крестоносцам сокрушительное поражение при Грюнвальде, после которого навсегда закончилась эпоха величия Ордена».

(В.В.Новосельский)

Ягайло отверг все предложения о новых мирных инициативах и даже не приехал на съезд в Бреслау (1) в мае 1410 года, куда его приглашал Вацлав для переговоров с представителями Ордена. В начале июня 1410 года крестоносцы получили от чешского короля подтверждение принятого им 15 февраля ре-

шения и свидетельство о том, что они добросовестно придерживались всех условий перемирия в отличие от поляков. Со всей очевидностью проступали очертания давно зревшего заговора ряда центральноевропейских монархов, направленного против военно-политического союза Ягайло и Витовта. Усиливавшаяся на глазах Польша и Великое княжество Литовское и Русское не могли оставить равнодушными представителей ведущих германских правящих династий во главе с руководителем Священной Римской империи. В связи с официальным признанием факта невыполнения Польшей своих обязательств Орден считал себя свободным от дальнейшего соблюдения условий перемирия. С этого момента Ульрих фон Юнгинген мог открыто вести усиленную подготовку к летней военной кампании 1410 года, целенаправленно привлекая на свою сторону западных союзников, которые ждали только удобного случая, чтобы приобщиться к намеченному Орденом масштабному дележу польских и литовских земель. Со стороны сильной военной коалиции западных монархов во главе с Тевтонским орденом Ягайло и Витовту заранее отводилась незавидная роль мальчиков для битья. Однако, несмотря на свою печальную судьбу и, казалось, заранее предрешенную участь несчастных жертв, обреченных на гибель государств, Польше и Великому княжеству, в конце концов, во всей этой темной истории нескончаемой паутины интриг, заговоров и столкновений взаимоисключающих интересов различных сил Запада несказанно повезло. Ягайло и Витовту в значительной степени благоприятствовали сложившиеся к тому времени обстоятельства, отличавшиеся редкой политической нестабильностью в Европе. Царившая в тот период анархия, повсеместная политическая и религиозная борьба, привели к жуткой несогласованности в международных делах в стане потенциальных союзников тевтонцев. Большинство западноевропейских руководителей слишком мало доверяли друг другу, им было трудно найти общий язык, договориться между собой. Продолжали спор император и папа, вели борьбу за перераспределение

властных полномочий, тянули одеяло каждый на себя и другие коронованные персоны, выдвигая собственных, угодных только им руководителей престола святого Петра. Шла неприкрытая вражда между претендентами на роль главы Священной Римской империи, возникали военные коалиции европейских монархов и немецких князей внутри империи, направленные друг против друга. Воевали в нескончаемой Столетней войне, не собираясь прекращать бессмысленное кровопролитие, правящие династии Англии и Франции, параллельно стремительно вызревали десятки новых очагов будущих «горячих точек» на континенте. Казалось, ничто не может изменить полную обреченность поляков, литовцев, белорусов, русских и украинцев перед лицом нарастающей тевтонской угрозы в союзе с мощными военно-политическими и религиозно-духовными силами Запада. Казалось, судьба этих народов уже предначертана свыше некой властной всемогущей рукой. Она навсегда и бесповоротно предрешена цивилизацией средневекового запада, литовцам и славянам остается лишь жалкая участь рабов: пойти по стопам пруссов, навсегда потерять собственную этническую и религиозную принадлежность, постепенно раствориться в более высокой культуре католической Европы. Однако произошло настоящее чудо, и вмешаться в разворачивающийся на Востоке конфликт на стороне Ордена удалось не многим. Оказать братьям-рыцарям Пруссии достойную военную помощь, привести по-настоящему многочисленную армию в их поддержку не смог ни один из старых боевых товарищей тевтонцев по совместным крестовым походам. Самое удивительное, что не смог этого сделать даже такой преданный друг Мариенбурга, как Ливонский орден, полностью от него зависимый и во многом обязанный самим своим существованием бескорыстной помощи тевтонцев. Слишком занятые собственными проблемами правители суверенных европейских государств по существу бросили Ульриха на произвол судьбы. Они разрешили участие в Восточной войне лишь добровольцам, однако необходимо отметить, достаточно

многочисленным, чтобы сразу вдвое увеличить общее число тяжелой рыцарской кавалерии Ордена. Она приняла участие и с блеском проявила себя в самый ответственный момент войны, в ходе масштабных боевых действий 1410 года – в грандиозном, потрясшем воображение современников, генеральном сражении при Грюнвальде.

В тоже время Коронная Рада и Ягайло, охваченные патриотическим порывом в преддверии скорого реванша, как никогда были настроены на продолжение войны. Их подталкивала волна воинственных настроений, с головой захлестнувшая польское общество. Ни Польша, ни Великое княжество вовсе не ощущали себя безвольными жертвенными животными, предназначенными на заклание Тевтонским орденом в угоду корыстным интересам правящей элиты Запада. Обозленная серьезными неудачами кампании 1409 года, шляхта жаждала реванша. Горячее польское рыцарство рвалось в бой. Учитывая редчайший исторический шанс навсегда покончить с Орденом, Витовт при обсуждении вопроса о координации военных действий соглашался действовать, приспосабливаясь к возможностям польской армии. Однако при одном непременном условии, если только все акции поляков будут оправданными с военной точки зрения, и ни сколько не противоречить интересам Великого княжества. Война, по мнению лидеров, как Польши так и Литвы, должна быть только наступательной и вестись исключительно на территории противника. Союзникам необходимо сковать военную инициативу тевтонцев, нейтрализовать их умелые, хорошо отлаженные тактические действия. Главное не дать развернуться в полную мощь военной машине крестоносцев, которая словно исправно работающие мельничные жернова, легко сотрет в порошек любую армию на своем пути. Основной целью наступательной войны является полный разгром рыцарских сил Ордена, а также захват военных крепостей и материальных баз крестоносцев, включая неприступную цитадель и главный их оплот в Пруссии, столицу Тевтонского ордена, город-крепость – Мариенбург, куда в пер-

вую очередь и был нацелен весь удар объединенных союзных войск. Местом встречи армий Витовт и Ягайло избрали территорию Северо-Восточной Польши недалеко от границы Литвы, в Мазовии, в городе Червинске (2). Отдельными темами обсуждения были такие, например, как участие татар в войне и способ переправы союзных войск через многоводную Вислу, а также вопросы, связанные со снабжением войск, заготовкой большого количества провианта для людей и фуража для животных, выборе основных баз для хранения запасов продовольствия.

Вполне возможно, что тогда же были разработаны меры для предотвращения участия в войне Ливонского отделения Ордена. Такое предположение вполне допустимо, так как несколько месяцев спустя Витовту дипломатическим путем удалось добиться от болезненного, с трудом справлявшегося со своими обязанностями, магистра Конрада фон Фитингхофа фактической нейтрализации Ливонии. Ярким подтверждением сказанному является то, что при Грюнвальде на стороне Тевтонского ордена участвовало лишь символическое количество ливонских рыцарей. Фитингхоф, неожиданно слегший от недомогания, послал на помощь тевтонцам всего одно знамя под руководством маршала Ливонского ордена Бернда фон Гевельмана (3). Ульрих расценил такое отношение Фитингхофа к своему долгу, как прямой саботаж и явное издевательство над общим делом крестоносцев. Столь ничтожная сила не могла существенно повлиять ни на исход Грюнвальдской битвы, ни тем более войны. Ульрих не мог не знать, что магистр Ливонии был связан по рукам и ногам дипломатическими путами Витовта, поскольку сам же и давал одобрение на установление мира между ними, однако в столь ответственный час рассчитывал на более решительные действия своего верного союзника и преданного вассала. Однако вся хитрость великого князя заключалась в том, что он не оставил Ульриху ни единого шанса на какую-либо серьезную помощь Ливонии, повязанной им по рукам и ногам хитрым договором. Одним из

непременных условий мирного соглашения Витовта с Фитингхофом было то, что любая из сторон при объявлении войны боевые действия могла начинать только спустя три месяца после разрыва мирных отношений и ни на день раньше. В том случае, если бы Конрад нарушил условия договора, навязанного ему Витовтом, земли Ливонии немедленно подверглись бы массированному вторжению не только литовских хоругвей, специально оставленных для этой цели на северо-западных рубежах княжества, но и сильных дружин Новгорода и Пскова. К тому времени между Великим княжеством и Северо-Восточными русскими торговыми республиками дальновидным Витовтом были установлены самые теплые, дружественные отношения и заключены военные соглашения о взаимопомощи против действий Ливонского ордена. В такой ситуации Конрад фон Фитингхоф решил, что намного разумнее и безопаснее для Ливонии лишний раз не рисковать и до истечения сроков мирного договора не нарушать его условий. Объявив все же войну, магистр Ливонского ордена отправил войска на помощь тевтонцам согласно существовавшей с Витовтом договоренности только в сентябре 1410 года, ровно через три месяца после разрыва дипломатических отношений с Великим княжеством. Необходимо сказать в этой связи, что к тому времени, когда союзные армии подошли к Мариенбургу и приступили к его осаде, Фитинхоф уже прислал значительные силы на помощь Пруссии. Магистр Ливонии тем самым не только предотвратил падение столицы и крушение Тевтонского ордена, но благодаря искусной дипломатии, которую осуществлял по его поручению маршал Гевельман, был внесен раскол в действия союзников (4).

Подготовка большого похода на территорию Пруссии началась с того, что Ягайло зимой в Беловежской пуще и других заповедных лесах добыл огромное количество зверя и отправил засоленное мясо по рекам Нареву и Висле в город Плоцк (5). Затем была начата заготовка необходимого материала для постройки понтонного моста через Вислу. Представительные

польские делегации посетили германского императора Рупрехта (6), королевские дворы Франции и Англии. Хотя посольства не достигли целей, ради которых были направлены, однако указывали на огромное желание Ягайло оправдать свои действия и поставить в известность западноевропейскую элиту об истинных виновниках надвигающейся войны. Внешнеполитические действия Польши вполне ярко отражали твердую решимость довести до логического конца начатое дело, означали всестороннюю, в том числе хорошо продуманную дипломатическую подготовку к предстоящей войне, вернее к новому ее этапу.

Со своей стороны Витовт прощупал почву в другом направлении. Он нанес визит королю Венгрии и наместнику германского императора Сигизмунду Люксембургу в Кезмарке (7). По итогам этой скорее разведывательной, чем дипломатической акции великий князь понял, что хотя Сигизмунд и поддерживает Орден, ввязываться в большую войну он не намерен, а это и было основной целью визита Витовта. На радостях великий князь преподнес Сигизмунду поистине королевские подарки, в том числе 12 превосходных коней, подкованных золотыми подковами. Кроме того, Витовт мог на практике оценить возросшую роль Великого княжества в европейской политике. Наместник императора предложил ему королевскую корону в обмен на вполне конкретные условия, главными из которых был отказ от дружбы с Польшей и прекращение конфронтации с Тевтонским орденом. Сигизмунд давно опасался усиления могущества Польши и действовал, несомненно, с одобрения многих влиятельных сил Запада с явным намерением расколоть коалицию Великого княжества и Польши. Витовт изо всех сил стремился сохранить национальный суверенитет Литвы, на протяжении всей своей политической деятельности он жаждал вывести княжество на передовые рубежи самых процветающих стран региона. Великому княжеству, для того чтобы войти в число независимых европейских государств, необходимо было в первую очередь, опираясь на

военно-политический союз с сильной Польшей, как можно скорее покончить с угрозой орденской экспансии, а не поддерживать тевтонцев. Только многолюдная, богатая и воинственная Польша, очень близкая по духу, культуре и языку, могла помочь в борьбе белорусско-литовскому и русско-украинскому населению княжества против тевтонской угрозы. С другой стороны, одной Польше справиться с Тевтонским орденом, который поддерживала, чуть ли не вся Европа, без военной силы Великого княжества было практически нереально. Только совместные военные действия, целенаправленная согласованная борьба двух государств могла привести к победе над очень сильным и чрезвычайно опасным врагом. Витовт слишком хорошо понимал, что существует единственный путь, следуя которому он сможет Великое княжество привести к широкому международному признанию, а для себя приобрести серьезный политический вес на Западе. Вне зависимости от того, как там будут официально титуловать его – королем ли, графом ли, или, быть может, даже императором, не важно, существенным является другое. Он согласен именоваться как прежде, великим князем, главное – иметь в своих руках истинную власть, а не мнимую. Только полный разгром Тевтонского ордена может дать простор для развития социально-экономических и политических отношений, сообщить новый импульс этим отношениям, поднять общий уровень культуры, национальное самосознание его жителей. Главное в понимании сколь трезвого, столь и выдающегося государственного деятеля, коим, несомненно, являлся Витовт, это обладание истинной, а не мнимой политической свободой. Он желал быть независимым монархом, как от польского королевства, так и от германской империи. Приобрести такое законное право он мог лишь, наглядно продемонстрировав истинную силу и военную мощь Великого княжества Литовского и Русского на поле боя с оружием в руках, в смертельном поединке с сильнейшей армией в мире. Для него важнейшим делом жизни являлся реальный суверенитет государства, добиться которого

великий князь намеревался, не идя на поводу у заинтересованных могущественных политических сил Запада. Витовта мало привлекала перспектива стать королем слабого, зависимого от Ордена и германского императора государства с перспективой полной потери реальной самостоятельности. Витовт в вежливой форме отклонил *«почетное»* предложение Сигизмунда предать Ягайло в обмен на королевскую корону. По возвращении из Кезмарка великий князь уже в Сонче обо всем происшедшем с ним в Венгрии детально поведал Ягайло. Витовт рассказал брату, в том числе и о неудавшемся покушении на свою жизнь во время переговоров с Сигизмундом. Заговор, по всей видимости, был устроен тайными агентами Тевтонского ордена (8).

Желая укрепить позиции двоюродного брата, продемонстрировать искреннюю преданность общему делу, а также полную решимость действовать до самого конца, великий князь предоставляет в распоряжение польского короля лучшую свою хоругвь под командованием Сигизмунда Корибутовича. Кроме того Витовт дает Ягайло 20 тысяч грошей для вербовки умелых и стойких бойцов из числа чешско-моравских наемников (9). В Сонче еще раз были уточнены детали предстоящей летней кампании и вскоре оба властителя объявили в своих государствах воинскую мобилизацию. На войну с Тевтонским орденом призывались все крупные, средние и мелкие вассалы польского короля, удельные князья и бояре Великого князя Литвы и Руси с их дружинами и хоругвями, а также все свободные, подданные городов и деревень, способные носить оружие.

Руководство Тевтонского ордена также не теряло время даром. Ульрих фон Юнгинген еще в августе 1409 года заключил договор с западно-поморскими князьями, согласно которому те обязались участвовать в войне против Польши и Литвы на стороне Ордена и не заключать ни с одной из них мира без согласия крестоносцев. Поддержали Орден германский император Рупрехт Палатинатский (Рейнский), его соперник, поте-

рявший с 1400 года германский трон, но продолжавший считать себя главой империи, которого незаконно лишили власти, король Чехии Вацлав IV и брат Вацлава, венгерский король Сигизмунд, – еще один активный претендент на императорский престол. Все они, безусловно, видели в могущественном Тевтонском ордене с его обширными политическими, торговыми и культурными связями по всей Европе реальную силу, способную оказать существенное влияние на их будущее. Главная цель жизни этих людей целиком и полностью была связана с долгой и трудной борьбой за верховную власть в Священной Римской империи и состояла в приобретении символа этой власти – императорской короны. Каждый из претендентов, рассчитывая на помощь тевтонцев, в своем упорном противостоянии конкурентам, старался всячески содействовать мощи, процветанию и благоденствию Ордена.

Особенно усердствовал в оказании всевозможных политических услуг тевтонцам Сигизмунд Венгерский, один из руководителей неудавшегося крестового похода европейского рыцарства против турок (10). Король вечно нуждался в денежных средствах и был готов на многое ради их приобретения. В обмен на материальную благодарность тевтонцев, которая выражалась в конкретной денежной сумме равнявшейся 40 тысячам флоринов, или 300 тысячам дукатов, Сигизмунд в ходе секретных переговоров с руководством Ордена еще в 1409 году обязался напасть на южные земли Польши. Летом 1410 года в момент возобновления боевых действий между Ульрихом и Ягайло на севере Сигизмунд, выражаясь современным языком, должен был открыть второй фронт, ударить по Польскому королевству с юга. Сигизмунда, самозабвенно стремившегося к императорской власти, нисколько не смущало наличие мирного договора между Венгрией и Польшей, заключенного им еще в 1397 году сроком на 16 лет – до 1413 года. Этот договор в свое время был подписан в знак особой признательности венгерского короля Ягайло, поддержавшего его в наиболее трудные времена, в тот момент, когда после тяжелого

поражения под Никополем в 1396 году от султана Османской империи Баязида Молниеносного Сигизмунд мог лишиться власти. Впоследствии Ягайло приложил максимум усилий для возвращения венгерского трона Сигизмунду, обстановка в этой стране накалилась настолько, что в 1401 году Сигизмунд потерял не только трон, но и свободу. Он был арестован венгерскими бонами – влиятельными магнатами, после того как вызвал обоснованное возмущение местной политической элиты и простого населения Венгрии. Крупные земельные собственники, средние и мелкие феодалы решили положить конец произволу политического авантюриста на королевском троне. Из-за необдуманных действий Сигизмунда Венгрия была поставлена на грань материального истощения, развала и гибели. «Предприимчивый» король добился столь впечатляющих достижений своими по большей части безрезультатными военными предприятиями, полностью разорившими королевскую казну, а также содержанием шикарного двора, одного из самых пышных в Европе. Однако, будучи монархом, как говорится, далеко не равнодушным к благополучию и процветанию вверенного ему господом богом государства, а также к судьбе своих подданных, Сигизмунд намеревался в самое короткое время кардинально оздоровить финансовую систему страны. Спасать истощенную национальную экономику он решил давно испытанным путем, исключительно за счет увеличения государственных налогов на подданных, а не снижением собственных безумных расходов. Это, разумеется, не могло понравиться венгерским феодалам, тем более оставить их безучастными наблюдателями грозящей государству опасности экономического коллапса. Рассерженные магнаты принялись усердно искать более достойного, чем потерявший доверие Сигизмунд, претендента на венгерский трон. Среди прочих кандидатов на освободившуюся королевскую вакансию был и Владислав-Ягайло. Однако ярые сторонники Сигизмунда, в том числе Николай де Гара и Сциборий из Сцибожиц – будущие послы венгерского короля, передавшие объявление войны

Польше летом 1410 года, добились освобождения и восстановления его на престоле при самой активной поддержке Ягайло. Но вместо благодарности Сигизмунд, обещавший под денежный заклад передать Ягайло территорию Новой Марки, продал эти земли в 1402 году Тевтонскому ордену, причем уже за сумму большую, чем это было обещано Польше. Таким образом, обманутая Сигизмундом Польша была отрезана от союзных западно-поморских княжеств.

Теперь же хитрый лис Сигизмунд, для того чтобы его вмешательство в войну на стороне тевтонцев выглядело с точки зрения международного права более или менее обоснованным и хоть как-то могло быть оправданно в самой Венгрии, заявил великому магистру, что поляки и литвины своими действиями должны спровоцировать *«достаточно разумные причины»* такого вмешательства. Тевтонские руководители для всех западных государств, кровно заинтересованных в разделе земель Польши и Великого княжества, *«достаточно разумные причины»* вскоре без труда нашли. Вполне «веской» причиной они посчитали совершенно надуманное по своей сути, смехотворное с позиции здравого смысла и нормальной логики, но с точки зрения тевтонцев и его многочисленных друзей совершенно оправданное обвинение. И Ягайло, и Витовта вскоре обвинили в самом страшном преступлении, какое только может быть предъявлено суверенным монархам католической Европы. Их заклеймили как опасных врагов истинной веры, преднамеренно привлекших для участия в боевых действиях против христиан, воюющих на стороне Тевтонского ордена, сил *«язычников и схизматиков»*. Хотя все понимали абсурдность данных обвинений, однако делали вид, что они вполне правомерны, упорно повторяя, мол, Ягайло и Витовт вполне могли обойтись в войне с Орденом без людей, которые не являлись католиками. По существу Ягайло должен был один на один выходить против тевтонцев, как будто предстояла не тяжелая кровопролитная война, а рыцарские состязания в доблести и благородстве. Тевтонский орден, который открыто поддер-

живали военные силы Центральной и Западной Европы, пытался отсечь от участия в будущей войне, ни много ни мало, практически все население литовско-белорусского и русско-украинского государства Витовта. Политическому руководству Ордена и Священной Римской империи было хорошо известно, что почти все жители Великого княжества были либо православными, либо язычниками – к ним относились некрещеные жемайты, либо получившие приют мусульмане. Католиков было слишком мало, да и то, в основном, это были представители литовской феодальной элиты и малозначительная часть населения коренной Литвы.

По всей видимости, заранее разработанного плана ведения войны, который не подвергался существенным изменениям по ходу боевых действий, у Ордена не было. Руководство Тевтонского ордена во главе с великим магистром Ульрихом фон Юнгингеном для себя твердо решило не оставлять своей земли и принять удар объединенных сил Ягайло и Витовта на территории Пруссии. Тем самым они намеревались выставить себя обороняющейся стороной, а союзников – варварами-агрессорами, посягнувшими на суверенитет и независимость мирного европейского государства. Однако самой большой трудностью для великого магистра в такой ситуации являлась своевременная разгадка строго засекреченных действий противника в начальный период войны о направлении главного удара и пунктах сосредоточения войск противника. Несмотря на усиленные меры разведывательного характера интересующую Орден стратегическую информацию добыть не удалось. Повсеместная работа широкой сети тевтонских осведомителей, дипломатическая помощь западных государств и собственно военная разведка давали противоречивые сведения, что только затрудняло тевтонцам сделать правильный выбор. Не знал Ульрих и то, как будут действовать в ходе предстоящей войны Витовт и Ягайло, вместе или каждый из них по отдельности во главе своей армии намерен выполнять собственную задачу на территории Пруссии. «*Есть ли у моих врагов единая цель и зада-*

ча? Может быть, каждый из них собирается действовать вполне независимо, и намерен в одиночку добыть лавры победителя?», – в последнее время постоянно спрашивал себя Ульрих. Именно на разобщенность и несогласованность действий противника возлагал надежды великий магистр. Однако, не зная, откуда будет нанесен главный удар, он вынужден был распылять свои силы на разных направлениях, а также укреплять не отдельные опасные участки польско-орденской и литовско-орденской границы, а пограничные рубежи орденского государства на всем их огромном протяжении.

Местом концентрации основных сил крестоносцев под непосредственным командованием великого магистра был выбран город Свеце, владения будущего спасителя Ордена комтура Генриха фон Плауэна. Из-под Свеце можно было легко и быстро перебросить войска в любом направлении, так как это место являлось равноудаленным от возможных направлений ударов армий противника. Витовт и Ягайло специально делали все, чтобы запутать Ульриха. Ложными перемещениями, псевдо- сосредоточениями войск и ударами по пограничным землям в разных местах они старались распылить силы крестоносцев по всей Пруссии. Когда в июне 1410 года военная разведка крестоносцев донесла о серьезных передвижениях литовско-белорусских войск и концентрации их в районе Нарева, это вызвало вполне обоснованные опасения руководства Ордена, что Витовт собирается вторгнуться на их земли через Оструду. По этой причине Ульрих приказал сформировать специальную ударную группу под командованием маршала Фридриха фон Валленрода возле Оструды, но, умело прикрываясь обманными демонстрациями и распространением ложных слухов, Витовт ввел в заблуждение крестоносцев. Благодаря отвлекающему маневру части сил Великого княжества, которые атаковали Скалву и даже вторглись в нее, у тевтонцев сложилось впечатление, что именно это направление является главным, куда ими и были брошены все силы. Блестяще проведенный маневр отвлек внимание крестоносцев, что позволи-

ло без каких-либо трудностей завершить операцию на наревском участке, где концентрировались основные силы Великого княжества Литовского и Русского, лучшая кавалерия и артиллерия под командованием Альберта Монвида (11).

Хотя Витовт чрезвычайно опасался повторения событий 1394 и 1402 годов, когда походы крестоносцев смертельно угрожали этнической Литве и даже Вильно, но другого выхода теперь у него не было. Оставив значительные силы жемайтов и литовско-белорусские отряды на севере для прикрытия княжества от возможного удара Ливонского ордена и русско-украинские дружины на юге для охраны границ государства от нападения Золотой Орды, Витовт двинул основные силы на соединение с польской армией. Войско великого князя было почти исключительно конным и практически без обоза, так как у каждого воина было две лошади и все необходимое для жизнедеятельности всадника, а также овес для себя и своей боевой подруги или друга везла вторая лошадь. Основной обоз с большим количеством фуража и продовольствия, запасным оружием, защитным вооружением, орудиями и оборудованием для штурма крепостей вместе с пехотой шел несколько позади. Союзные войска армии Витовта состояли из хоругвей, собранных как в самой Литве, так и в восточнославянских землях обширного государства. Белорусы, русские и украинцы составляли семь десятых численности всех войск вторжения Витовта, из которых на долю белорусских дружин приходилось почти половина армии Великого княжества. Кроме славян, в походе участвовало большое количество татар хана Джелал-эд-Дина и эмира Багар-эд-Дина. Хотя значительные силы были оставлены Витовтом для охраны опасных участков границ, Великое княжество в этот момент находилось в достаточно уязвимом положении без своих лучших частей, привычного управления и верховного командующего. Отсутствие властной княжеской руки, уход лучших воинов на войну в Пруссию являлся заманчивой приманкой для ищущих легкой добычи соседей. Однако осуществить давно намеченный

и тщательно разработанный стратегический план по разгрому Тевтонского ордена, без риска подвергнуть Великое княжество опасному удару со стороны Ливонского ордена и Золотой Орды было невозможно, но как покажут дальнейшие события, этот риск себя полностью оправдал.

Главные силы крестоносцев продолжали оставаться под Свеце до тех пор, пока обстановка полностью не прояснилась в конце июня – начале июля. Великий магистр ожидал нападения поляков вниз по левому берегу Вислы в направлении на Новую Марку. Собрав в Вольбоже (12) основные силы малопольских феодалов, в четверг 26 июня Ягайло двинул армию в сторону Червинска к Висле на соединение с войсками великопольской шляхты и литовско-белорусской и русско-украинской армией Витовта, которая шла вместе с двадцатитысячным ударным корпусом тяжелой татарской конницы хана Джелал-эд-Дина. Пройдя Любохню, Высокиницы, Сеймицы (13) к воскресенью 29 июня король Польши достиг населенного пункта Козлово (14), где его застигло известие от Витовта о том, что, находясь у реки Нарев, он выступает на соединение с братом и просит для верности выслать охрану сопровождения. Ягайло, выслав 12 хоругвей польских рыцарей навстречу литовскому князю, сам выступает из поселения Козлово на следующий день и подходит *«к Висле выше Червинского монастыря к месту, где был наведен мост, сооруженный на лодках у Козениц» (15).* Когда все польские войска, переправившиеся в течение трех дней по понтонному мосту через Вислу, собрались в Червинске, сюда же прибыл Витовт с основной частью своей многочисленной армии. Великий князь привел на соединение с поляками мощную мобильную ударную группировку. В ее состав входила двадцатитысячная конница татар Джелал-эд Дина и почти вся сорокатысячная кавалерия Великого княжества, состоящая как из легких волынских отрядов и татарских сотен хана Багар-эд-Дина, так и тяжелых литовских гуфов и многочисленных полков белорусских городов и земель, а также русских смоленских дружин. Обозы с провиантом,

пушками и осадным снаряжением шли следом под охраной более чем сорокатысячной армии белорусско-литовской пехоты.

Переправа огромной армии Ягайло через Вислу, ее молниеносное соединение с не менее внушительными силами Витовта стало полной неожиданностью для Ульриха. Какое-то время верховный главнокомандующий вооруженными силами Тевтонского ордена Ульрих фон Юнгинген находился в растерянности. Продолжало оставаться неясным, последуют ли удары врага из других направлений, поэтому он оставил для защиты Западной Пруссии в Свеце отборный отряд в 3 тысячи человек, который возглавил Генрих фон Плауэн. Также было не вполне понятно для великого магистра и орденского руководства, куда дальше из Червинска двинется объединенное польско-литовское, белорусско-русско-украинское войско вместе с татарами и наемниками: то ли в Добжинскую землю, то ли на север к Мариенбургу. Посчитав, что в сложившейся ситуации благоразумнее всего прекрыть врагу дорогу на столицу, Ульрих передислоцирует главные силы на правый берег Вислы в направлении возможной переправы противника у Древенцы (16). Именно туда вскоре двинулись основные силы союзного войска с явным намерением попытаться кратчайшим путем достичь главной цели похода. Великий магистр лично объехал броды и крепости на Древенце и приказал хорошо укрепить ее берега пушками, гнездами лучников, неприступным частоколом и земляным валом.

После 5 июля, когда стало очевидным, что союзные войска уверенно идут на север по направлению к Мариенбургу, Ульрих фон Юнгинген стянул все силы Ордена в Кужентник (17) на Древенце. Именно там были давно проверенные, хорошо известные, в том числе и разведке противника, броды, а река становилась в это время года наиболее мелководной и пригодной для форсирования. Великий магистр быстро переправил в район Кужентника продовольственные запасы из столицы и приготовился дать генеральное сражение. Место было очень удобное для ведения как оборонительных, так и наступатель-

ных боев. Орденский берег возвышался над обширной открытой водной поймой, вольготно раскинувшейся без ощутимых признаков какой-либо серьезной растительности в виде деревьев или высоких зарослей кустарника. Ко всему прочему река в этом месте имела твердое, устойчивое дно, чрезвычайно удобное для продвижения многочисленной кавалерии. Ульрих в этот момент был настроен очень решительно: ни сколько не сомневаясь в предстоящей победе, он легко отверг посредничество, предложенное посланниками короля Венгрии, и все силы бросил на укрепление береговой линии. Руководство Ордена предполагало без особых проблем спровоцировать (они на это очень надеялись), плохо управляемые, необузданные, подстегиваемые накопившейся жаждой мести войска Витовта и Ягайло к яростной лобовой атаке, хорошо укрепленный западный берег Древенцы. По мнению польского исследователя С.Кучинского (18), кстати сказать, вполне аргументированному и хорошо обоснованному, крестоносцы вправе были на это надеяться, поскольку знали о желании противника поскорее вступить в решающий бой. На Древенце в Кужентнике, месте чрезвычайно удобном для обороны, созданном как бы специально для этой цели самой природой, Ульрих рассчитывал совершенно измотать и полностью уничтожить армию союзников. В действия тевтонского руководства вселяли дополнительную уверенность сами поляки и литовцы с их громкой славой плохо организованных в плане воинской дисциплины бойцов. Ринувшуюся смело вперед в лихую атаку без оглядки на подстерегающую опасность армию союзников встретят орденские братья массированным огнем из всех имеющихся полевых орудий и бесчисленных стрелковых гнезд арбалетчиков. Из своих добротных укрытий, практически не вступая в прямое соприкосновение с врагом, огороженные неприступными земляными валами, глубокими рвами и высокими полисадами, тевтонцы рассчитывали нанести необузданному врагу слишком серьезные потери в живой силе. Затем, чтобы окончательно добить морально надломленного врага, объятого все-

общим смятением, уничтожить его физически, великий магистр наметил выпустить против него тяжелую рыцарскую конницу, которая должна была проутюжить поредевшие хоругви противника, смять, растоптать, растерзать, разгромить и полностью уничтожить разорванную на куски, обескровленную союзную армию.

Подойдя несколькими огромными походными колоннами 10 июля к Кужентнику, объединенная армия Великого княжества и Польши остановилась в нерешительности у хорошо укрепленных тевтонцами берегов Древенцы. В этот момент Ягайло получил известие о том, что Венгрия объявила Польше войну. Не желая рисковать, он направляет к Ульриху парламентера с предложениями мира. Польский король считал, что устрашенное количеством войск союзной армии руководство Ордена, если только воинственный Ульрих совершенно не потерял чувство реальности, будет вынуждено пойти на переговоры.

Однако, надеясь на легкую победу в чрезвычайно выгодных для себя условиях, крестоносцы даже не захотели толком выслушать представителей польского короля. Орденский капитул в составе великого магистра, великого маршала, великого комтура, главного казначея, великого госпитальера, великого ризничего, в присутствии немецкого магистра, гордо отклонил мирные предложения Ягайло. Тевтонцы были уверены в абсолютной неуязвимости неприступных позиций крестоносного войска и своей скорой победе.

События последних дней вызвали прилив деятельной энергии литовского князя, Витовт был несказанно рад такому повороту дела, так как сам не меньше тевтонцев стремился к решительному сражению, однако внимательно ознакомившись с истинным положением дел, изменил первоначальное решение.

Все расчеты великого магистра и высшего руководства Ордена провалились, когда Ягайло и Витовт, убедившись, что неприступные, хорошо укрепленные берега реки и тщательно продуманное расположение войск крестоносцев сильно смахивали на заранее расставленную ловушку, неожиданно отсту-

пили. Не желая нести бессмысленные потери, они двинулись на Мариенбург наперерез от реки, сначала строго на восток, а потом на север с намерением обойти Древенцу у самых ее истоков. Ульрих, видя происходящее, вначале расценил это как трусость противника. Великий магистр считал, что враг уже проиграл войну, после того как руководство союзной армии, испугавшись силы крестоносцев, решило все закончить миром. Ульрих был уверен, что, получив отказ, Ягайло быстро повернул войска домой и позорно бежал. Он так обрадовался этой мнимой легкой победе, что даже обратился, по словам Яна Длугоша, к венгерским баронам, находившимся в его войске, за советом – преследовать беглецов или отпустить с миром. Но, как вначале не оправдались расчеты великого магистра на немедленный штурм союзной армией укрепленных берегов Древенцы, так недолговечной была преждевременная радость Ульриха, по поводу поспешного бегства противника. Сообразив, наконец, об истинных намерениях Ягайло и Витовта идти другим, менее опасным маршрутом на беззащитный Мариенбург, Ульрих фон Юнгинген решительно бросил все имеющиеся в его распоряжении силы на перехват союзной армии у Танненберга. Ульрих был зол и разочарован, его расчеты в одночасье рухнули, громкой победы Ордена при Кужентнике и бесславного для поляков и литовцев окончания так и не успевшей толком начаться войны не произошло, на что так надеялся великий магистр. Выступив из Кужентника вверх по Древенце, Ульрих, зная, что она делает большой изгиб на север, решил срезать угол и, не доходя до ее истоков, переправился через реку у крепости Братиана (19) по двенадцати заранее возведенным мостам.

Оставив Кужентник, армия союзников двинулась на восток и, отойдя на значительное расстояние от Древенцы, встала лагерем на ночлег в районе деревни Высокая и замка Зольдау (20). Хорошо укрепленный замок, недавно усиленный по указанию великого магистра большим отрядом крестоносцев, решено было не осаждать. Передохнув, утром 13 июля армия по-

шла дальше на север к Гильгенбургу (Домбровно) (21). Вечером того же дня авангард Витовта, состоявший из литовцев, русских, белорусов, украинцев, татар, начал штурм укреплений Гильгенбурга. Эти события хронист Ордена Иоганн фон Поссильге описывает следующим образом: *«Поскольку король Польский не смел перейти Древенцы, он двинулся к Гильгенбургу, и захватил этот город, и сжег его дотла. Его воины перебили там и молодых и старых. Его союзники, безбожные язычники, совершали отвратительные убийства. Они убивали жителей города во множестве, бесчестили женщин и дев, после чего отрезали им груди, и всяко ужасно мучили их, и уводили в рабство. Поруганию и осквернению подверглись и церкви: язычники святотатствовали, ломая и бросая под ноги себе облатки, ломали реликвии и топтали ногами. И делали они это в каждой церкви, куда бы ни зашли»(22).*

Здесь мы видим, с какой обидой и сквозящим буквально в каждой фразе возмущением немецкий средневековый историк описывает недостойное поведение бесцеремонных захватчиков. Он приписывает союзным войскам ужасающие по своему извращенному цинизму садистские поступки, особо нечеловеческие зверства. По его мнению, такое поведение характерно исключительно для диких язычников, забывая о том, что точно так же, если не хуже, вели себя сами тевтонцы на чужой земле. События при Гильгенбурге, по сути, являлись ни чем не примечательным, вполне обыденным явлением, характерным для средневековых войн, с их, как правило, совершенно не мотивированной жестокостью.

В специальной научной литературе много споров о том, когда, где и каким образом перемещались армии противников, перед тем как они расположились на поле битвы при Грюнвальде – Танненберге. Хотя данный вопрос и важен, но не настолько, чтобы этому уделять большее значение, чем самому сражению, определившему результат не только всей войны в целом, но и дальнейшую судьбу огромных государств в ней участвовавших. Много невнятного, непонятного и просто про-

тиворечивого находим мы в сколь многочисленных, столь и сомнительных в своей достоверности описаниях Грюнвальдской битвы, начиная с первых хронистов и летописцев, заканчивая серьезными работами современных исследователей. Практически все ученые и писатели за редким исключением описывают ход сражения исключительно из узконациональных предпочтений, позиция историков стала слишком узконаправленной, почти что классовой, как в прежние времена идеологической диктатуры марксистско-ленинской теории, только теперь классовую принадлежность сменила национальная. Теперь можно не читая материал, только зная, кем по национальности является автор работы: поляк он, литовец ли, белорус или русский, можно сразу сделать вывод, кто, по его мнению, внес наибольший вклад в достижение исторической победы. Некоторые горе исследователи, нисколько не смущаясь своей ангажированности, нагло ставят вопрос, а является ли данная победа столь серьезной, чтобы для нее вообще отводили сколь-нибудь значимую роль в истории. Россияне пишут, что русские со своими смоленскими полками решили исход битвы, хотя из текста Длугоша не совсем ясно были все три легендарных хоругви именно из Смоленска, либо две из них были сформированы из жителей Мстиславля и Орши, которые иначе, чем белорусскими, назвать трудно. Белорусские историки особенно в последнее время отстаивают свою вполне аргументированную точку зрения, что белорусские полки внесли не меньший вклад в исход Грюнвальдского сражения, чем поляки. Основывается этот тезис на убедительных исторических фактах, которые красноречиво говорят о том, что в боевых хоругвях, выставленных белорусскими городами и землями, было тяжеловооруженных конных воинов не меньше, чем общего количества рыцарей в хоругвях польской шляхты. Кроме того белорусские дружинники приняли на себя весь основной удар крестоносцев, что, кстати, подтверждается наибольшими потерями среди всех союзных войск, участвовавших в сражении. Мало того, именно белорусские воинские

формирования заманили левый фланг крестоносцев под началом Валленрода в западню, а затем совместно с татарами Джелал-эд-Дина разбили не только их, но и ударный резерв Юнгингена. Поляки упорно настаивают, что только благодаря их усилиям был разгромлен Тевтонский орден при Грюнвальде, потому что за ними стояла основная ударная сила, определявшая исход любого средневекового сражения – рыцарская конница. Литовцы, тем не менее, считают себя и своего воинственного князя истинными виновниками громкой победы. Они во многом правы, так как ходом битвы руководил ни кто иной, а именно Витовт, он же осуществил отвлекающий маневр ложного отступления, разваливший весь левый фланг крестоносцев, да и почти всеми силами правого фланга, кроме татарских отрядов, да отдельных хоругвей, руководили литовские полководцы. Или, быть может, правы немцы, которые, всячески, начиная с Поссильге, заканчивая Дельбрюком и современными исследователями, принижали значение Грюнвальда и, ни сколько не смущаясь исторических фактов, до сих пор успешно это делают. Пока не сказали своего веского слова татарские исследователи, которые по праву могли заявить свои весомые аргументы и не менее реальные претензии на решающую роль татар в сражении при Грюнвальде. Именно успех тяжелой татарской конницы хана Джелал-эд-Дина, при поддержке белорусских дружин, разметавшего наемные отряды европейских рыцарей левого крыла крестоносцев, а также личный героизм эмира Багар-эд-Дина, убившего великого магистра, тем самым лишив войска Тевтонского ордена управляемости. Все это, в конечном счете, и предопределило исход сражения в пользу союзников. Как мы видим, все в чем-то правы, заслуга всех и каждого очевидна, именно по этой причине союзники и смогли добиться великой победы над самой могущественной и боеспособной армией позднего Средневековья.

Однако, вплоть до сегодняшнего дня, мы не можем похвастаться правдивой реконструкцией грюнвальдских событий 1410 года, обоснованным, реалистичным описанием важней-

ших маневров и перемещений войск на поле боя. Вызывают до сих пор большие сомнения некоторые, якобы отданные приказы и распоряжения командующих, недооценена истинная роль отдельных воинских формирований и личностей, действия которых напрямую повлияли на судьбу генерального сражения. Все это пока очень плохо изучено, а некоторые здравые предположения современных исследователей так и остаются недоказанными гипотезами. До сих пор даже не установлено самое главное для правильной оценки произошедшего шестьсот лет назад события на полях Грюнвальда – Танненберга – его истинный размах и настоящее число сражавшихся на поле боя воинов. Почему до сих пор, когда говорят о таком важном сражении, как Грюнвальдская битва, не доверяют средневековым источникам, когда, с одной стороны, все соглашаются с его исторической сутью и всемирным значением в то же время, с другой стороны, занижают в разы численность войск, принимавших участие в этом кровавом противостоянии. Кстати, сражение при Грюнвальде было не только одним из самых ожесточенных во всей мировой истории, но также на редкость массовым, и по количеству участников принадлежит исключительно к высшей лиге самых многолюдных битв человечества и, возможно, входит в первую десятку. Мы до сих пор наивно спорим и не можем прийти к единому мнению о реальном количестве войск, принимавших участие в крупнейшей битве Средневековья, в сражении, где решалась судьба сразу трех огромных государств и десятков проживавших на их территории народов. Смешно и в тоже время горько наблюдать за этими спорами, особенно о том, что при каждом удобном случае в качестве убийственного аргумента приводится устаревшее утверждение, что прокормить такие большие армии, которые указываются хронистами, в средневековье было делом практически невозможным. Полный абсурд. Кочевники это легко делали уже слишком давно, чтобы такие опытные воины, какими были Витовт и Ягайло, да и Юнгинген не смогли бы применить достижения монголо-татар на своей практике,

тем более что их армии по преимуществу состояли из кавалерии, а следом шли многочисленные обозы. К тому же военные кампании в тот период планировались по времени максимально быстрыми и скоротечными, осуществлялись практически молниеносно в течение нескольких недель, реже – месяцев, когда заранее выделялась главная цель, ради которой все это многотрудное предприятие, собственно говоря, и замышлялось, в данном случае это был Мариенбург. Затем велось целенаправленное претворение в жизнь намеченных ближних – тактических и дальних – стратегических целей. И хотя ни Ягайло, ни Витовт (великий князь, несомненно, надеялся, что такая возможность у него все-таки будет) специально не планировали Грюнвальдскую бойню, которую затеял Юнгинген, оба монарха к такому повороту событий были готовы с самого начала большого похода на столицу Пруссии. Тактическая удача при Грюнвальде была настолько масштабной, что даже срыв стратегической цели по овладению Мариенбургом оставил за Польшей и Великим княжеством широкую историческую перспективу дальнейшего развития и процветания, а Орден полностью лишил будущего.

Примечания:

1 – Бреслау, в XV веке крупный город на территории чешского королевства.

2 – Червинск расположен на территории Польши в Мазовии, выбран королем Ягайло и великим князем Витовтом местом сбора союзных армий ввиду удобного местоположения, он находился рядом с границей Великого княжества Литовского и Русского.

3 – S.Kuczynski. Wielka wojna z Zakonem Krzyzackim. Wyd. nowe, Warszawa, 1960, с.252.

4 – в этой связи есть достаточный повод к размышлению, так как после переговоров с ливонским маршалом Берндом фон Гевельманом Витовт отказался от продолжения военных действий против тевтонцев, покинул Ягайло и увел свои войска от стен Мариенбурга на территорию Великого княжества.

5 – город Плоцк расположен на реке Висле между Червинском и Бобровниками вблизи границ с Орденом, являлся весьма удобной базой по снабжению продовольствием наступающих союзных войск.

6 – Рупрехт Пфальцский, родился 5 мая 1352 года, умер 18 мая 1410 года, германский император с 1400 по 1410 годы, сын Рупрехта II Пфальцкого, представитель династии Виттельсбахов, курфюст Пфальца с 1398 по 1410 годы, был женат на Елизавете Нюрнбергской. Рупрехт был избран императором Германии в 1400 году после низложения Вацлава Чешского. Новый император первым делом отправил армию в Чехию, чтобы заставить своего предшественнника отказаться от претензий на высшую власть в Священной Римской империи. Рупрехт осадил Прагу, и вскоре Вацлав вынужден был согласиться принять все его условия. Затем в 1401 году Рупрехт отправился на коронацию в Италию, перевалив через Альпы, он оказался во владениях Джана Галеаццо Висконти, которому Вацлав за деньги продал титул герцога Миланского. Рупрехт считал эту сделку незаконной. Он потребовал, чтобы Висконти вернул имперские лены, но герцог ответил отказом. 21 октября вблизи от Бреши произошло решительное сражение, в которой армия императора была разбита. Рупрехт вернулся в Тренто. Затем он предпринял ещё одну попытку перейти Альпы, однако снова потерпел неудачу и весной 1402 года вернулся в Германию. После этой неудачи авторитет Рупрехта был окончательно подорван, и в Германии воцарилась анархия.

В сентябре 1405 года архиепископ Майнцкий Иоанн склонил некоторых германских правителей и 17 швабских городов заключить оборонительный союз против Рупрехта. Король пытался противодействовать подобному вызову, но у него не было достаточно сил для успешной борьбы. В декабре 1406 года он признал за князьями и имперскими городами право заключать между собой союзы для сохранения спокойствия. В результате этого он полностью потерял власть в стране. До самой смерти Рупрехт продолжал нуждаться в деньгах. После его смерти пришлось продать королевскую корону и другие драгоценности, чтобы расплатиться с его долгами

7 – Кезмарк (Кежмарк) – город в XV веке входил в состав Венгрского королевства, теперь город Кежмарок находится на территории Словакии.

8 – глубоко укоренившаяся, широкоразветвленная разведывательно-деверсионная сеть тевтонских осведомителей к началу XV века успешно работала по всей Европе через торговые и дипломати-

ческие миссии прусских городов, свои филиалы в германских княжествах и папскую курию в Италии, Франции, Испании, Англии и других странах.

9 – для вербовки умелых и стойких бойцов из числа чешско-моравских наемников. Ягайло нанял большое количество наемных солдат не только из чехов и моравов, но волохов, силезцев и некоторых других народностей Европы. Одних только наемных тяжеловооруженных кавалеристов или, проще говоря, рыцарей было навербовано несколько тысяч.

10 – Сигизмунд Венгерский, один из руководителей неудавшегося крестового похода против турок. Имеется в виду поход объединенных сил Жана де Невера, наследника герцога Бургундии Филиппа Смелого и венгерского короля Сигизмунда Люксембурга (см.) против турецкого султана Баязида Молниеносного, который закончился полным поражением европейского рыцарства под Никополем в 1396 году.

11 – Альберт Монвид был одним из лучших полководцев Витовта.

12 – Вольбож крупный населенный пункт, объявленный Ягайло местом сбора и смотра всех военных сил Малой Польши в преддверии большого похода на Мариенбург.

13 – Любохня, Высокиницы, Сеймицы, населенные пункты на маршруте движения малопольской армии Ягайло, выступившей из Вольбожа в направления Червинска для переправы и соединения с великопольскими и мазовецкими войсками, а также огромной армией Витовта.

14 – Козлово, населенный пункт на границе территории Великой Польши и Мазовии, расположенный на расстоянии дневного перехода от Червинска места заранее подготовленной переправы через многоводную Вислу.

15 – Ян Длугош. Грюнвальдская битва, СПб, «Наука», 2007, с. 68.

16 – Древенца, река являлась последней водной преградой на кратчайшем пути союзной армии к Мариенбургу.

17 – Кужентник единственное место на реке Древенца приемлемое для переправы вброд большой армии союзников. После преодоления этой последней водной преграды перед войсками Ягайло и Витовта открывался прямой путь к столице Тевтонского ордена.

18 – S.Kuczynski. Wielka wojna z Zakonem Krzyzackim. Wyd. nowe, Warszawa, 1960, c. 272 – 273, 315 – 318.

19 – крепость Братиан находилась на реке Древенце буквально в нескольких милях от Кужентника.

20 – населенный пункт Высокая и замок Зольдау (по-польски Дзялдово) находились на зачительном удалении на восток от места предполагаемой переправы через реку Древенца у Кужентника, где засели хорошо укрепившиеся войска великого магистра, что дало повод Ульриху фон Юнгингену расценить данный маневр союзной армии как бегство.

21 – Гильгенбург (по-польски Домбровно), тевтонский замок, расположенный на пути движения союзной армии к Мариенбургу вдоль реки Древенцы. Во время битвы при Грюнфельде-Танненберге вдали были отчетливо видны его башни, что нашло отражение в средневековых миниатюрах посвященных знаменательному сражению 1410 года.

22 – J. Possilge. Chronik des Landes Preussen. Scriptores rerum Prussicarum, B. 3, Leipzig, 1866, c. 303.

Глава 4 (33)

НАКАНУНЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СРАЖЕНИЯ У СЕЛЕНИЙ ГРЮНФЕЛЬД-ТАННЕНБЕРГ-ЛЮДВИГСДОРФ 15 ИЮЛЯ 1410 ГОДА ПЛАНЫ ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИХ СТОРОН И ЧИСЛЕННОСТЬ ИХ ВОЙСК

«Битва при Грюнвальде, инициатором которой выступил великий магистр Тевтонского ордена Ульрих фон Юнгинген, по существу явилась началом конца могущества крестоносцев в Прибалтике. С этого трагического для тевтонцев дня начался обратный отсчет времени их существования на Прусской земле».

(В.В.Новосельский)

Грюнвальденская битва

– происходила 15 июня 1410 г. у Грюнвальда и Танненберга, или, по выражению русских летописей, «межи грады Дубровны и Острода», на правом берегу нижней Вислы, на Юг от Мариенбурга. Возраставшее могущество рыцарского ордена не раз возбуждало опасения польского короля Ягайло и литовского вел. кн. Витовта. Непосредственным поводом к войне, окончившейся Г. битвой, послужило отнятие орденом у кн. мазовецких обл. Добржинской. Война оказалась весьма трудной для соединенных сил литовско-польских, так как рыцари имели на своей стороне многих союзников: их сторону держали чешский король Вацлав и венгерский король Сигизмунд. Орден располагал 80 тыс. войска. Сознавая важность момента, в Литве и Польше забыли племенные и областные счеты, и на борьбу с общим врагом было выставлено с лишком 150 тыс. войска, состоявшего из полков литовско-польских, белорусских (в том числе смоленские полки под начальством доблестного Юрия Лугвениевича) и многих малороссийских отрядов. Было привлечено и чисто татарское (сарайское) войско, около 30 000. Витовт, не дожидаясь общего сигнала, начал битву, но вскоре был смят сильным натиском немцев, и его литовско-русское войско (правое крыло) ударилось в бегство. (Данное утверждение, мягко говоря, не соответствует истине, так как автор статьи без должной критики в описании битвы следует

Длугошу. На самом деле более часа Витовт сдерживал Валленрода до тех пор, пока в бой не вступили польские войска против Лихтенштейна, после чего великий князь отдал приказ на ложное отступление своей подвижной легковооруженной коннице. Стоять на месте и прикрывать поляков от обхода справа Витовт оставил тяжелую кавалерию смоленской земли. Согласованным маневром, мастерски заманив рыцарей под прямой огонь обозной артиллерии и перекрестный обстрел татарских лучников хана Джелал-эд-Дина, Витовт практически полностью уничтожил левое крыло тевтонской армии – Н.В.В.). В этот критический момент славянское дело спасли смоленские полки, занимавшие место в центре подле поляков, близ дорог из Грюнвальда и Танненберга, по которым двигались силы немцев. Смоленские полки, стойко выдерживая натиск немцев, дали возможность Витовту собрать своих беглецов и послать им подкрепление, а польскому войску – пойти в обход к Грюнвальду и ударить в бок подвинувшимся вперед немцам. Это дало иной оборот битве, которую польские писатели потому и назвали Г. (Основные события на поле боя Грюнвальда развивались несколько иначе. Ккогда наступил критический для поляков момент, и пало королевское знамя большой краковской хоругви, а крестоносцы дружно запели победную песню, общее командование союзниками взял в свои руки Витовт. Он отдал приказ о вступлении в бой второй и третьей линии поляков, затем вновь ввел в дело возвратившиеся после разгрома европейских наемников литовско-белорусские, русско-украинские и татарские войска. Свежие польские и, пришедшие им на помощь уставшие войска Великого княжества, ударили по Лихтенштейну и резерву Ульриха фон Юнгингена. Вместе они не только окружили ударные силы великого магистра, но привели в полное замешательство дрогнувший и обратившийся в бегство фланг Лихтенштейна – Н.В.В.). Смерть магистра Прусского ордена, Ульриха фон Юнгингена, (которого убил хан Багар-эд-Дин – Н.В.В.) также имела сильное влияние на исход битвы. Одних убитых немцев считали до 40 тыс., да в плен взяли их до 15 тыс. Плоды дорого стоившей победы, однако, были ничтожны. Ягайло из-за победных празднеств упустил удобный момент для окончательного уничтожения Прусского ордена, и в 1411 г. был заключен мир, по которому орден получил назад все свои земли (Эта громкая победа, несмотря на последующие серьезные просчеты и полный разлад в действиях союзников, имела колоссальное значение для всего центральноевропейского региона. Как бы ни стремились

определенные силы принизить всемирно-историческое значение происшедшего события, невосполнимые людские потери Пруссии были столь серьезны, а международный престиж настолько подорван, что Грюнвальд вполне закономерно явился началом конца Тевтонского ордена, быстрого падения сильнейшей духовно-рыцарской организации в бездну забвения и безвестности – Н.В.В.).

(Статья из энциклопедического словаря Ф.А.Брокгауза и И. А. Ефрона. 2000 – 2009, Библиотека «Вехи»)

Маневр, совершенный армиями союзников у реки Древенцы, доставил Ульриху фон Юнгингену немало хлопот. Чтобы успеть отрезать врага от столицы Тевтонского ордена великий магистр вынужден был немедленно совершить рывок на север. Он должен был предпринять не просто решительный бросок со всей армией к стенам Мариенбурга, но, значительно опередив противника, встретить его на дальних подступах к столице, не позволив союзникам приблизиться к сердцу Пруссии, святая святых орденской земли. Под проливным дождем ночью все основные воинские контингенты тевтонцев ускоренным маршем двинулись наперерез союзнической армии. Очень быстрый, хорошо организованный последний переход позволил крестоносцам выйти на оперативный простор у селений Танненберг – Грюнфельд – Людвигсдорф и перекрыть дальнейший путь противнику на север, заняв господствующие позиции в месте выхода двигавшихся из-под озера Лаубнер (Лаубен) (Любень) в направлении Мариенбурга (Мальборка) союзных войск. Объединенная армия польского королевства и Великого княжества Литовского и Русского после разграбления Гильгенбурга (Домбровно) переночевала недалеко от озера, расположенного на пути их движения. Ягайло разбил свой лагерь южнее, а Витовт – севернее вставшей на их пути водной преграды. Татары ввиду их многочисленности укрепились на ночь отдельным лагерем, как это они делали и раньше, однако на этот раз он был выдвинут несколько вперед на север.

Ульрих привел свои войска к Грюнвальду заблаговременно, что позволило великому магистру основательно подготовиться к битве. Тяжелая кавалерия тевтонцев и отряды западноевропейского рыцарства – главная ударная сила, определявшая в средние века исход практически любого сражения, удобно разместились на возвышенностях от Танненберга до Грюнвальда. Выстроившись рано утром на широком холмистом поле узкими глубокими клиньями, закованные в тяжелую сталь рыцарские колонны полностью перекрыли движение войск неприятеля на Мариенбург. Передовые пехотные части крестоносцев еще ночью успели хорошо подготовить поле предстоящего сражения. Ими были обустроены артиллерийские позиции для бомбардиров, сделаны укрытия для лучников, а также созданы специальные инженерные сооружения против наступающей конницы противника. Тевтонцы вырыли на подступах к своей первой линии глубокие ямы-ловушки, дно которых было утыкано прочно вкопанными заостренными толстыми кольями. Прикрытые жердями, ветками и дерном очень простые и невероятно эффективные ловушки стали невидимы стороннему наблюдателю. Всю землю и песок из ям пехотинцы аккуратно собрали и на повозках вывезли в тыл для создания укрепленной земляной крепости в районе Грюнвальда, которая, кстати, им очень пригодилась во время отступления, однако не спасла проигранную битву. Хорошо замаскированные обычные ямы нанесли правому флангу союзных литовско-белорусских, русско-украинских и татарских войск значительно больший урон, нежели вся огневая мощь многочисленных пушек и бомбард тевтонцев, а также их арбалетчиков и лучников. Особенно пострадала конница татар эмира Багар-эд-Дина и легкие хоругви волынской кавалерии, которые первыми начали атаку.

Итак, рано утром 15 июля 1410 года войска противоборствующих сторон встретились у озера Лаубнер (Любень) между населенными пунктами Людвигсдорф (сейчас Людвиково), Танненберг (теперь Стембарк) и Грюнфельд (или Грюнефельде

впоследствии переименованный поляками в Грунвальд). Хотя мы привыкли называть это сражение по-русски битвой при Грюнвальде от польского произношения Грунвальд, что в переводе с немецкого означает «Зеленый лес» или «Жальгирис» в литовском звучании. Однако, на самом деле, поселения с названием Грюнвальд, или Грунвальд на территории Пруссии в 1410 году не было, а существовал населенный пункт с немецким названием Грюнфельд, что переводиться как «Зеленое поле» (а вовсе не лес), а Танненберг – «Еловая гора (холм)». Так что в этом случае полностью прав великий российский историк С.М.Соловьев, называвший сражение при Грюнвальде не иначе как *«битвой на зеленом поле».*

Когда вчера на закате дня Ягайло и Витовт спокойно ложились спать у разрушенного ими Гильгенбурга, великий магистр Тевтонского ордена Ульрих фон Юнгинген вместе с комтурами с высокого холма озирал место будущей битвы. Ему было ясно, что огромная армия врага обязательно проследует через Грюнфельд и Танненберг – других коротких прямых путей и удобных открытых дорог на Мариенбург не было, а идти по бездорожью с таким неимоверным количеством людей и подвод Ягайло и Витовт никогда не решаться. Историческая традиция славян и литовцев связывает разыгравшееся сражение с названием первого селения, в свою очередь немецкая историография произошедшую битву локализует с названием второго населенного пункта. Несмотря на то, что правильное название битвы при Грюнвалде – сражение при Грюнфельде-Танненберге-Людвигсдорфе, однако для простой экономии места, из-за частого употребления этого словосочетания, а также, учитывая сложившуюся традицию неправильного произношения немецкого населенного пункта в русской транскрипции, рациональнее все же оставить это название в прежнем звучании – Грюнвальдское сражение. Заменять привычное название новым всегда трудно, да и нет особого смысла это делать, тем более что суть исторического действа происшедшего шестьсот лет назад совершенно не меняется от того, как

будет называться само это судьбоносное для многих народов средневековой Европы событие.

К большому сожалению, все основные письменные источники нашей информации о вооруженном конфликте Великого княжества Литовского, Польши и Тевтонского ордена логично и последовательно говорят о ходе событий 1409-1411 годов, в освещении главного вопроса путаны и довольно сбивчивы. Они не дают полного и детального, а что самое обидное, объективного представления обо всех поистине трагических перипетиях Грюнвальдской битвы – решающего сражения этой войны. Мы располагаем слишком общими описаниями событий, происходивших на поле боя одной из наиболее грандиозных битв средневековой истории человечества. Хронисты, словно сговорившись, приводят неконкретные, туманные факты, как будто их основная цель не прояснить обстановку, а максимально ее запутать. Каждый из многочисленных первоисточников говорит, с одной стороны, излишне многословно о второстепенных вещах, с другой, фрагментарно, однобоко, невнятно, порою очень путано, когда дело касается действительно важного – хода самого сражения, описания действий, связанных с перемещениями войск и отданных приказах и распоряжениях командиров. Слишком часто средневековые авторы апеллируют не просто совершенно противоречивыми, но даже откровенно взаимоисключающими фактами. Подтверждением тому могут служить «Хроника войны короля польского Владислава с крестоносцами» (1), написанная сразу же после событий кем-то из поляков, и «Торуньский летописц» (2) – хроника орденских братьев, а также орденская «Хроника» Иоганна фон Поссильге (3). Наиболее подробным из всех дошедших до наших дней средневековых свидетельств является труд Яна Длугоша «История Польши» (4). Однако, с точки зрения объективности, он совершенно не отличается от перечисленных выше произведений, хотя в сравнении с ними эта объемная работа значительно в большей степени насыщена конкретными историческими деталями и немаловажными для

понимания эпохи фактами. Ян Длугош вполне открыто отстаивает интересы определенной группы польского общества, высшего слоя шляхты, политические и культурные идеи окружения краковского архиепископа Олесницкого. Несмотря на заявленную беспристрастность, Длугош недалеко ушел от прочих авторов, он также, как и они, был заражен националистической болезнью квасного патриотизма, стремился в полной мере отработать социально-политический заказ определенной части общества. Польский историк не мог быть независимым, оригинальным автором, он так же, как и орденские хронисты, упорно отстаивал лишь свою сугубо национальную точку зрения. Таким образом, по вполне понятным причинам национальный историк излагает своему польскому читателю исключительно заинтересованный взгляд на военный конфликт между Польшей, Великим княжеством и Орденом и особо не отличается чрезмерной объективностью в отображении событий. Предвзятость Длугоша подтверждается ярко выраженной субъективной направленностью излагаемого им исторического материала не только в отношении Ордена, но и относительно действий основного стратегического союзника Польши в войне с тевтонцами – Великого княжества Литовского, Русского и Жамойтского. Вот два характерных примера. Описывая военные силы противников перед Грюнвальдом, он не только называет все польские хоругви, кто их командир и где они были сформированы, но не забывает описать фамильный герб на знамени каждого полка. Не менее подробен Длугош при перечислении сил Ордена, но когда дело доходит до союзников, польский хронист называет лишь общее количество хоругвей Витовта, удосуживаясь упомянуть только половину названий городов, откуда прибыли литовско-белорусские отряды. Второй пример и вовсе выглядит со стороны солидного историка как явно провокационный, несмотря на то, что он должен был прекрасно знать об истинном смысле военных маневров Витовта при Грюнвальде. Длугош умышленно говорит о бегстве с поля боя «*разгромленных*» хоругвей

Витовта вплоть *«до самой Литвы»* (5). В своем описании Великой войны и Грюнвальдского сражения Длугош опирался не только на воспоминания соотечественников, современников тех знаменательных событий, противоречивые сведения которых он взял за основу, но и на произведения немецких писателей. Не осталась без внимания историка «Хроника войны короля польского Владислава с крестоносцами», написанная польским участником конфликта приблизительно в 1411 году сразу после заключения мира по горячим следам событий. Первоисточники однозначно указывают на активное участие армии Витовта в Грюнвальдском сражении с самого его начала до полного завершения. Тем не менее, несмотря на это, Длугош усиленно навязывает читателю мысль о малозначительности вклада Великого княжества в достижение победы и даже в постыдном бегстве его войск с поля боя. Скажите мне, как потрепанные войска великого князя, постыдно бежавшие в Литву, через непродолжительное время, всего-навсего каких-то пару часов, а то и меньше, вновь появляются на поле боя и как ни в чем не бывало, участвуют в дальнейшем сражении, громя противника по всему фронту? Какими же фантастическими качествами надо было обладать кавалерии Витовта, чтобы после такой дальней пробежки, какую устроил им Длугош, так быстро возвратиться назад! Затем беглецы действовали так, как будто своих коней только что вывели из стойла, а сами, сытно перекусив и хорошо отдохнув на печи, наконец, решили показать немцам «кузькину мать», или дальнюю дорогу туда, «где раки зимуют». Видимо, литовско-белорусским войскам надо было обладать поистине феноменальными способностями, неисчерпаемыми богатырскими силами, чтобы моментально покрыть расстояние в сотню-другую километров, при этом вернуться практически без потерь в полном составе, но без своих преследователей, непонятно куда исчезнувших войск Валленрода. Потом хоругви Витовта, как ни в чем не бывало с невероятной энергией и мощью атаковали выдвинувшийся вперед резерв великого магистра, взяли его в окру-

жение, уничтожили, а затем вместе с поляками добили группировку Лихтенштейна. По-моему этих двух примеров вполне достаточно, чтобы составить мнение об объективности Длугоша как историка. Сюда же можно отнести и все остальные, чисто орденские и общенемецкие средневековые хроники, белорусскую «Хронику Быховца» (6), а также «Хронику Литовскую и Жмойтскую» (7), многочисленные песни и сказания славяно-балтийских народов, предания белорусско-литовских татар. В них, если брать по отдельности каждое произведение без сопоставления с другими, мы видим лишь предвзятый, узконациональный подход к описываемым событиям, чрезвычайно раздутую, гротескно-выпуклую полемичность в рассмотрении решающей фазы столь серьезного военного конфликта.

Война между балтийско-славянскими этносами Польши и Великого княжества Литовского совместно с воинами Золотой Орды с одной стороны и германским народом государства крестоносцев, а также их друзьями из Центральной и Западной Европы – с другой, была решена всего одним генеральным сражением. Несмотря на всю сложность и продолжительность Великой войны она по существу была предопределена Грюнвальдом, на поле которого навсегда осталась лежать основная орденская сила – тевтонское рыцарство. Так или иначе, но международные последствия Грюнвальдского столкновения 1410 года были слишком серьезными для дальнейшего развития европейской цивилизации, чтобы мы по сей день продолжали оставаться в неведении относительно истинного вклада предков белорусского народа вместе с литовцами, украинцами, русскими и татарами в эту поистине судьбоносную победу. Пора, наконец, признать современным жителям Польши, что без полководческого мастерства Витовта, упорства и самоотверженности его воинов говорить о победе поляков при Грюнвальде было бы в высшей степени проблематично. Возможно, этот день как всенародный праздник сегодня существовал бы только для немцев.

Во всех без исключения первоисточниках, относящихся к периоду Великой войны, обращает на себя внимание открытая тенденциозность, национальная ограниченность, откровенная псевдопатриотическая направленность, однобокость и фрагментарность в освещении средневековыми авторами этих событий. И, если даже сегодня нам, людям двадцать первого века, в подавляющем большинстве своем существам интеллектуально развитым, высокообразованным, и, как выражается современная молодежь без комплексов – «продвинутым», порой слишком трудно быть выше узких рамок сугубо национального взгляда на далекие, но слишком важные для нашего уязвленного самосознания события. Что уж тогда говорить о жителях пятнадцатого столетия? Разве могли ожидать современники Грюнвальда от своих ограниченных писателей-патриотов истинной объективности и полной непредвзятости? Основная цель тружеников интеллектуального фронта, средневековых мастеров пера была скорее идеологической, нравственно-воспитательной, чем историко-просветительской в истинном смысле этого слова. Их первостепенная обязанность состояла в духовном сплочении, национальной консолидации сырого, еще не до конца сформированного общества. Например, мягкие экономические законы тевтонцев в большей степени побуждали отдельные польские города и земли тяготеть к Ордену и даже открыто выступать на его стороне, чем некие абстрактные моральные обязательства национальной принадлежности быть против него. О какой объективности историка, работавшего в тяжелые времена средневековья можно говорить, когда все вокруг определяла экономическая выгода. Радужная идея собственного независимого государства, призванного защищать эти хрупкие экономические интересы, была пропитана ярым национализмом и патологической ненавистью к инородцам. Только теперь мы имеем благодатную возможность проявить максимальную объективность по отношению не только к средневековым историческим произведениям, но и к их авторам, стремившимся отгородить-

ся от окружающего враждебного мира националистической скорлупой. Понимание того, что другого подхода от современников эпохальных событий Великой войны 1409 – 1411 годов в такой ситуации ожидать было бы просто нереально и в высшей степени неразумно, приводит нас к единственно правильному выводу – необходимо делать серьезные поправки в восприятие действительности людьми Средневековья. Безусловно, необходимо вносить соответствующую коррекцию в заявленную авторами объективность оценок и в предлагаемую ими реалистичность описываемых событий, брать из них рациональное зерно и, сопоставляя различные исторические материалы, делать самостоятельный от устоявшегося мнения (так или иначе обязательно кому-то выгодного) независимый вывод. Главные перипетии Великой войны как с одной, так и с другой стороны достаточно широко и весьма подробно отражены многочисленными участниками тех достопамятных событий. Однако в описании интересующей нас более узкой и в то же время более значимой темы Грюнвальда, наивысшей кульминационной точки кровавого противостояния 1409–1411 годов, чрезвычайно сказывается общий невысокий уровень культуры средневекового общества. Европейская цивилизация еще только осторожно вступала на узкую тропинку, ведущую к широкой дороге духовного обновления, культу знания, могуществу науки, к расцвету Ренессанса, бурным событиям географических открытий, к новому времени эрохи просвещения. Авторы хроник, во многом повторяя друг друга, часто отвлекаются на малосущественные детали, они не дают главного – ясной последовательности хода боевых действий. Мы вступили в XXI век, но до настоящего времени нет четкой картины всего Грюнвальдского сражения в целом, а также маневрах и тактических перемещениях армий и подразделений противников, осуществляемых ими непосредственно в ходе полномасштабно разворачивающихся кровавых событий грандиозной битвы. Нет поэтапного, объективного, детального освещения боя, рассмотренного с различных сторон. Средневековых

авторов переполняют бурные эмоции чрезмерно раздутого патриотизма, горячие чувства уязвленного национального самосознания. Ход реальных боевых действий отступает на второй план, и становиться малосущественным на фоне захлестнувшего эмоционального подъема, который полностью овладевает средневековыми хронистами в предвкушении великой победы или трагического поражения. Не было, к большому сожалению, в тогдашней Европе, кроме бледных потуг Длугоша, своего средневекового Полибия или Тита Ливия (8). Мастера исторической мысли и художественного слова периода Античности с блеском препарировали скрытую от посторонних глаз реальную историческую действительность, раскрывая загадочные тайны военных конфликтов Древнего мира. Они любую битву раскладывали по полочкам с точным указанием замыслов полководцев, со всеми тактическими перемещениями и маневрами войск в ходе детально опсываемого ими сражения, общей численности противоборствующих армий и потерь сторон. Однако мы не будем сдаваться, и, несмотря на огромные трудности, все же попытаемся реконструировать события шестисотлетней давности, происходившие 15 июля 1410 года между селениями Грюнфельд-Танненберг-Людвигсдорф и восстановить этот день с максимально возможной степенью достоверности. Для этого нам придется внимательно сопоставить между собой многочисленные детали, факты и отдельные замечания всех упомянутых выше авторов, а также использовать богатый опыт исторической науки и, конечно же, элементарный здравый смысл.

Надвигающееся с неумолимой неизбежностью страшное по своим масштабам сражение должно было стать поистине самым грандиозным, жестоким и кровавым столкновением в многовековом военном противостоянии германцев и славян. Однако крестоносцам противостояли военные силы не только славян (поляков, белорусов, русских, украинцев, чехов, славаков), но и балтов (литовцев), татар (тюрков), романских народов (волохов-румын и молдован). Против союзной армии Поль-

ши и Великого княжества выступили не только братья-рыцари самого Ордена вместе с покоренными народами Прибалтики, многочисленные немецкие друзья из германских княжеств Священной Римской империи, но и рыцарство из стран Центральной и Западной Европы и даже из некоторых областей самой Польши. Кроме того как союзниками, так и Орденом на время ведения активных боевых действий было привлечено большое количество наемных войск – многочисленных отрядов хорошо подготовленных и прекрасно экипированных профессиональных воинов из Богемии, Швейцарии, Венгрии, Трансильвании и других мест. Хотя эти люди сражались за деньги и с таким же успехом могли выступить на стороне врага, однако, в конце концов, им пришлось сделать осознанный выбор, где зачастую определяющим фактором все же были не только и не столько деньги. По существу, Грюнвальдское сражение являлось колоссальной по своему размаху битвой народов средневековой Европы между восточной ее частью и западной за преобладание и гегемонию в самом ее сердце в центре европейского континента.

Ульрих фон Юнгинген – великий магистр Тевтонского ордена сумел собрать огромные силы, он привел к Танненбергу, как говорит Длугош, 51 знамя, хотя на самом деле значительно больше. Часть захваченных в ходе сражения знамен крестоносцев, по которым мы судим о численности войск Ордена, было вывезено Витовтом на территорию Великого княжества, к тому же еще какую-то часть знамен, пусть незначительную, тевтонцам удалось вынести с поля боя и спасти, переправив в Мариенбург. В армию тевтонцев входили воины 22 народностей Европы с абсолютным преобладанием тяжеловооруженных конных германских рыцарей. И по сей день наиболее объемным, детальным, насыщенным тщательно проверенными историческими фактами, идеологически выверенным исключительно в интересах польской шляхты, трудом на основании которого мы делаем выводы о событиях шестивековой давности, является фундаментальный труд Яна Длугоша «История

Польши». Несмотря на то, что сохранившиеся исторические документы, кроме отдельных хроник и летописей, а также подробной работы Длугоша, не дают никаких конкретных цифр по числу участвовавших в сражении войск, современные историки смело выставляют на суд читателя совершенно противоречивые сведения. Так, например, разбежка в оценке количества орденских войск варьирует в пределах от 11 до 100 и более тысяч человек, а союзнических сил – от 20 до 200 тысяч. В некоторых первоисточниках указываются вообще умопомрачительные данные о численности войск союзников вплоть до нескольких миллионов воинов – больше, чем по Геродоту было войск у легендарного Ксеркса при вторжении персидских войск на материковую Грецию. Таким образом, перед нами стоит задача с максимальной критичностью более тщательно и объективно, чем это было до сих пор, рассмотреть этот немаловажный вопрос.

С легкой руки Ганса Дельбрюка, известного теоретика военного искусства конца XIX начала XX столетия, человека в свое время очень популярного и авторитетного, до сих пор в учебной и научно-популярной литературе называются смехотворно низкие цифры по количеству войск Ордена в битве при Грюнвальде. Из 11 тысяч, на которые указывают авторы сомнительных публикаций, ссылаясь на мнение немецкого ученого прошлого века, который, в свою очередь, ссылался на мнение другого немца, а тот…собственно рыцарями являлись всего лишь 4 тысячи человек, остальные 7 тысяч были оруженосцами и арбалетчиками. Такое явное занижение сил Тевтонского ордена, позорно проигравшего самое важное и значительное сражение в своей истории, с точки зрения ученого прошлого века по национальности немца, вполне понятно и легко объяснимо, тем более в связи гипертрофированным чувством национальной гордости германской рассы накануне Первой мировой войны. Мне только непонятно одно, зачем, особо не утруждая свой ум, не задумываясь над истинными мотивами действий Ганса Дельбрюка и его предшественников,

нам, потомкам победителей славянам и литовцам повторять вслед за ними целое столетие, вплоть до сегодняшнего дня, столь явную ложь. Несомненно, главная цель Ганса Дельбрюка состояла в том, чтобы навязыванием научному миру своего авторитетного мнения скрыть реальное число участников битвы. Обосновывая малочисленность войск противников, он тем самым принижал истинные масштабы Грюнвальдской катастрофы для Тевтонского ордена. Естественным следствием такого подхода являлось умышленное принижение роли Грюнвальда, полное игнорирование всемирно-исторического значения одной из самых грандиозных битв Средневековья и всей истории человечества.

Неоспоримым опровержением столь легковесных выводов немецких «специалистов» военной истории являются многочисленные средневековые документы, которые, все как один, красноречиво свидетельствуют о грандиозных масштабах сражения. Зачастую даже не называя конкретные цифры количества войск участников сражения, они сходятся в главном – небывалых прежде масштабах разыгравшейся военной драмы. Все они рассказывают, что погибших при Грюнвальде было так много, что не только само поле битвы было покрыто телами павших воинов, но и все близлежащие леса, луга, болота, берега озер и рек, а также все дороги на многие километры были усеяны трупами крестоносцев, их вассалов и друзей. Только высшего руководства Ордена и наиболее именитых рыцарей среди убитых было свыше 600 человек.

Трудолюбивый и скрупулезный Ян Длугош оставил потомкам самую подробную историю средневековой Польши, а также отчасти Великого княжества Литовского, Русского и Жамойтского. В вопросах, связанных с описанием мирных взаимоотношений двух государств, а также совместных боевых действиях, направленных против третьих стран, Длугош являлся, несомненно, одним из наиболее авторитетных, хотя одновременно и тенденциозных авторов. Польский историк, один из немногих, кто указывает конкретные цифры потерь

Ордена при Грюнвальде в 50 тысяч убитых и 40 тысяч плененных крестоносцев. Не верить в объективность названных цифр нет совершенно никаких причин, поскольку эти данные в полной мере соответствуют реальной численности войск Тевтонского ордена легко устанавливаемых другими способами подсчетов. Здесь Длугошем, без всякого сомнения, указаны не только сами тевтонские рыцари, но все кто входил в состав их огромной армии, включая многочисленных наемников, воинские формирования из подвластных и зависимых земель. Там были бомбардиры, арбалетчики, пехотинцы кнехты, обозные служащие, многочисленные телохранители, стременные с запасными элитными жеребцами для рыцарей, оруженосцы, лучники и прочая личная гвардия крупных, средних и мелких феодалов. О том, сколько людей воевавших на стороне Ордена спаслось, Длугош правда не говорит, но и так понятно, что силы тевтонцев занижены Дельбрюком почти в 10 раз. Это не что иное, как преднамеренное искажение истории. Как мы видим, число в 11 000 воинов не имеет ничего общего с истинными размерами армии Ордена и является правильным только в отношении тех сил, которыми располагал Тевтонский орден в обычной рядовой ситуации. Такими примерно силами пользовались маршалы или даже комтуры отдельных территориальных образований Ордена при очередном профилактическом набеге на пограничные земли соседей. Какой все-таки армией обладало мощное государство крестоносцев перед решающей битвой? Какими силами располагали великий магистр Ульрих фон Юнгинген и его ближайшее окружение в преддверии сражения, которое должно было определить дальнейшую судьбу Тевтонского ордена? Если учесть, что свою помощь обещали оказать многочисленные друзья и союзники почти со всей Центральной и Западной Европы, какая в итоге получается чудовищная военная сила?

Мы не должны забывать, что на помощь к орденским братьям прибыли искатели приключений, воинской славы и просто легкой добычи практически со всей Европы. Всего же при-

глашенных гостей и различного рода наемников, включая войска Ливонского ордена, который благодаря стараниям Витовта привел на помощь тевтонцам всего лишь одно знамя или полк рыцарей, набралось дополнительно не менее 25 тысяч всадников и 15 тысяч пехоты. Из этих рыцарей и их оруженосцев впоследствии была сформирована ударная линия великого маршала Фридриха фон Валленрода. Значительную часть войск Ордена составляли союзные контингенты и полки, присланные правителями немецких княжеств, поморских земель, князьями Силезии, королями Чехии, Венгрии, а также пехотные отряды, сформированные из подвластных народов. Таким образом, общая численность войск Ордена составляла, если исходить из реальных возможностей крестоносцев и существенной помощи преданных друзей, по самым скромным подсчетам как минимум 60 тысяч конницы (хорошо подготовленных рыцарей, оруженосцев и стрелков), а также дополнительно до 35-40 тысяч тяжеловооруженных и вспомогательных отрядов пехоты, включая обозную и пушечную обслугу. Таким образом, реальная численность армии крестоносцев доходила до 95-100 тысяч воинов.

Эти настоящие мастера военного дела были способны и значительно меньшими силами одерживать убедительные победы над самым сильным врагом. Вспомните битву при Стреве, походы на Вильно, другие военные кампании тевтонцев или хотя бы начало Великой войны, когда крестоносцы в считанные дни разгромили силы поляков, оккупировав значительные территории противника. Кроме того, тевтонцы располагали новейшим оружием, у них находились бомбарды, стрелявшие каменными и свинцовыми ядрами. Первое официально документированное употребление ими бомбард относиться к 1381 году, однако уже в 1408 году мастерами из Мариенбурга была отлита к тому времени лучшая в Европе пушка, названная за свою небывалую поистине смертоносную мощь и разрушительную способность «*Бешеная Грета*». Это огнестрельное орудие весом более 16 тонн, калибром в 680 мм,

способно было двумя-тремя выстрелами пробивать мощные стены каменных крепостей. Ядра, весившие до 400 кг, а иногда и больше, перевозились каждое на отдельном специально оборудованном колесном транспорте, запряженном десятками мощных коней-тяжеловозов. В обычный поход брали, как правило, не больше 14 ядер. Эффективность первых пушек при штурме фортификационных сооружений была уже достаточно высокой, но еще очень низкой при их применении в полевых условиях против живой силы противника, что особо наглядно было доказано Витовтом на Ворскле, когда орудия оказались практически бесполезными против быстро перемещавшихся волн татарских всадников. Однако польско-литовская армия не сильно отставала от войск Ордена в обеспечении самым передовым военно-техническим оснащением, она также имела бомбарды, но опять же славянская неорганизованность сказалась в самый ответственный момент. К началу битвы часть пушек польских сил союзной армии застряли в обозе, значительно отставшем от основных сил, по этой простой причине только Витовт применил их в Грюнвальдском бою. Хотя есть и другая версия, что, мол, зная бесполезность использования пушек в полевых условиях, Ягайло приберег их для осады рыцарских замков, в первую очередь Мариенбурга. Но самая простая и убедительная третья версия. Орудия поляки даже не выводили из лагеря и не устанавливали на передовой из-за того, что порох отсырел, и стрелять из нового, может быть не столь эффективного, сколь эффектного и чрезвычайно модного оружия было просто невозможно. Однако есть веские причины считать, что именно Витовт употребил пушки по своему прямому назначению, притом в отличие от немцев он это сделал с высочайшей эффективностью, как говорится в «Хронике Литовской и Жмотской»: «*Навели немцев на свои гарматы, навевши раскочилися, а тут зараз з гармат дано агню, где зараз немцов килка тысячий полегло*» (9). В результате мастерски осуществленного отвлекающего маневра легких хоругвей Витовта почти все наемники левого фланга тевтонских войск

бесславно полегли на поле Грюнвальда возле лагерных укреплений у озера Лаубен. Оказавшиеся в ловушке знамена Валленрода были в упор расстреляны из пушек, в то время когда татары с правого и левого флангов добивали европейских рыцарей перекрестным огнем из мощных луков, а затем Джелаэд-Дин окончательно захлопнул ловушку еще и с тыла, взяв наемников в котел полного окружения.

Отдельным вопросом следует рассмотреть откровенно пропольскую позицию Яна Длугоша – основного нашего первоисточника о Великой войне. Совершенно не объективное, снисходительно-покровительственное отношение автора «Истории Польши» к действиям литовско-белорусских и русско-украинских войск (разумеется, за исключением русско-белорусских полков из Смоленской земли, удержавших центр и спасших поляков от окружения) на поле боя при Грюнвальде сегодня уже практически ни у кого не вызывает сомнений. Объясняется такая позиция принадлежностью историка к влиятельной группе националистически настроенной польской элиты, той части общества, которая только себя считала наследниками славы Грюнвальда, единственными претендентами на роль той главной и решающей силы, которая добилась исторической победы над тевтонцами. Произведение Длугоша должно было закрепить в веках неоспоримое лидерство польского дворянства, символизировавшего собой превосходство духа рыцарства и шляхетской свободы над остальными участниками военного союза. Явное пренебрежение к боевым качествам вооруженных сил Великого княжества Литовского, Русского и Жамойтского особенно ярко видно на примере детального анализа польским историком состава хоругвей участников сражения. С одной стороны, он не только подробно описывает все полки Польши и Ордена, в какой земле они сформированы, кто является командиром, но даже рассказывает о гербах на их знаменах, посвящая этому целые главы своего произведения (Длугошем написан даже отдельный исторический труд, посвященный скрупулезному описанию захваченных орденских воин-

ских символов – «Прусские знамена»). С другой стороны, Длугош дает лишь беглое, пренебрежительно-снисходительное упоминание о некоторых хоругвях Великого княжества, у него, как это ни странно, не хватило ни сил, ни желания просто назвать хотя бы половину полков Витовта, принимавших участие в Грюнвальдской битве. Нехотя, словно выполняя тяжелую повинность, он в какой-то спешке мимоходом говорит о крупных населенных пунктах Великого княжества, которые выставили отряды и ополчения для войны и опять почему-то далеко не все города, снарядившие воинов в поход, называет. О какой объективности Длугоша в этом случае можно говорить?

Вместо правдивого, беспристрастного описания хода тяжелой битвы и той роли, которую сыграл в ней дерзкий план Витовта по ложному отступлению части войск правого фланга, Длугош предпочел пойти другим путем. Он выставил на всеобщее посмеяние союзников Польши, ложно обвинив их в трусости и постыдном бегстве с поля боя. Прекрасно зная о решающей роли Витовта в Грюнвальдском сражении (часто он просто не в силах сдержать своего восхищения решительными и смелыми действиями литовского князя), польский историк постарался максимально принизить боевые качества и значение его армии. Длугош ничего не говорит о глубоко продуманных действиях Витовта, которые позволили разрушить строгие построения орденских войск, заманить ложным отступлением в засаду и разгромить весь левый фланг войск крестоносцев под началом опытного полководца Валленрода, а затем окружить и уничтожить основные силы Ордена. Вместо этого Длугош обвинил в трусости войска князя, по его словам, они, якобы, не в силах выдержать натиск крестоносцев, позорно бежали до самой Литвы. Преподнося именно в таком унизительном, совершенно неприглядном свете действия войск Великого княжества, средневековый историк руководствовался всем чем угодно, но только не объективностью.

Каких же именно мотивов придерживался известный хронист говорить лишний раз, по-видимому, не стоит. Отряды бе-

лорусов, литовцев, украинцев, татар и русских ценой огромных жертв более часа мужественно сдерживали яростный натиск наемников Валленрода, в то время, как польские войска безучастно наблюдали за неимоверно кровопролитным сражением. Однако Длугош запечатлел все по-своему, выставив воинов Витовта трусами. То были старые, как мир, и, к сожалению, неистребимые уловки, когда принижением роли великого союзника, полным игнорированием мужества белорусско-литовских воинов, автор стремился возвысить свой собственный народ и его шляхетских лидеров.

Авторитетный на родине польский исследователь С.Кучинский, говоря о численности войск при Грюнвальде, практически уравнивает силы Ордена и союзной армии, при этом сильно занижая истинное количество участвовавших с обеих сторон воинов (10). Один только князь Витовт, не считая сил Ягайло, чтобы раз и навсегда покончить с агрессивным соседом, мог довольно легко собрать армию более чем в 100 тысяч человек. Об этом можно смело говорить, зная о мобилизационных списках Великого княжества 1529 года, на которые ссылается, кстати, сам Кучинский, позволявшим выставлять 24,5 тысячи конного войска. Витовту в 1410 году, располагавшему всеми материальными и людскими возможностями государства, территория и население которого была в три раза большими, чем в 1529 году, без всякого напряжения сил, призывая только своих вассалов, непосредственно зависивших от воли великого князя, можно было собрать до 70 тысяч человек одной лишь отборной кавалерии. Союзные татарские ханы, наемники и крестьянское ополчение легко делали его армию в два раза большей и доводили общую численность войск литовско-белорусского государства до 140 и более тысяч человек. Историческое подтверждение тому, что Витовт при Грюнвальде мог реально располагать такой огромной военной силой, мы находим в русских летописях, описывающих события десятилетней давности. Все источники уверенно указывают на огромную армию, собранную литовским князем для похода

против Эдигея и Тимир Кутлуя. В битве на реке Ворскле в 1399 году ее общая численность доходила, по разным сведениям от 70 до 100 тысяч, где только тяжелой рыцарской конницы было более 20 тысяч человек. Почему же спустя 11 лет, окончательно утвердившийся неограниченным властителем литовских и западной части обширных восточнославянских земель, великий князь Литвы и Руси не мог выставить подобную армию? Я думаю, что не только мог, но обязательно должен был выставить армию, способную в случае враждебного поведения польской шляхты и непредвиденных действий Ягайло, самостоятельно, один на один, если не победить, то хотя бы на равных противостоять крестоносцам. Витовт привел в Пруссию летом 1410 года армию, которая могла дать не просто адекватный отпор объединенным орденским силам, как это делали раньше войска Миндовга, Тройдена, Витеня, Гедимина, Ольгерда и Кейстута, но с помощью поляков разгромить основные ударные части тевтонцев и навсегда уничтожить ненавистное орденское государство. Документ, который ярко подтверждает огромную численность войск великого князя – «Хроника Литовская и Жмойтская» сообщает следующее: *«...В той войне (битве) не все наши билися, другий и шабли не добывал (не вынимал), бо было поле тесное»* (11). Огромное поле Грюнвальда было, как мы видим из слов летописца, слишком тесным для армии Витовта, принявшей основной удар крестоносцев и, по сути определившей дальнейшую судьбу битвы.

Таким образом, мы выяснили, что Витовт при желании мог собрать армию способную на равных противостоять Тевтонскому ордену и его друзьям даже без польских войск Ягайло, так как для великого князя такая задача не только не являлась неразрешимой проблемой, но на самом деле не представляла никакого особого труда. Но хотел ли Витовт этого и какую армию привел на соединение с двоюродным братом на самом деле? Ответ на первый вопрос может быть только один, Витовт однозначно хотел скорейшего уничтожения Ордена, могущество которого особенно бурно начало расти в последние

десятилетия XIV века, а к началу нового XV столетия стало для великого князя просто угрожающим. Корыстный и расчетливый орденский капитул, начиная со времени правления Миндовга, опутал долгами и кабальными обязательствами литовских правителей до такой степени, что при Витовте это реально грозило государству полной потерей самостоятельности уже в самое ближайшее время. Великому княжеству грозила гибель и поглощение орденским государством, если только со стороны Витовта в ближайшее время не будут приняты самые радикальные меры.

В годы борьбы за великокняжескую власть, спасаясь от преследований Ягайло, Витовт волею судьбы вынужден был проживать на территории Ордена. Там он длительное время находился в тесном контакте с тевтонской политической элитой, поэтому слишком хорошо знал ее истинные планы и жизненные устремления. Литовский князь понимал, что руководство крестоносцев давно поставило перед собой масштабные завоевательные цели. Своей главной задачей в ближайшей перспективе они видели поглощение соседних литовских, белорусских и польских земель, постепенное подчинение своей власти не только Жемайтии, но и всего Великого княжества. И когда Витовт по-настоящему осознал всю опасность тевтонской угрозы, он примирился с Ягайло и восстал против Ордена. Великий магистр Конрад фон Валленрод, родной брат Фридриха фон Валленрода, жестоко отомстил Витовту. Он избрал самый низкий, поистине изуверский способ мщения, вполне под стать другим «богоугодным» деяниям рыцарей креста. Руководитель Ордена, не задумываясь, отдал приказ отравить беззащитных детей Витовта, находившихся в заложниках у предусмотрительных крестоносцев в Мариенбурге. С тех самых пор, как мятежный князь доверил жизнь близких и свою судьбу тевтонцам, у него постоянно болело сердце, предчувствуя страшную беду. Витовт пытался вызволить несчастных детей, как это он успел сделать со всеми своими родственниками и преданными друзьями, но опоздал, жернова

войны, безжалостно перемалывающие человеческие жизни, были уже запущены. Несмотря на то, что психологическое состояние Витовта было сильно подорвано страшным горем, а его от природы мягкий характер подвергся новым тяжелейшим испытаниям, он сделал в сложившейся ситуации единственно правильный выбор, он решил идти до конца, бороться до полной победы над жестоким врагом. Это свидетельствует лишь о том, что к тому времени духовно великий князь стал очень сильным человеком. Несмотря ни на что, Витовт все же выступил против своих недавних «благодетелей» решительно и с оружием в руках в тесном союзе с двоюродным братом, человеком мнительным, ненадежным и не менее опасным, чем крестоносцы. Витовт это делал не только и не столько ради приобретения власти абсолютного монарха, сколько для сохранения независимости и процветания родной земли. Последующие события покажут это со всей очевидностью. Его не остановила ни закономерная в таких случаях месть крестоносцев и возможная смерть родных детей от рук обозленных рыцарей-монахов, ни новая измена Ягайло, вполне допустимая, учитывая непомерное властолюбие короля, грозившее повторением безжалостного пленения с угрозой мучительной смерти в каменных застенках. Риск для Витовта на этот раз был как никогда велик, но Ягайло обещал слишком многое, и сын Кейстута, невзирая на душевную боль, невосполнимые утраты и полный туман, плотной пеленой скрывавший тревожное будущее, смело пошел навстречу непредсказуемой судьбе.

Мог ли Витовт в ситуации, когда можно было, используя поддержку Польши, что называется «по полной» рассчитаться со своими кровными обидчиками, не хотеть всеми фибрами своей души, униженной и оскорбленной, навсегда избавиться от смертельно опасного, умного, жестокого, сильного и коварного врага? Вспоминая свое прежнее жуткое состояние, положение полурастоптанного человека, мог ли великий князь не хотеть справедливой мести за отнятое у него самое дорогое

и ценное – наследников? Какую же по численности армию окрепший великий князь, теперь уже прочно стоявший на ногах, уверенно руководивший огромной, сплоченной, сильной страной, должен был привести для окончательного выяснения отношений с главным врагом своей жизни спустя полтора десятилетия? Небольшую символическую армию, как это сделал магистр Ливонского ордена, приславший в помощь тевтонцам при Грюнвальде незначительный отряд для того, чтобы просто формально отметиться своим присутствием на поле боя, словно они пришли на ничего не значащую прогулку по благоденствующей, ухоженной, застроенной рыцарскими замками Пруссии? Витовт, очевидно, хотел не просто прогуляться до Мариенбурга и обратно, а, собрав все силы, ударить объединенной мощью славян, татар и литовцев по зарвавшейся, не в меру воинственной, чрезмерно заносчивой, невероятно спесивой и слишком самоуверенной германской духовно-рыцарской элите. Он жаждал сполна расквитаться с ненавистными баронами и графами в монашеском одеянии, со всеми этими высокородными «фон юнгингенами, фон валленродами, фон лихтенштейнами» и прочими «фонами».

Большой ли выбор был у Витовта? Попробуйте ответить сами. И, если его хитрый двоюродный брат, сын воинственного Ольгерда, этот ягненок на польском троне проявлял нерешительность, постоянно колебался и до самой последней минуты был готов на компромисс с Орденом, то Витовт настойчиво рвался в бой, намереваясь раз и навсегда покончить с могуществом заклятого врага своего народа. Являясь не на словах, а на деле настоящим рыцарем чести, Витовт был поистине одержим непреклонным стремлением к войне и жаждой справедливой мести. Добившись главного – Великое княжество вступило в кровопролитную войну не один на один с Тевтонским орденом, а совместно с Польшей – Витовт теперь должен был приложить максимум усилий, чтобы выиграть решающее сражение своей жизни. Первым атаковав врага, вступив в тяжелый Грюнвальдский бой, великий князь подверг себя

и своих людей страшному риску, он целый час в одиночку сдерживал давление западноевропейской тяжеловооруженной конницы великого маршала Валленрода, одного из наиболее талантливых полководцев средневековой Европы, потеряв при этом от трети до половины своих лучших бойцов. Без поддержки польских войск, рвавшееся в бой рыцарство преднамеренно и вполне расчетливо сдерживал Ягайло, белорусы, литовцы, татары, русские, украинцы правого крыла союзной армии Витовта не только выстояли, но и смогли победить западноевропейское воинство Валленрода, а затем и резерв великого магистра. Как пишет автор «Хроники Быховца», сумели: *«...и самого мистра (магистра) и всех куиторов (комтуров) его до смерти побили, и бесчисленное множество немцев поимали и побили, а иные войска ляцкие (польские) ничого им не помогали, только на то смотрели»* (12).

А теперь настало время поговорить о том, что до сих пор обходили молчанием историки, либо на что особо не обращали внимания маститые ученые мужи. Тема полководческого дарования Витовта, несомненно, имеет первостепенное значение для дальнейшего детального исследования и объективной исторической оценки Грюнвальдской битвы, но ни кем почему-то до настоящего времени не выделена для отдельного рассмотрения. Говоря о полководческих способностях Витовта мало сказать, что он был талантливым командиром. Великий князь Литвы и Руси был выдающимся полководцем эпохи Средневековья, ко времени сражения при Грюнвальде-Танненберге приобрел колоссальный практический опыт, в том числе и печально известный на Воркслe. По моему глубокому убеждению, все в этой жизни взаимосвязано, ничто не происходит просто так, без веских причин, и никогда не исчезает бесследно не оставив своего следа. Так же и Ворскла послужила Витовту великолепным уроком, когда главными причинами поражения явились как переоценка собственных сил, так и банальные тактические просчеты, а также отсутствие выдержки, хладнокровия и трезвого расчета. Но ко времени Великой войны Ви-

товт достиг успехов не только как стратег, но и как умелый тактик. По своим виртуозным способностям четкого видения как ближайшей, так и отдаленной перспективы, великий князь накануне Грюнвальда уже не знал себе равных среди самых выдающихся политиков и полководцев своего времени. В ходе проведения на земле Пруссии генерального сражения он блестяще это доказал.

Витовт, хотя и постепенно, на собственных ошибках и промахах, но неуклонно приближался к тому высшему идеалу совершенного владения основными тактическими приемами военного искусства, которые при любых обстоятельствах позволяли одерживать верх над противником. В его отточенном мастерстве умелого полководца, виртуозно владевшего различными методами и приемами боя, в блестящем их использовании отчетливо проступала рука мудрого учителя. Витовт в вопросах тактики и стратегии – сути масштабного ведения военных опперации – не знал себе равных среди современников, целеустремленно приближаясь к своему недостижимому идеалу, безусловному и единственному гению войны всех времен и народов – Ганнибалу. Только военный талант, подобный Ганнибалу, мог решить задачу разгрома и уничтожения лучшей рыцарской армии мира в открытом бою на ровном поле. По существу, Витовт явился тем единственным в истории полководцем, кто реально справился со смертоносным ударом тяжелой многотысячной лавы рыцарской конницы. Такие исторические примеры, как всем известное Ледовое побоище 1242 года на Чудском озере, из-за малочисленности принимавших в сражении сил мы в расчет принять не можем. Однако мастерство, с которым Александр Ярославич одержал блистательную победу (в основном благодаря удачным действиям переяславской дружины брата Андрея), вызывает неподдельное восхищение.

Витовт был тем единственным полководцем, кто на практике смог противостоять в открытом сражении ужасающей по своей мощи атаке огромной многотысячной железной лавины. Великий князь больше часа на равных противостоял тяжело-

вооруженному врагу, удерживал его напор, имея в своем распоряжении в основном легкую кавалерию и пехоту. Хотя тяжелой конницы у Витовта было больше половины от общего числа кавалерии, но она практически вся находилась в засаде либо прикрывала польский фланг. И великий князь не только удержал эту яростную, рвущуюся вперед железную массу, до момента вступления в бой основных сил поляков, но, более того, совершил отвлекающий маневр, разваливший стройные ряды врага. Закованные с головы до пят в тяжелую броню конные всадники, обычно легко и безжалостно сметающие и уничтожающие все живое на своем пути, ничего не могли поделать с мужеством белорусов, литовцев и татар. Витовт ложным отступлением разрушил четкие построения крестоносцев, их плотные ряды были сильно расстроены, перемешаны и стали плохо управляемы. Та часть войск крестоносцев, которая бросилась вдогонку за ложно отступающими татарами Багар-эд-Дина и другими легкими белорусско-литовскими и украинскими кавалеристскими подразделениями, была почти вся уничтожена тяжелой конницей хана Джелал-эд-Дина, находившейся в засаде и поджидавшей опрометчивого противника с луками наперевес. В ходе последовавшего затем по преимуществу бесконтактного боя с использованием мощных дальнобойных луков и орудийного огня артиллерии, а также умелых действий пехоты, лавина преследователей была остановлена, окружена и уничтожена. Затем сын Кейстута сумел полностью окружить основные силы резерва и правого фланга крестоносцев. Умелый, но слишком самоуверенный враг, который длительное время не знал серьезных поражений, еще долго оказывал упорное сопротивление. Однако, несмотря на все мужество, противник был окончательно сломлен действиями войск Витовта совместно со второй и третьей линиями польских рыцарей и пехоты, наконец-то вышедших из леса и подключившихся по требованию великого князя к битве. Вскоре союзники приступили к планомерному повсеместному истреблению крестоносцев на всем пространстве от Людвигсдорфа до Грюнвальда и Танненберга.

•

Однако, несмотря на невероятно большую, даже по современным меркам численность союзной армии Польши и Великого княжества, крестоносцы при Грюнвальде были абсолютно уверены в своей неминуемой победе. Нам до сих пор известны слишком немногочисленные документально подтвержденные примеры, которые бы говорили о сражениях, подобных Грюнвальду. Столкновений могущественных средневековых властителей, в ходе которых достоверно известно о таких крупных и масштабных битвах, как Грюнвальдская, слишком мало. Наиболее массовыми и в тоже время ожесточенными сражениями Средневековья были:

1) сражение 971 года под Доростолом между войсками Византии и ратью Киевского князя Святослава;

2) битва норманнов с англосаксами при Гастингсе 1066 года;

3) победа крестоносцев над турками-сельджуками в битве при Дорилее в 1097 году;

4) разгром Салах-эд-Дином объединенной армии крестоносцев под Хаттином в 1187 году;

5) разгром испанскими королями вдвое превосходящую по численности армию арабов в 1212 году в битве при Лас-Навас-де-Толоса;

6) битва при Бувине 1214 года, когда французский король Филипп разбил коалицию англичан и немцев под командованием Иоанна Безземельного;

7) знаменитая битва на Калке 1223 года между татарами и половцами, выступившими в союзе с русскими князьями;

8) уничтожение Батыем полков великого князя Северо-Восточной Руси Юрия Всеволодовича в битве на реке Сити в 1238 году;

9) сражение при Легнице 1241 года, когда полководец Батыя Байдара с двумя туменами разгромил объединенные силы Европы под руководством герцога Силезии Генриха II;

10) битва при Куртре 1302 года между фламандцами и французами;

11) победа крестоносцев в 1348 году над объединенными силами Ольгерда и Кейстута в битве при Стреве;

12) разгром Ольгердом татар на Синих Водах в 1362 году;

13) победа 1380 года Дмитрия Донского над темником Мамаем на Куликовом поле;

14) разгром турками-османами южных славян в битве на Косовом поле в 1389 году;

15) разгром в многодневной битве на реке Кондурча 1391 года Тамерланом войск Золотой Орды Тохтамыша в степях под современным Саратовом;

16) окончательный разгром Тохтамыша Тамерланом на Тереке 1395 года.

Кроме того к значительным сражениям относятся три крупнейшие битвы между англичанами и французами времен Столетней войны:

17) при Креси 1346 года;

18) при Пуатье 1356 года;

19) при Азенкуре 1415 года;

20) поражение в битве при Никополе в 1396 году объединенных сил Западной Европы во главе с королем Венгрии Сигизмундом и сыном герцога Бургундии, наследником Филиппа Смелого Жаном де Невером от турок-османов Баязида I Молниеносного;

21) поход на территорию раздробленной Золотой Орды объединенной армии Великого княжества, Польши и Тевтонского ордена под руководством Витовта и ее полный разгром эмиром Эдигеем на реке Ворскле в 1399 году;

22) карательный поход 1399 года пятидесятитысячной экспедиции Василия Дмитриевича в города Волжской Булгарии;

23) разгром и пленение Тамерланом Баязида Молниеносного в битве под Анкарой в 1402 году;

24) Грюнвальдское сражение 1410 года;

25) битва при Варне в 1444 году, когда турки-османы разбили венгров, поляков, словенцев, немцев и румын (валахов);

26) битва при Павии 1525 года между испанцами и французами за господство над Италией;

27) к одной из крупнейших баталий средневековья относится взятие в 1552 году стопятидесятитысячной армией Ивана Грозного Казани;

28) сражение 1558 года французов с испанцами у крепости Гравелин;

29) блистательная победа Густава Адольфа 1631 года в битве при Брейтенфельде около Лейпцига;

30) знаменательное сражение шведского короля Густава Адольфа, состоявшееся во времена Тридцатилетней войны в 1632 году при Лютцене.

Вот, пожалуй, и все крупные битвы средних веков, только поставить рядом с кровавой бойней при Грюнвальде можно по масштабам разве что битву на Куликовом поле, две битвы Тамерлана с Тохтамышем на Кондурче и на Тереке, поражение Витовта на Воркслe и, возможно, взятие Иваном Грозным Казани. Для перечисления битв подобных Грюнвальдской хватило пальцев одной руки. Не густо, не правда ли, если учесть временной интервал Средневековья общей продолжительностью более, чем в тысячу лет?

Готовясь к поединку с союзниками, Орден сосредоточил в своих руках неслыханную по тем временам военную мощь. На помощь к тевтонцам прибыло отборное рыцарство чуть ли ни всего Запада, а благородный Ульрих фон Юнгинген накануне сражения был как никогда спокоен за дальнейшую судьбу своего государства. Он был совершенно невозмутим и непоколебимо тверд перед лицом любых возможных неожиданностей, как со стороны коварного врага, так и непредсказуемой судьбы. Кстати сказать, накануне Грюнвальдского сражения неким прорицателем была предсказана великому магистру скорая смерть, к тому же ему приснился вещий сон, в котором он погибает на поле боя. Однако Ульрих не изменил своего решения и вывел войска на бой. По непоколебимому убеждению магистра, впереди могущественный Орден могла ожидать

лишь немеркнущая слава и полная победа над врагом. Его собственная судьба не имела никакого значения на фоне величайшего триумфа воли, мужества и воинской доблести храбрых тевтонских бойцов. Ульрих был абсолютно уверен, что именно теперь Ордену нужна громкая, убедительная победа. Она нужна, чтобы показать всем, кто является истинным защитником католической веры и западной цивилизации от угрозы с востока, наползающей страшной черной силы неверных мусульман, варваров язычников, православных схизматиков и изменников – поляков. Победа над Ягайло и Витовтом, в последнее время чрезвычайно осмелевшими из-за поддержки татарских войск Джелал-эд-Дина, будет громкой, пронзительно звенящей, войдет в память потомков на все времена. Победа будет за братьями, так как Орден не останется без помощи верных друзей, об этом он, великий магистр, позаботиться.

Вскоре под командование Ульриха в теплые объятия братьев начнут прибывать воинские контингенты от многочисленных вассалов со всех подчиненных и зависимых земель. Выслали значительные денежные суммы для покупки наемников торговые немецкие города, кровно заинтересованные в победе Ордена. В поисках воинской славы и достойного вознаграждения на помощь прибывают тысячи западноевропейских рыцарей. Тевтонцев по-настоящему подвели лишь руководитель Новой Марки и магистр Ливонского ордена, прислав вместо обещанной серьезной военной помощи – чисто символическую, больше напоминающую моральную поддержку. Так что все инсинуации о недостаточной заинтересованности западных государств в поддержке Пруссии, их озабоченности собственными внутренними делами, хотя отчасти и верны, но на деле не выдерживают серьезной критики.

С помощью старых верных друзей Орден собрал оптимальную по составу и численности армию, способную эффективно противостоять союзникам. Юнгингену не требовались лишние воинские формирования, снижающие мобильность и управляемость армии, а также связанные с их пропитанием проблемы.

По мнению орденского капитула, уже к июлю 1410 года великий магистр имел вполне достаточные силы для того, чтобы нанести сокрушительное поражение объединенной коалиции Польши и Литвы. Ошибка военного руководства тевтонцев заключалась в распылении этих сил по многочисленным крепостям и замкам. Для защиты своей территории от умелых действий противника великий магистр вынужден был держать значительные отряды на подступах к Мариенбургу, а также на некоторых других стратегически уязвимых направлениях. Хотя при Грюнвальде дополнительный резерв в несколько тысяч умелых бойцов мог решить исход сражения в ту или иную сторону, по всей видимости, лишние рты Ордену не нужны были, так же как и Витовту с Ягайло. Противоборствующие армии были и без того невероятно огромны, прокормить их было серьезной головной болью для всех руководителей, участвовавших в этой трудной войне.

Все свои надежды на победу в предстоящем генеральном сражении Юнгинген возлагал, прежде всего, не на численность войск, а на их боеспособность и управляемость, четкую координацию и умелое взаимодействие всех основных подразделений. Быстрое сосредоточение на главных направлениях атаки, удары по флангам и обходные маневры в тыл противника будут его главными козырями в военной игре с братьями. Ульрих менял приорететы, ставил новые акценты в привычной тактике тевтонцев. При Грюнвальде Юнгинген делал ставку не просто на ставший уже давно привычным и поэтому ожидаемый лобовой удар тевтонской конницы, а на то, чтобы выманить тяжеловооруженные хоругви противника под обстрел лучников и удар орденской артиллерии. Он даже приготовил волчьи ямы, специально вырытые по его приказу ночью накануне сражения. Но великому магистру фатально не везло, против него действовал ни кто нибудь, а опытный Витовт. После того как предусмотрительный великий князь Литвы и Руси начал Грюнвальдское сражение атакой легкой татарской конницы, детально продуманный план Ульриха по обескровлива-

нию и полному уничтожению в первые мгновения битвы лучших сил союзников – ударных рыцарских хоругвей, провалился.

«*Враг, несомненно, будет разгромлен, братья Ордена, преданные служители истинной веры, станут единственными хозяевами всех диких восточных и южных земель от моря до моря. Во благо Папы и католической веры братья-рыцари, не щадя жизни своей, будут храбро сражаться за христианские идеалы, в тяжелой борьбе добудут они долгожданную победу над изменниками поляками, самогитскими варварами язычниками, православными схизматиками и служителями Магомета – татарами*», – так думал великий магистр Ульрих. Он был вполне уверен, что армия Ордена в союзе с лучшими профессиональными воинами Европы легко разобьет объединенные силы славян, литовцев и татар. «*Главное – не дать противнику возможности избежать генерального сражения, увильнуть от столкновения с тяжелой орденской конницей*», – считал великий магистр. «*Чем больше войск врага соберется в одно время и в одном месте для решающей битвы, тем лучше Ордену. Нет на земле такой силы, которая способна устоять перед организованной мощью братьев, их победа неизбежна. Ослабленные сокрушительным поражением, лишенные защиты своих многочисленных полков, уничтоженных в Пруссии, как Польша, так и Литва вскоре падут на колени, прося мира и пощады. Под страшным натиском всесокрушающей военной силы преданных служителей истинной веры – орденских братьев, в скором времени неизбежно рухнут оба вражеских государства. Падет как огромная страна варваров Витовта этих полудиких неверных и схизматиков, так и их польских покровителелей во главе с Ягайло. На обширных просторах Восточной Европы установиться угодная Богу справедливая власть Тевтонского ордена, могущество которого поддерживается неиссякаемой силой духа и воинского мужества его верных сынов – братьев-рыцарей*», – размышлял великий магистр.

•

Союзники, несколько проигрывая крестоносцам в военной практике и общем профессиональном уровне подготовки воинов, а также в определенной мере уступая по качеству защитного вооружения, имели значительное превосходство над тевтонцами и западными наемниками в общем количестве способных носить оружие. Кроме того, литовско-белорусские, русско-украинские и польские войска имели неоспоримое морально-психологическое превосходство над противником, они находились в том состоянии ярко выраженного эмоционального подъема, когда все твердо верят в справедливость начатой войны. Феодально-аристократическая командная верхушка союзной армии и простые воины ясно понимали неизбежность разгоревшейся войны, необходимость достижения победы любой ценой. У всех было одно огромное желание покончить раз и навсегда с агрессией немецев и их друзей, той опасностью, которая столетиями изо дня в день нависала, подобно дамоклову мечу, над жителями литовских и славянских земель, постоянно угрожая их благополучию, свободе и самой жизни.

Войска объединенной армии Польши и Великого княжества Литовского насчитывали 91 хоругвь, из которых у Ягайло было 51 и 40 хоругвей – у Витовта. В состав польских сил входили 7 русско-украинских хоругвей, 2 хоругви наемников и 42 польские хоругви. Из 40 хоругвей Великого княжества Литовского 30 имели на знамени Погоню – герб Великого княжества, а 10 – герб Колонны – белые столпы на красном фоне. Собственно литовских и жмудских у Витовта было 12 хоругвей, 3 татарских и 25 хоругвей состояли из воинов белорусских, русских и украинских земель, входивших в состав княжества. Общее число русских, белорусских и украинских хоругвей составляло 25 в литовском войске, плюс 7 хоругвей в польском войске, что в сумме давало солидную цифру в 32 хоругви. Таким образом, восточнославянские воины по численности составляли вторую после поляков, а возможно, учитывая наполняемость хоругвей, и самую большую среди со-

юзников силу. Кроме поляков, литовцев, русских, белорусов и украинцев в составе союзной армии находились волохи, армяне, а также наемники из татар, чехов, моравов, силезцев и венгров – всего 13 народностей. Отрядом чехов командовал пока еще совсем молодой Ян Жижка, который станет в недалеком будущем выдающимся полководцем и национальным героем Чехии. Татарские силы возглавляли хан Джелал-эд-Дин и эмир Багар-эд-Дин, их было, по разным источникам от трех до сорока тысяч человек. С первым из них, ханом Джелал-эд-Дином, сыном Тохтамыша, была заключена договоренность о том, что он выставляет на войну с Орденом конницу, а Витовт потом поможет хану вернуть отцовский престол в Золотой Орде. Джелал-эд-Дин привел не менее двух туменов первоклассных воинов, или двадцатитысячную армию в основном исключительно тяжелой кавалерии. Эмир же Багар-эд-Дин собрал литовских татар, расселенных Витовтом и его предшественниками по всей территории Великого княжества, которых оказалось в итоге от трех до пяти тысяч отборных легких конников. Среди всех татар, принимавших участие в битве при Грюнвальде, особенно прославился отвагой и решительностью именно Багар-эд-Дин. Отличавшийся незаурядной личной храбростью, татарский полководец вошел в историю знаменитым рыцарским поединком с опытным воином, главой крестоносцев, великим магистром Тевтонского ордена Ульрихом фон Юнгингеном. Эмир Багар-эд-Дин смертельно ранил Юнгингена, о чем достоверно записано в орденских хрониках. Католики Западной Европы с легкой руки орденских братьев выдвинули обоснованные с их точки зрения претензии в адрес Ягайло и Витовта, обвиняя их в попустительстве смерти великого магистра от руки мусульманина. Чтобы отвести эти упреки, польский историк Ян Длугош в своей «Истории Польши» написал, что магистр был убит «*простым драбом*» (13), иными словами, рядовым воином не шляхетского происхождения, но все же христианином.

Вот, что пишет Ян Длугош в отношении воинских сил Великого княжества под Грюнвальдом: «*Кроме того, были в ли-*

товском войске Александра Витовта, великого князя Литвы, хоругви, под которыми стояли только рыцари литовские, русские, самагитские и татары. Эти хоругви, однако, имели более редкие ряды и меньше оружия, чем польские; так же и конями они не могли сравняться с поляками.(14). *Знамена же, определенные таким хоругвям, были почти все одинаковы, ибо почти каждая имела на знамени воина в доспехах, сидящего на белом, иногда черном, либо гнедом, либо пегом коне и потрясающего мечом в простертой руке, на красном поле. Только десять из них имели другое знамя и отличались от остальных тридцати; на них на красном поле были нарисованы знаки, которыми Витовт обыкновенно клеймил своих коней, которых имел множество...Назывались же хоругви по именам земель литовских, а именно: Трокская, Виленская, Гродненская, Ковенская, Лидская, Медницкая, Смоленская, Полоцкая, Витебская, Киевская, Пинская, Новгородская (Новогрудская), Брестская, Волковыская, Дрогичинская, Мельницкая, Кременецкая, Стародубская; некоторые же носили названия по именам литовских князей, которые по повелению князя Витовта предводительствовали ими, а именно: Сигизмунда Корибута, Лингвеновича Симеона, Георгия»* (15).

Георгий, это Юрий Михайлович, князь Заславский племянник Ягайло и Витовта, командовал сводной хоругвью Заславля и боярского ополчения Менска (Минска). Таким образом, Длугош называет места формирования лишь двадцати одной хоругви из сорока. Постараемся теперь определить, откуда прибыли девятнадцать недостающих хоругвей Витовта. Если исходить из того, что городами, вернее областными центрами крупных земель, указанных Длугошем, было выставлено по одной хоругви, тогда нам необходимо дополнительно найти, как минимум, еще целых девятнадцать крупных городов, которых на самом деле в тот период на территории княжества не было. Невозможно было найти девятнадцать настолько густонаселенных городов, которые могли бы в начале XV века самостоятельно поставить Витовту полноценные воинские

формирования. Однако, поскольку мы знаем точно, что такие большие города, как Вильно, Троки, Смоленск, а также Подольская земля, укомплектовали личным составом и вооружили по три полноценных хоругви, то нам остается определиться лишь с одиннадцатью оставшимися полками. Мы знаем, что в сражении при Грюнвальде принимали участие внуки Ольгерда Александр Владимирович Слуцкий и Андрей Владимирович Могилевский, значит, нашлись еще две хоругви – Слуцкая и Могилевская. Осталось выяснить, откуда могли прибыть в распоряжение великого князя для ведения Великой войны еще девять хоругвей. Семен Лунгвений, князь Мстиславский, кроме трех Смоленских привел на соединение с Витовтом еще Оршанскую и Мстиславскую хоругви. Таким образом, количество неизвестных полков уменьшилось до семи, в числе которых обязательно должны быть Луцкая – князя Федора Острожского, Ратненская – Сангушка Федоровича, Несвижская – князей Ивана и Григория Несвижских, Владимирская и Новгород-Северская хоругви, упоминаемые в летописях. Два оставшихся значительных воинских подразделения, какими, несомненно, являлись в то время хоругви, были собраны из отрядов князя Яна Гаштольда в Чарторыйске, Кобрине и Крево и боярина Вежгайло из воинов Лукомля, Ошмян, Вилькомира и Ушполья. В итоге мы выяснили города и земли Великого княжества, которые выставили своих сынов на борьбу с Тевтонским орденом.

Кто из князей и наместников Великого княжества руководил хоругвями Витовта? Кто нам сегодня достоверно известен? Так, например, мы точно знаем, что Новогрудской хоругвью управлял Сигизмунд (Жигимонт) Кейстутович – младший брат Витовта, Киевской – воевода Иван Гольшанский. Подольскими хоругвями руководил князь Иван Жедевид – двоюродный брат Витовта, Новгород-Северской хоругвью – Сигизмунд-Корибут. Трокские хоругви вели в бой трокский наместник Гинвил и воевода Явнис. Гродненскую хоругвь возглавлял наместник Михаил Монтвид (Монивид), Виленские – Войцех

Монтвид (Монивид) и Мингайло, Полоцкую – Иван Немир, Смоленские – Вяземский, Бельский и Доргобужский, Оршанскую – князья Друцкие, Медницкую – Корейко. Вот, пожалуй, и все. О командирах полков, чьи имена по ходу изложения были названы раньше, нет смысла повторять вновь.

Определенной численности копий в составе хоругвей не было, она варьировала от 60 до 300, существовали хоругви по 500 и даже 600 копий. Копье – боевая единица, состоящая обычно, как минимум, из трех человек: воина-рыцаря, оруженосца-паробка и лучника. Редко копье было меньше трех человек, но часто значительно больше, а во время серьезной войны, как вы хорошо понимаете, несоизмеримо больше. Таким образом, ввиду возникающей путаницы подсчитать общее количество воинов исходя только из предполагаемого состава средней численности одной хоругви, представляется делом совершенно безнадежным. По таким подсчетам у разных авторов получались совершенно не стыкующиеся между собой цифры: от солидных армий в 80–100 тысяч крестоносцев и 160–200 тысяч для союзных войск, до максимально заниженных 11 и 16–17 тысяч, когда не считали ни татар, ни пехоту, ни многочисленные вспомогательные войска и специальные формирования. Последнее замечание относится в первую очередь к современным справочным изданиям, некритичным публикациям о битвах и сражениях средневековья. Но, с другой стороны, и слишком большие цифры количества войск при Грюнвальде выглядят, на первый взгляд, достаточно легковесно и даже глупо.

Во-первых, для стран с очень низкой плотностью населения и небольшими городами, где общая численность всего населения к началу XV века едва ли дотягивала 2–4 миллионов жителей для Великого княжества Литовского и 2–3 миллионов – для Польши, кажется просто нереальным выставлять армии в несколько сот тысяч человек. Хотя с другой стороны давно доказано, что во время масштабных боевых действий любое государство может выставить армию в 5% от общего

числа жителей, без какого либо ущерба для своей экономики и полноценного функционирования властных институтов. Если даже исходить из минимальных показателй, то все равно по этим рассчетам армии, как Польши, так и Великого княжества легко перекрывают стотысячный рубеж по своей численности, тем более, что в описываемый период позднего средневековья эти государства призывали к оружию на время скоротечной войны практически все здоровое мужское население.

Во-вторых, такие большие армии обеспечить продовольствием даже на короткое время при ведении боевых действий на своих территориях являлось почти неразрешимой проблемой, не говоря уже о дальнем походе в чужие края. Но опять же, если посмотреть на это с другой стороны, Витовт, следуя во всем Ганнибалу, вполне резонно рассуждал, что армия легко прокормит сама себя при ведении боевых действий на чужой территории, забирая у противника силой оружия все, что только пожелает, в том числе и продовольствие.

В-третьих, и, пожалуй, самое главное, для развертывания таких многочисленных войсковых соединений необходимо было найти поле для сражения, как минимум, в несколько раз большее, чем под Грюнвальдом. Это было вызвано еще и тем, что обе армии состояли в основном не из компактных подразделений пехоты, которые занимали сравнительно не много места на поле брани, а из обширных конных рыцарских масс, которым требовался значительный простор для осуществления атаки. Но так как другого подходящего поля для грандиозного сражения на пути к столице Тевтонского ордена Мариенбургу не было времени и возможности специально искать, а вероятнее всего такого большого поля и вовсе не существовало, противники вынуждены были сражаться именно здесь под Грюнвальдом, тем более что слишком давно хотели и страстно к этому стремились обе стороны. Так как разместиться на таком сравнительно небольшом пространстве огромные армии одновременно не могли, сражаться под Грюнвальдом пришлось бы не каких-то полдня, как это произошло на самом

деле, а несколько долгих изматывающих суток. Противоборствующим сторонам, наверное, пришлось бы действовать так же, как это происходило в столкновениях между Тамерланом и Тохтамышем. Союзникам и Ордену понадобилось бы из часа в час, изо дня в день постепенно вводить в сражение все новые и новые боеспособные части на место сильно потрепанных или полностью уничтоженных врагом, чтобы в итоге выяснить, кто же все-таки имеет перевес и к кому, в конце концов, приближается долгожданная победа. Поскольку мы точно знаем, что такого длительного по времени сражения под Грюнвальдом не происходило, значит можно предположить, что и сами армии противников, участвовавшие в этой битве, были значительно меньше, чем об этом говорят средневековые хроники, раза в два-три. Однако не все так просто.

Узнать не приблизительное, а довольно реальное количество войск армии Витовта и Ягайло, а также Тевтонского ордена мы можем другим путем, путем сопоставления, сравнения и анализа, отталкиваясь от размеров государств и числа населявших его жителей. Как уже было сказано согласно мобилизационным способностям Великого княжества Литовского по воинским спискам 1529 года, дошедшим до наших дней, его конное войско составляло 24,5 тысячи всадников. Так как в 1410 году территория княжества была почти в три раза большей, Витовт без труда мог выставить армию 70-80 тысяч только кавалерии, половину или хотя бы треть из которой он был обязан оставить для охраны границ государства. Приплюсовав сюда наемников и 20 тысяч татар, а также пехоту и обоз, мы получаем солидную силу, возможно превышавшую по численности польское войско. Что касается поляков, то Ягайло привел на битву примерно равное с Витовтом количество воинов, это делало армию союзников равной от 160 до 200 тысяч человек. Тем не менее, союзная армия не более, чем в два раза, превышала реальные силы Ульриха фон Юнгингена, так как на самом деле у магистра было при Грюнвальде, повторяю еще раз, не 51, как пишется везде и всюду, а более 60 знамен. Такая

путаница объясняется тем, что часть знамен Ордена после сражения была захвачена Витовтом и вывешена в Виленском кафедральном соборе святого Станислава, и еще четыре знамени участвовавших в сражении и разбитых союзниками полков позже водрузил в часовне под Танненбергом следующий магистр Тевтонского ордена Генрих фон Плауэн. К тому же мы не знаем, сколько же на самом деле было крестоносцами вынесено с поля битвы и спасено орденских знамен, а также знамен европейских наемников.

Устоявшееся мнение о плохом вооружении войск Великого княжества Литовского (16) не выдерживает никакой критики. Достаточно показателен один тот факт, что сами поляки не могли правильно определить по воинскому вооружению принадлежность приближающейся литовско-белорусской и тевтонской конницы, в связи с чем еще до начала сражения, чтобы не перепутать своих бойцов с крестоносцами, по приказу Ягайло все воины прикрепили пучки соломы к латам. Еще одним бесспорным подтверждением высокого уровня вооружения литовско-белорусских и русско-украинских полков является парад войск, устроенный Витовтом специально для венгерских посредников, которые наряду с официальными мирными инициативами выполняли и специальные разведывательные функции в пользу тевтонцев. С большим сомнением можно предположить, что Витовт и Ягайло стали бы демонстрировать орденским друзьям свои недостатки, следовательно, они оба были уверены, что войско Великого княжества не хуже хваленого рыцарского. Единственными формированиями в армии Витовта, которые могли иметь недостаточно хорошее защитное вооружение, являлись отряды жемайтов, но большую их часть князь предусмотрительно оставил дома для охраны собственных границ Жемайтии, а также границ Великого княжества Литовского и Русского. Татар в расчет можно не принимать, эти профессиональные воины-кочевники вооружены были исключительно добротно, исходя из тех функций, которые то или иное воинское подразделение выполняло

в бою. Представление о том, что все войско татар состояло исключительно из легковооруженной кавалерии, глубоко ошибочно. Легкими конниками являлись исключительно застрельщики, в функции которых входило, как уже было сказано, открывать лихим нападением битву, затем ложным отступлением выводить противника из укрытия и заманивать в заранее расставленные ловушки, туда, где его поджидали основные монгольские силы тяжеловооруженной конницы. Перекрестным огнем мощных дальнобойных луков тяжелая кавалерия встречала увлеченного преследованием врага, сильно разряжая его строй, а затем шла мощной лавой с копьями наперевес в атаку, коля, рубя и сминая противника, обращая его в паническое бегство. Кстати говоря, по указанию Витовта при Грюнвальде именно это и было сделано татарскими войсками хана Джелал-эд-Дина и эмира Багар-эд-Дина в отношении наемников Фридриха фон Валленрода. Так, если Багар-эд-Дин лихой атакой своих трех тысяч легких конников на плотные рыцарские построения великого маршала начал битву, то Джелал-эд-Дин с двадцатью тысячами тяжеловооруженной кавалерии вместе с литовско-белорусскими и русско-украинскими хоругвями победно завершил ее полным уничтожением левого фланга наемников.

Примечания:

1 – «Хроника войны короля польского Владислава с крестоносцами», написанная сразу же после событий кем-то из поляков на латыни в оригинале звучит так: «Cronica conflictus Vladislai regis Poloniae cum Cruciferis».

2 – «Торуньский летописц» или хроника орденских братьев тоже написана на латыни, ее оригинальное название «Annalista Thorunensis».

3 – орденская «Хроника» Иоганна фон Поссильге в оригинале звучит как «Chronik des Landes Preussen. Scriptores rerum Prussicarum».

4 – «История Польши» Яна Длугоша, рукописный, многотомный в 12 книгах, написанный на латыни труд, охватывающий события многовековой истории польского народа с древнейших времен вплоть до первых месяцев 1480 года (времени смерти автора), имеет название: «Historiae polonicae libri 12».

5 – Длугош умышленно говорит о бегстве с поля боя «разгромленных» хоругвей Витовта вплоть «до самой Литвы», см. Ян Длугош. Грюнвальдская битва, СПб. 2007, с.102. Польский историк желал тем самым максимально принизить роль союзников в судьбоносном Грюнвальдском сражении и отдать все лавры победителей своим соотечественникам.

6 – «Хроника Быховца» или летопись Быховца – третий свод литовско-белорусских летописей, возник в период с 1550 по 1570 годы на территории Западной или Юго-Западной части современной Республики Беларусь (записи обрываются на 1507 году). Полностью самостоятельна последняя часть, от 1453 года, что делает её особо ценным источником по истории Великого княжества Литовского за это время. Рукопись обнаружена в библиотеке помещика Александра Быховца (имение Мотялевцы, Волковысского уезда Гродненской губернии) учителем Виленской гимназии Ипполитом Климашевским. В 1834 году Быховец передал рукопись известному историку Литвы Теодору Нарбуту. В 1846 году Нарбут издал Хронику, однако несколько листов в древнем литературном памятнике, к большому сожалению, не доставало. Тот же Нарбут дал ему название – Хроника Быховца. После публикации рукопись исчезла. Существование отдельных писем 19 века с указанием наличия оригинала, а также сверка печатного материала Хроники с некоторыми аналогами полностью подтверждают реальную подлинность данной рукописи.

7 – «Хроника Литовская и Жмойтская» или «Кроника литовская и жмойтская» является частью большой рукописи, озаглавленной: «Летопис, то есть кройника великая з розных многих кройникаров диалектом руским написана, а найпервей о створеню от бога о днех шестих». Рукопись эту обнаружил В. И. Буганов в Государственном архиве Тюменской области (Отдел рукописных книг, № 79), в связи с чем список назван Тобольским. «Летопис» состоит из ряда разделов или частей, в каждом из которых содержится история какого-либо народа или народов за определенный период времени. Первый и самый пространный занимает листы рукописи с 9 по 349. На листах с 350 по 360 помещена история средневековой Западной Европы («Панство краев заходних цесарев старого Рима»); начинается с обзора деятельности Карла Великого. На листах с 361 по 366 говорится «О панствах турецких, отколь повстало и яко розмножилися и зашили в тые всходнии краины». На листах с 367 по 374 – «Крой-

ника славноруская [о] панствах руских, полских и литовских» (общие рассуждения о судьбах людей и божием промысле, далее пересказ легенды о построении Вавилонской башни, о разделении языков и пр.). На листах с 375 по 377 находится раздел, озаглавленный: «Початок и вивод старожитного и в[а]лечного народу славенского, з которых Русь и вси словяны початок и рожай свой выводят». На листах с 377 по 382 – «Кройныка о Белой и Чорной Руси, всходней, полночной, полуденой и о всех народех их старожитных и их княжатах, великоновгородских, зборских, псковских, белоозерских, киевских, луцких, володимерских, волинских, галицких, Подгорских, подолских и иных славных народах руских». Листы с 382 по 450 заняты записями «О преславном столечном всего народа росского головном месте Киеве». Раздел этот заканчивается сообщением о Чигиринском походе 1677 года. На листах с 543 по 574 находится «Короткое собрание кройники полской».

Листы с 451 по 543 посвящены истории Великого княжества Литовского, их занимает интересующая нас «Кройника» («Вывод и початок о Великом князстве Литовском и Жмойстком, отколь взмоглися и пошли»), которая собственно обычно и печатается как Хроника Литовская и Жамойтская.

События, описанные в «Кройнике», начинаются с времен легендарных – бегства из Рима в Литву пятисот семей знатных римлян во главе с Палемоном, а заканчиваются избранием на престол Речи Посполитой Сигизмунда III. В большом по объему «Летописе» («Кройника» представляет собой отдельное произведение, мало связанное с предыдущим и последующим текстом. В своей основной части, т. е. там, где излагается история Великого княжества Литовского, «Кройника» следует за Хроникой М. Стрыйковского, являясь как бы переводом этого произведения. Однако автор «Кройники» пользовался не печатным текстом Стрыйковского, а рукописью-переводом, так как при ссылках на Стрыйковского указанные в «Кройнике» листы не совпадают со страницами напечатанной работы Стрыйковского. Вместе с тем ясно, что хроника Стрыйковского не была единственным источником для автора «Кройники», так как в последнем произведении имеется ряд известий, отсутствующих у Стрыйковского, а некоторые события изложены по иному. Резко расходятся обе хроники в датировке событий; особенно велики разрывы в датах за XIII – XIV вв., причем Стрыйковский более достоверен, чем «Кройника».Кроме Стрыйковского, автор «Кройники» при написа-

нии истории Великого княжества Литовского использовал «Европейскую Сарматию» Александра Гваньини, народные предания и отдельные документы (такой документ использован при описании сватовства и женитьбы великого князя литовского Александра на Елене Ивановне, великой княжне московской).

8 – не было своего Полибия или Тита Ливия, автор искренне сожалеет о том, что в средневековой Европе не появилось ко времени Великой войны историков с широким кругозором и высоким уровнем объективности подобных великим античным писателям Титу Ливию и Полибию, которые, например, в описании военных кампаний и битв генеального полководца Древнего мира карфагенянина Ганнибала детально рассказывали о всех тонкостях военного искусства того времени, применяемых уловках и различных хитростях воюющих сторон. Однако самое важное заключалось в том, что и Полибий и Тит Ливий, равно как и многие другие античные историки всегда давали максимум полезной информации для читателя. И Тит Ливий, и Полибий подробно рассказывали не только о стратегических планах противоборствующих сторон, о ходе кампании, о численности воюющих армий во время каждого значительного боя, о тактических построениях отдельных отрядов перед битвой и их маневрах, перемещениях и перестроениях в ходе самого сражения, но не забывали и о самом человеке, о его радостях и страданиях. Дотошные исследователи обширного архивного материала римских храмов, государственных и частных библиотек добросовестно докапывались до истины вплоть до точных цифр потерь, причинах победы или поражения и их последствиях для каждой из принимавших участие в войне или отдельной конкретной битве сторон.

9 – см. текст по «Хронике Литовской и Жмойтской»

10 – S.Kuczynski. Wielka wojna z Zakonem Krzyzackim. Wyd. nowe, Warszawa, 1960, с.224 – 225, 235, 238.

11 – см. текст по «Хронике Литовской и Жмойтской»

12 – см. текст по «Хронике Быховца».

13 – Ян Длугош. Грюнвальдская битва, СПб. 2007, с.111.

14 – данный отрывок из Длугоша еще один факт явного пренебрежения к высоким боевым качествам армии Витовта, неоднократно бивших не только тевтонцев, но и польских рыцарей.

15 – Ян Длугош. Грюнвальдская битва, СПб. 2007, с.90-91.

16 – см. Е.А.Разин. История военного искусства в 5 ТТ., Т.2., СПб, 1994, с.486.

Глава 5 (34)

ХОД ГРЮНВАЛЬДСКОЙ БИТВЫ – ВЕЛИЧАЙШЕГО СРАЖЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ РЕШАЮЩАЯ РОЛЬ ТАКТИЧЕСКОГО ПЛАНА ВИТОВТА И ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА В ДОСТИЖЕНИИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

«Страх смерти хуже, чем сама смерть»
(Бруно Джордоно Филиппе 1548–1600)

«Под Грюнвальдом Ягайло в стремлении «переиграть» Витовта мог в итоге проиграть не только битву, но и навсегда потерять Польское королевство. Если бы не полководческий талант великого князя, мужество и самопожертвование его воинов, Ягайло своим редким коварством подвергал народ Польши реальному риску оказаться на краю политической пропасти у той последней черты, за которой поляков ожидал крах национального величия и потеря независимости. Желание Ягайло максимально сохранить военные силы вельможной шляхты для предстоящей борьбы с Витовтом за абсолютную власть над Великим княжеством, едва не стало для поляков роковым. Ягайло 15 июля 1410 года долго не начинал бой, удерживал свои войска на занимаемых позициях, в то время как двоюродный брат больше часа вел на правом фланге невероятно упорное, едва ли не самое кровопролитное сражение не только в средневековой, но в мировой истории войн. Несмотря на то, что Витовт трижды обращался к Ягайло с просьбой начать атаку, польский король хладнокровно выдержал преднамеренную паузу, цинично наблюдая с высоты холма за кровавой бойней. В этой связи уместно вспомнить любимую притчу мудрого китайского народа, которую не раз повторял своим соратникам самый их выдающийся национальный политик – великий кормчий Мао Цзэдун, о том, что хитрая обезьяна не вмешивается, когда дерутся тигр и медведь, она лишь наблюдает издалека. Сидя на высоком холме, обезьяна дождется, в конце концов, когда обессиленные смертельной битвой израненные, истекающие кровью враги станут ее легкой добычей. Великий кормчий подразумевал под хитрой обезьяной, разумеется КНР, а медведем и тигром были СССР и США. Посмотрите, а ведь Мао оказался прав, СССР уже давно нет,

а США хиреет с каждым днем, не выползая из полосы экономических, политических и нравственных кризисов заставляя содрагаться в мучительных финансовых судорогах весь остальной мир.

Однако «мудрый» Ягайло при всей его осторожности, расчетливости и феноменальной возможности предвидеть будущее не понял главного. Совместить несовместное невозможно, а желание одним махом решить сразу все проблемы чревато большими издержками. Необходимо было определяться с приоритетами, а также с той несопоставимо высокой ценой, которую ему неизбежно придется заплатить за свои ошибки. Видимо Ягайло и сам это хорошо понимал, поскольку большую часть времени проводил в неустанных молитвах. Обращаясь к помощи всевышнего, он надеялся на божественную силу провидения, король ждал спасительной подсказки свыше, но знамения не было. Он до последнего момента оттягивал вступление польских войск в жестокое сражение и тем самым привел армию великого князя к огромным людским потерям, а себя на грань катастрофы. Ягайло на этот раз, хотя и с большим опозданием, однако твердо решил выполнить главные обещания, данные им в свое время шляхте в обмен на польскую корону: отвоевать все территории, захваченные тевтонцами, а также присоединить к Польше земли Великого княжества. В страхе за свое будущее Ягайло теперь изо всех сил стремился вернуть подорванное доверие польских магнатов. Воспользовавшись военным союзом с Литвой, король решил не только расправиться с Тевтонским орденом, причем по возможности руками Витовта, но, оставив воинов князя наедине с лучшими бойцами Европы (по существу, бросив на растерзание крестоносцев), выбить из-под Витовта таким простым способом главную опору князя на литовском троне – армию. Затем Ягайло останется только передать, согласно условиям Кревского договора, беззащитные земли Великого княжества в распоряжение Коронной Рады. Все эти коварные политические игры и хитрые расчеты, задуманные «тихоней» Ягайло и давно зревшие в его голове, но до сих пор не находившие успешной реализации, грозили как населению Польши, так и жителям Великого княжества неминуемой бедой, кратчайшей дорогой вели их к страшной трагедии. Ужасное поражение при Грюнвальде, которое не состоялось исключительно благодаря полководческому таланту Витовта, мужеству его воинов, могло быть беспрецедентным по своим грандиозным последствиям, так как с неизбежной закономерностью привело бы как Польшу, так и Великое

княжество Литовское, Русское и Жамойтское под протекторат Тевтонского ордена. Итог противостояния двоюродных братьев в таком случае мог быть лишь один, причем самый плачевный – полная потеря национальной независимости обоими государствами. Однако тактическое мастерство Витовта и самоотверженность его храбрых воинов, с таким блеском проявившиеся в ходе сражения вопреки коварному бездействию Ягайло, спасли Польшу и Великое княжество от разгрома. Именно полководческий талант Витовта позволил славянам и литовцам одержать историческую победу над Орденом, что во многом изменило весь дальнейший ход истории Центральной и Восточной Европы».

(В.В.Новосельский)

Три лагеря союзной армии находились приблизительно в 7 км к востоку от Грюнвальда у озера Лаубен. Польский, литовский и татарский обозы были расположены за озером с юга на север. Рано утром 15 июля 1410 года, когда союзная армия начала движение в сторону Танненберга, в стан Ягайло прискакал польский рыцарь по имени Ганко из дозорного отряда, высланного на разведку Зындрамом. Он сообщил неожиданную и тревожную весть, что армия крестоносцев, выстроившись в боевые порядки, уже готова к сражению и занимает почти все поле между Танненбергом и Грюнвальдом. Витовту, который в тот момент находился вместе со своими войсками в авангарде движения союзной армии, татарские дозоры сообщили эту новость намного раньше.

Место предстоящего сражения было расположено к югу от населенного пункта Танненберг и представляло собой холмистую равнину. Тевтонцы для боя выбрали довольно ровную местность, которая имела несколько гряд невысоких холмов, пересекаемых незначительными оврагами, и была чрезвычайно удобна для действий рыцарской конницы. Штаб военного командования во главе с Ульрихом фон Юнгингеном находился далеко в тылу в самой глубине воинских построений на возвышенности у Танненберга, которая открывала прекрасный вид на многие километры вокруг, доминируя над всей близле-

жащей местностью. Свой тактический резерв великий магистр умело скрывал за складками холмов. Войска Ордена занимали большую часть этого широкого поля, и только небольшая лощина разделяла выстроившихся для боя и готовых к атаке крестоносцев и выходившие из леса отряды союзной армии. Силы Ордена расположились сплошной темной массой, изредка нарушаемой светлыми вкраплениями белых плащей с черными крестами. Узкие железные клинья рыцарской конницы шли вверх по склонам холмов почти до самого горизонта. Вся эта огромная масса состояла из двух больших массивов – ближнего и дальнего. Они разделялись небольшим просветом свободного пространства, едва видимым издали.

Татарские десятки и сотни легкой конницы эмира Багар-эд-Дина первыми, затем белорусские, русские, украинские, литовские, польские хоругви и отряды наемников выстраивались прямо на глазах рвущегося в бой противника. Руководили построением войск союзников Витовт и Зындрам. Хоругви союзной армии, выходившие на абсолютно открытое для удара тевтонцев пространство, прикрывали легкие сотни татарской конницы. Багар-эд-Дин в любой момент был готов при неожиданной атаке тевтонцев выполнить строгое указание Витовта, не раздумывая, броситься со всеми своими тридцатью сотнями преданных бойцов в яростную атаку и отвлечь на себя первый и самый страшный удар тяжелой рыцарской конницы. Задача перед эмиром белорусских татар стояла чрезвычайно сложная и опасная. Багар-эд-Дину необходимо было прикрывать главные силы правого крыла Витовта до тех пор пока, литовско – белорусские войска не займут свои позиции и не подготовятся к столкновению со сметающей все на своем пути лавой закованного с головы до пят врага. Мало того, эмир, должен был совершить, пожалуй, наиболее трудное в своей жизни, практически невозможное. Ему каким-то образом надо было погасить колоссальную энергию многотысячной стальной лавины крестоносцев Валленрода, приняв ее вместе с волынцами и другими легкими высокоманевренными кавале-

рийскими частями княжества страшный удар на себя. При любом развитии событий эмиру Багар-эд-Дину предстояло первым встретить врага на дальних подступах к основным линиям войск Витовта, успеть, любым способом не допустить разгона их тяжелых рыцарских клиньев, погасить энергию которых затем будет уже невозможно. Если же его воины позволят набрать ход рыцарской лаве, она раздавит, безжалостно втопчет в землю все, что ей попадется на пути. Стальная лавина легко сметет и рассеет по окрестным полям и лугам войска Витовта, исход битвы, естественно будет предрешен в пользу крестоносцев, а сражение закончиться, так толком и не начавшись. Обычно крупные подразделения крестоносцев шли на врага единой массой «кабаном» или «свиньей» с лучшими бойцами впереди, по краям и позади клина, разварачивающегося в одну линию перед столкновением с легкой конницей противника. В отдельных случаях, когда тевтонцам противостояли равноценные их собственным силам большие рыцарские массы, а также при основательно-глубоких построениях тяжеловооруженной пехоты войск противника, они шли выдвинутым вперед клином до тех пор, пока не разрывали построения неприятеля на изолированные части, уничтожая армию врага по кускам.

Лагерь татар был расположен значительно севернее озера Лаубнер и справа по отношению к находившемуся впереди полю сражения. Витовт отдал приказ Джелал-эд-Дину свои два тумена на поле битвы не выводить, но приготовить большие луки и ждать появления крестоносцев в засаде у основного лагеря литовско-белорусского войска вместе с пехотой ополчения и обозниками. Хану отводилась едва ли не самая ответственная роль в смелом плане Витовта, согласно которому с огромной рыцарской массой можно справиться, только расстроив плотные ряды врага. Для этого путем ложного отступления нужно заманить основную часть крестоносцев в засаду под встречные залпы замаскированных бомбард и перекрестный огонь скрытых густым подлеском татарских луч-

ников. Джелал-эд-Дину ставилась трудная задача, намертво захлопнуть приготовленную для тевтонцев левого крыла войск Юнгингена смертельную ловушку. То была вполне знаковая миссия, выпавшая на долю претендента на трон хозяина Золотой Орды. Благодаря приказу Витовта Джелал-эд-Дин вполне мог стать, как это и случилось, народным героем, самым популярным человеком в Орде. Хан, равно как и все его воины, в таком случае выступал в глазах правоверных мусульман законным мстителем, карающей дланью Аллаха за все те неисчислимые беды, которые крестоносцы причинили последователям учения пророка Муххамеда (Магомета) в Святой земле.

Великий князь на этот раз как никогда мог быть уверен в беспощадности татар, что живым из капкана они не выпустят ни одного из своих давних врагов, что крестоносцев ждет лишь безжалостное уничтожение, поголовное истребление. Поскольку тумены Джелал-эд-Дину, во что бы то ни стало, необходимы для предстоящей тяжелой борьбы за власть в Орде, Витовт решил их по возможности, конечно, насколько это было вообще возможно в условиях тяжелого непредсказуемого боя, сохранить. Великий князь нашел достойный компромисс. Поставив татар в засаду, Витовт тем самым уберег их от прямого столкновения с западноевропейским рыцарством и сохранил сотни и тысячи преданных хану людей. В тоже время великий князь ни сколько не прогадал, прекрасно зная, что с такой «деликатной» задачей справиться лучше степняков – самых метких в мире стрелков – никто не сможет. Именно по этой причине Витовт с легким сердцем предоставил редкую возможность воинам Джелал-эд-Дина эффективно использовать свое непревзойденное умение вести бой на дистанции, уничтожать опасного врага со значительного расстояния, не вступая с ним в непосредственное соприкосновение рукопашного боя.

Здесь несколько слов необходимо сказать о таком эффективном средневековом оружии как луки и арбалеты. Хотя

дальнобойные луки тяжеловооруженных татарских воинов были значительно меньше знаменитых английских больших луков, но по своим боевым качествам нисколько не уступали лучшему европейскому стрелковому оружию и были значительно удобнее в применении. Луки являлись для кочевников основным и незаменимым оружием как во время войны, так в мирной жизни. Старые опытные мастера умели не просто производить в большом количестве мощные луки, но по-настоящему творить чудо, создавая мистическим образом из подручного материала настоящий шедевр, лучшего и самого верного друга монгола. Они давали ему рождение словно живому существу, наделяя свое творение человекими качествами, как это делали виртуозные оружейные мастера в средневековой Японии при создании боевого меча самурая – неспеша, вдумчиво, с душой и в тоже время профессионально. Существовали луки упрощенной конструкции для повседневного «домашнего» применения, которые легко изготавливались любым монгольским воином. От таких луков не требовалось сверхвысоких технических характеристик, но настоящее дальнобойное и высокоточное боевое оружие создавалось по специальной секретной технологии, выработанной еще далекими предками монголов, и хранилась в глубокой тайне. Особо дальнобойные луки изготавливались не из единого древесного массива определенной породы как, например, у англичан из бука, а из слоев нескольких различных пород дерева со вставками пластин из рогов животных. Татарские воины, виртуозно используя стрелковые навыки степных охотников, с не меньшей эффективностью пробивали доспехи западноевропейских рыцарей, чем это делали английские лучники на полях Столетней войны. В Западной и Центральной Европе происходил интенсивный процесс совершенствования рыцарского защитного вооружения. С середины XIV столетия, с момента массового применения англичанами большого лука, он переживал фазу стремительного развития, которая прдолжалась, по мнению современных ученых специалистов по средневековому

оружию и доспехам, с 1350 по 1420 годы. В связи с тем, что обычная кольчуга уже не могла противостоять, ни английскому луку, ни арбалету, ни появившемуся огнестрельному оружию шла усиленная разработка лучшими оружейными мастерами Англии, Испании, Франции, Скандинавии, Италии и Германии пластинчатого доспеха, который стали называть «белым» доспехом. Процесс этот завершился лишь к середине XV века, хотя в 1420 году были созданы первые образцы настоящего белого доспеха, который превратился в привычные для нас практически неуязвимые средневековые рыцарские латы, выставляемые обычно в музеях по всему миру. Таким образом, в 1410 году ко времени Грюнвальдского сражения рыцари на поле боя продолжали оставаться для лучников и стрелков из арбалета вполне уязвимыми объектами. Рыцарские доспехи имели ряд существенных огрехов, что позволяло умелому противнику выкашивать целые ряды атакующих. Это стало возможным во многом благодаря применению стрел с узким наконечником. Такие стрелы применялись для эффективной бронебойной стрельбы, как из английских больших и татарских дальнобойных луков, так и арбалетов. Стрела с узким стальным наконечником, выпущенная из мощного лука или арбалета, довольно легко проходила сквозь вязь защитных колец железной рубашки, пронзая кольчугу и тело рыцаря в незакрытых прочными пластинами участках доспеха. Часто такие стрелы пробивали даже пластины.

Согласно указаниям Витовта Джелал-эд-Дин должен был расположить тяжелую конницу по тумену или по десять тысяч воинов в довольно густом подлеске с каждой стороны дороги, ведущей от Тнненберга к северной оконечности озера Лаубен, не очень широкого открытого пространства, чрезвычайно удобного для прицельной стрельбы. Маршрут запланированного отступления легких хоругвей Витовта пролегал по этому живому коридору, укрытому редкими большими деревьями и молодым подлеском с высоким кустарником. Возле самого лагеря этот путь смерти расходился влево и вправо двумя до-

рогами прямо вокруг лагерных укреплений из повозок, а в центре упирался в огневые точки многочисленных бомбард. К тому же там, на подступах к лагерным укреплениям должны будут расположиться плотные построения пехоты с вкопанными в землю острыми длинными кольями. В плотной массе пехотинцев конница врага, вернее, та ее часть, которая сможет прорваться сквозь завесу татарских стрел, обязательно увязнет и распадется на отдельные группы. Пехотинцы обязаны достойно встретить увлеченных преследованием рыцарей и никого не выпустить живым из своих объятий. Отступающая с поля Грюнвальда кавалерия Витовта уходила в заранее приготовленные коридоры справа и слева от построений пехоты. Проходы затем закрывались пехотой, которая встречала врага, а вся измотанная долгим боем конница должна принять короткий отдых и в спокойной обстановке за лагерными укреплениями обоза, заменив оружие и защитное снаряжение перегруппироваться для продолжения боя. Всех вырвавшихся из котла крестоносцев, которые попытаются скрыться, должны настигнуть и добить татары. Совместный литовско-белорусский и русско-украинский лагерь с большим обозом, возле которого была подготовлена засада, находился несколько южнее татарского лагеря с северной стороны озера Лаубен, восточнее Танненберга. Возле татарского лагеря в резерве, на случай непредвиденных осложнений или прорыва тевтонцев, а также для охраны трофеев, находилось еще две тысячи исключительно легкой татарской конницы хана Джелал-эд-Дина. С южной же стороны озера, слева по отношению к выстроившемуся для битвы врагу, находился польский лагерь с внушительным обозом.

Боевой порядок союзных войск состоял из трех линий: передней, средней и тыльной. Все хоругви союзной армии, выдвинутые вперед и построенные для боя, состояли только из профессиональных воинов, в основном кавалеристов тяжеловооруженных и легких. Примерно еще столько же по численности было вспомогательных войск пешего крестьянского и городского ополчения, артиллерийской, обозной и прочей

обслуги, которые находились в тылу. Число входивших в каждую отдельно взятую хоругвь воинов сильно колебалось, зависело от места ее формирования, назначения и подчинения, составляло от сотни до трех тысяч человек. Такая значительная разбежка в численности воинов была связана в первую очередь с количеством копий в хоругви и во вторую – с составом самого копья. В мирное время хоругви в зависимости от выполняемых ими функций наполнялись как по минимуму, так и по максимуму с большим расхождением от 30 до 300 копий, но во время масштабных боевых действий или серьезных военных конфликтов число копий всегда было максимальным. В состав копья входило минимум 3 человека – рыцарь, телохранитель-оруженосец и лучник. Хотя существовали разумные пределы по численному составу копья, вводимые для того, чтобы особо не перегружать их как в походе, так и в бою, однако жесткого ограничения или определенного максимума для этой низовой единицы средневековых воинских формирований, как правило, не существовало. Состоятельный феодал, чтобы обезопасить себя во время сражения, выставлял копье из 10 и более воинов, а в поход брал и того больше людей, в том числе всевозможных помощников и обозной обслуги. Иными словами, во время войны число воинов в хоругви не могло быть менее 900-1000 человек, часто доходя до 1500 или 2000 человек иногда и до 3000 воинов, как, например, Полоцкая хоругвь Немира при Грюнвальде. Обычно чрезмерно многочисленные хоругви разбивали на несколько более мелких, так поступили со Смоленскими, Трокскими, Виленскими и Волынскими полками. Таким образом, в связи с максимальным наполнением хоругвей во время войны, глубина построения, как войск союзников, так и войск Ордена, на поле Грюнвальда была очень внушительной. Если в среднем брать на всадника по фронту 2 метра, то на двух или двух с половиной километровом пространстве станет не более 1000 – 1250 всадников в ряд. При глубине в 90 – 100 рядов получим, как минимум, 90 тысяч отборной союзнической конницы и профессио-

нальной наемной пехоты, эти элитные войска, собственно говоря, и составляли боевые хоругви трех линий, по тридцать рядов на каждую линию. Примерно столько же, если не больше по численности составляли войска крестьянского и городского ополчения, вспомогательные отряды обозной пехоты и различного рода обслуги, что доводило общее количество союзных войск почти до 200 тысяч человек. Однако в отношении Ордена можно смело констатировать, что общее число воинов, принимавших участие в битве при Грюнвальде, выглядит значительно скромнее. Войско Ульриха фон Юнгингена состояло приблизительно из 60 тысяч орденской тяжеловооруженной конницы городов и земель Пруссии, наемной рыцарской кавалерии *«гостей»* из Центральной и Западной Европы, а также тяжеловооруженной наемной пехоты чехов, моравов, венгров, швейцарцев и ряда немецких городов и княжеств. Кроме этого, в распоряжении крестоносцев находилось не менее 35-40 тысяч вспомогательной орденской пехоты, набранной среди немецких колонистов и представителей покоренных земель: арбалетчиков-лучников, бомбардиров, обозников и различного рода обслуги, что в совокупности доводило армию крестоносцев до 95-100 тысяч. Это только самые скромные оценки сил Ордена и по всем экономическим и демогрвфическим параметрам минимально возможные для него в той непростой исторической ситуации, когда реальная угроза заставила Прусское государство мобилизовать все свои военные и людские ресурсы, а также обратиться к помощи многочисленных друзей.

О том, что на большом поле Грюнвальда 15 июля 1410 года было довольно тесно из-за чрезмерного количества участвовавших в сражении воинов, хорошо видно по средневековым гравюрам и миниатюрам, изображающим это грандиозное сражение, а также по многочисленным письменным источникам. Так, например «Хроника Литовская и Жмойтская» говорит: «*Потым вдарено в котлы, в сурмы и зараз литва з татарами з великою прудкостью скочили на немци и сточили з ними*

битву, же конь об коня боком отирался. В той войне не все наши билися, другийи шабли не добивал, бо было поле тесное» (1). Из-за огромного количества воинов поле площадью более 15 квадратных километров было тесным для сражения.

Вся союзническая и большая часть орденской вспомогательной и тяжелой пехоты, за исключением бомбардиров и лучников, находилась глубоко в тылу. Активного участия в сражении она не принимала вплоть до отвлекающего маневра Витовта и завершающего этапа битвы, когда орденские войска, попав в окружение, попытались с помощью пехоты перейти в контрнаступление.

Войска томительно долго стояли друг против друга на ярком июльском солнце в ожидании сигнала к атаке. Союзники расположились плотными рядами кавалерии, тевтонцы конными колоннами-клиньями, в каждый из которых входило несколько хоругвей или знамен. Клинья у тевтонцев и западноевропейских рыцарей занимали по фронту всю ширину поля, располагаясь на сравнительно узком верхнем его участке больше в глубину, чем в ширину своего построения. Союзники, расположенные ниже по склону, имели значительно более широкий свободный от леса участок поля справа и слева от построений войск Юнгингена и поэтому представляли для крестоносцев реальную угрозу. Видимо, это послужило чуть позже одной из причин перестроения войск Ордена в две линии с усилением и удлинением флангов. Однако более важным фактором, побудившим великого магистра на рискованные перестроения перед лицом готового к атаке противника, явился категорический отказ европейских рыцарей сражаться с поляками, расположившимися напротив наемников для битвы. Все они немедленно рвались в бой, горя желанием скрестить мечи, но только не с католиками, а с мусульманами (татарами), яркие халаты которых *«гости»* давно заметили на своем левом фланге, там, где выстроились хоругви князя Витовта. Резерв великого магистра был отведен далеко назад и первоначально составлял третью линию войск Ордена, расположенную на

холмах Танненберга, но в ходе ожидания начала сражения стал второй. Произошло это после того, как наемники из Европы, составлявшие правую половину первой ударной линии Ордена, отказались идти в бой против поляков, таких же католиков, как и они сами. Они видели, как польские рыцари выходили из леса, пели псалмы, крестились и выстраивались в боевые порядки напротив, занимая свои места в плотных рядах и колоннах. Великий магистр, узнав о случившемся, решил убить сразу двух зайцев, а, возможно, и трех. Ульрих отдал новый приказ великому маршалу, после того как направил герольдов к Ягайло. Валленрод на глазах Ягайло, как бы приглашая того на бой, освободил значительную часть поля, уведя всю свою первую линию на левый фланг против войск язычников, мусульман и схизматиков Витовта, с которым, кстати, у великого маршала были давние личные счеты. Левая половина второй линии великого комтура Куно фон Лихтенштейна, освобождая левый фланг для наемников Валленрода, ушла в задние ряды правого фланга. В итоге из двух первых линий была образована одна с глубиной построения в два раза большей первоначальной. Наемники, как и хотели, расположились строго напротив хоругвей Витовта, а тевтонцы образовали правый фланг, противостоящий польским полкам Ягайло. В итоге, ко всему прочему, великий магистр своевременно отданным распоряжением лишил противника возможности фланговых обходов, так как войска Ордена заняли в процессе перестроения всю максимально возможную ширину поля. Резерв Ульриха фон Юнгингена состоял из шестнадцати лучших знамен Ордена, в них входили исключительно умелые и стойкие бойцы, или приблизительно из шестнадцатитысячного ударного корпуса, который был призван решить исход Грюнвальдской битвы.

В этой связи необходимо пояснить, что собственно орденские войска не могли состоять исключительно из одних рыцарей, которых на самом деле было не так уж много. Это были как сами братья-рыцари, так и их помощники, служивые братья, составлявшие корпус телохранителей, оруженосцев и луч-

ников, обеспечивавших рыцарям надежный тыл в бою. Все эти многочисленные помощники рыцарей, хотя и стояли рангом ниже своих влиятельных господ, но никогда не были бойцами второго плана. Несмотря на то, что они имели довольно призрачную возможность попасть в рыцарскую привилегированную касту, своеобразную высшую воинскую лигу, так как не были дворянами, на самом деле служивые братья были вооружены не хуже рыцарей и также, как их командиры, в совершенстве владели всеми видами холодного оружия и приемами рукопашного боя. В ходе сражений их можно было отличить от господ лишь тем, что служивые братья не носили белых плащей с черным крестом, это было исключительным правом и неотъемлемой обязанностью высшего сословия, но доспехи и вооружение имели не хуже, чем у рыцарей. Оруженосцы, стрелки и телохранители всегда действовали в бою только вместе со своим господином, ни на шаг не отходя от него, оберегая и защищая. Служивые братья были вооружены разнообразным холодным оружием, защищены, как и сами тевтонские рыцари, тяжелой рыцарской броней превосходного качества, мало чем уступающей рыцарской. Объяснить это можно исключительной ориентированностью орденской государственной машины на военные нужды, жизненно важные системы, которой могли эффективно функционировать только в условиях перманентной войны. Поддержание боеспособности тевтонской армии на высочайшем техническом уровне отвечало запросам ее правящей элиты, во главу угла существования которой ставился культ рыцарской доблести и захват чужих земель. Орденское духовно-рыцарское братство находилось в состоянии постоянной боевой готовности в условиях непрекращающихся войн за новые территории и покорных рабов. В своем безудержном стремлении к дальнейшему расширению жизненного пространства, высшее руководство Тевтонского ордена во главе с великим магистром никогда не жалело денег на изготовление и покупку самого совершенного воинского вооружения и разнообразного снаряжения. Оно закупа-

ло также наиболее передовые технические средства ведения войны, в первую очередь огнестрельное оружие и мощную осадную артиллерию.

Первая основная линия войск крестоносцев правого и левого флангов состояла в общей сложности не из тридцати пяти (двадцати Лихтенштейна и пятнадцати Валленрода), как об этом до сих пор почему-то пишут, а из сорока пяти (как минимум) полков или знамен. Современные историки не учитывают сведения о более чем десяти разгромленных вражеских полках, боевые знамена которых остались в распоряжении Витовта и не попали в качестве трофеев в Польшу, и по этой причине не были учтены Длугошем при подсчете сил Ордена в Грюнвальдской битве. Поскольку неучтенные знамена являлись трофеями Витовта, логично предположить, что полки под этими знаменами сражались против правого фланга союзной армии и входили в состав сил Валленрода, увеличивая количество знамен под началом великого маршала с 15 до 25.

На двухкилометровом участке по фронту могло стать плотной стеной в один ряд около одной тысячи всадников при условии, что на размещение одного рыцаря достаточно двух метров по ширине построения. Таким образом, выходит, что на одно знамя приходиться 40–50 метров ширины поля по фронту, или, что одно знамя крестоносцев располагалось клином в 20–25 рыцарей в ряд при глубине в 45 рядов. Однако на самом деле такое построение конницы потому и называлось клином, что имело не тупую, но острую форму по направлению к фронту атаки и предназначалось в первую очередь для разрыва плотных рядов противника на части, окружения и уничтожения отдельных групп деморализованного врага. При построении клином максимально выдвинутыми вперед стояли вначале два – три рыцаря, за ними три - пять, потом пять - шесть и так далее. Постепенно расширяясь, клин в условиях построения при Грюнвальде доходил до своего максимума по ширине в 20–25 рыцарей в одном ряду. Количество рядов, таким образом, дохлдило до пятидесяти и более в зависимости от числен-

ного состава знамени. Для большей эффективности атакующих действий клинья составляли не из одного, а из двух или трех знамен, таким образом, более многочисленной конной бронированной массе было легче действовать, словно нож сквозь масло проходила она сквозь построения врага, разрезая их на части. Просветы между клиньями были видны отчетливо впереди построений, но затем сливались в сплошной рыцарский строй. Кое-где вдали виднелись оттянутые назад пешие шеренги тяжеловооруженных наемников, которые придавали монолитную прочность рыцарским колоннам. На значительном удалении от переднего края в глубоком тылу располагались вспомогательные и обозные части пехоты, однако лучники и бомбардиры обычно находились на переднем крае своих построений, либо вблизи них, чтобы можно было вести прицельный, максимально эффективный огонь по противнику. Перед Грюнвальдской битвой бомбардиры и лучники располагались в укрытии за первой линией Валленрода, но затем, после ее смещения влево, оказались впереди общего построения войск Ордена. Однако для орденских стрелков такое значительное перемещение воинских масс, коренным образом изменившее их первоначальную дислокацию, по-видимому, не было столь большой неожиданностью. Передислокация их мало беспокоила ввиду того, что от атаки конницы врага бомбардиры и лучники были заблаговременно ограждены глубокими ямами – ловушками с острыми кольями на дне. Боевые позиции бомбардиров были к тому же надежно укрыты земляными валами и деревянными и плетеными из веток специальными защитными навесами. На пути продвижения атакующего врага, в местах предполагаемого прорыва, между волчьими ямами были сооружены палисады из вкопанных в землю заостренных в сторону противника кольев. Были оборудованы для подразделений стрелков из лука надежно защищенные огневые точки и специальные гнезда для арбалетчиков. Прошлой ночью в большом количестве на ближних подступах к передовым позициям артиллеристов были вырыты и тщательно за-

маскированны волчьи ямы. Эти нехитрые инженерные сооружения являлись чрезвычайно эффективным средством борьбы с тяжелой рыцарской кавалерией, идущей в лобовую атаку. Именно на это в первую очередь и рассчитывал Ульрих фон Юнгинген, когда вчера вечером отдавал приказ вспомогательной пехоте рыть глубокие ямы. Великий магистр, зная своенравное поведение шляхты, был совершенно уверен, что первым ринется в бой горячее польское рыцарство и литовско-белорусское и русско-украинское боярство, так что смертельные ловушки будут для них хорошим немецким сюрпризом, достойной прелюдией великого сражения.

Если силы Ордена были выстроены великим магистром заблаговременно рано утром, практически на рассвете, то союзным войскам занимать исходные позиции для боя приходилось в куда более нервных условиях прямо на виду готового к атаке противника. На правом фланге спешно размещались войска Великого княжества, их действия координировал вместе с Витовтом Петр Гаштольд и Семен Лунгвениевич Мстиславский. На левом фланге под командованием умелого, опытного рыцаря знатного шляхтича Зындрама из Машковиц и коронного маршала Збигнева из Бжезя начали неспешно выстраиваться хоругви поляков, они медленно выходили из леса, нехотя занимали свои места на обжигающем, бьющем прямо в глаза ярком июльском солнце. Постепенно польские войска расположились тремя линиями, хотя отчетливо видно было только первую, две же остальные укрывались в тени деревьев не густого леса. В центре общего построения между отрядами польских рыцарей левого фланга и литовско-белорусскими хоругвями правого Витовт разместил отряды из Смоленска. Наиболее ответственный участок союзной армии прикрыли три отборных полка тяжелой конницы под руководством князя Семена Мстиславского, внука великого князя Ольгерда.

По официальной версии, общее руководство объединенными силами союзной армии осуществлял Ягайло. Этот нерешительный, вечно сомневающийся правитель, в последнее время

вдруг ставший человеком экзальтированно набожным, которому уже пошел седьмой десяток и который больше думал о самом себе и своем здоровье, чем о заботах государства. В реальной жизни все действия союзной армии внимательно контролировал, и умело направлял одногодок польского короля, железный князь Витовт, сохранивший к тому времени на удивление крепкое здоровье и необычайную энергию. Польский король, сюзерен Великого княжества Литовского и Русского был занят в этот судьбоносный для обоих государств день преимущественно собой и своим внутренним миром. Глубокие психологические переживания короля хотя и были вызваны предстоящим сражением, но не имели с ним прямой связи. Возникшая глубоко в мозгу Ягайло навязчивая идея о бренности земного существования, о скором конце земной жизни направляла и подталкивала все помыслы короля к Богу. В богоугодном стремлении покаяться и причаститься он перешел разумную грань и начисто забыл о своей миссии на земле, слишком важной, чтобы в самый ответственный момент полностью самоустраниться от прямых обязанностей польского самодержца, верховного князя Литвы и военного руководителя грандиозного карательного похода объединенных сил союзников.

Проведя без малого полдня в непрерывных молитвах, а затем в посвящении двух тысяч молодых воинов в рыцари, Ягайло все никак не мог решиться вступать в бой с могущественными тевтонцами. Польский король до последней минуты надеялся на мир с Ульрихом. Ягайло с каким-то самозабвенным экзальтированным исступлением долго молился, взывая о благодати и милосердии. Словно находясь на полпути к некоему таинственному просветлению, погруженный в глубокий религиозный транс, Ягайло ожидал наступления чуда. И польский король, в конце концов, дождался его. В лагерь прибыли тевтонские парламентеры, но только не с предложением мира, а с изъявлениями претензий. Герольды передали от великого магистра два обнаженных меча с вызовом Ягайло и Витовта

на смертный бой. Парламентеры по поручению Ульриха вели себя вызывающе, откровенно оскорбили и унизили короля. Казалось, Ягайло окончательно впал в некое зловещее оцепенение, полностью парализующее его волю. Многим казалось, что уже ничто и никто не сможет вывести короля из этого плачевного состояния: ни смертельная обида, нанесенная крестоносцами, ни последовавшая за ней смелая атака войск Витовта, ни даже реальная угроза приближающейся катастрофы разгрома союзной армии по частям.

Наступивший день 15 июля 1410 года стал знаменательным событием для всей Центральной Европы, в 14 часов пополудни разразилось беспрецедентное по своим грандиозным масштабам сражение. То была настоящая битва титанов, кровавая бойня славян и литовцев с силами Запада, выяснение отношений обозленных народов с оружием в руках за право свободного, независимого национального развития. Эта битва поистине была судьбоносной, она несла с собой не только военную славу Польше и Великому княжеству, но, что самое главное, открывала победителям большие перспективы, широкую дорогу в великое будущее.

С другой стороны, Грюнвальдская битва как любое крупное сражение, тем более такое масштабное, несло в себе очень высокую степень риска и могло в итоге привести к довольно неожиданным и возможно непредсказуемым последствиям. Изначально Грюнвальд, равно как и вся Великая война в целом, носил характер давнего, глубоко непримиримого конфликта, имел слишком принципиальное значение и отличался чрезвычайной степенью ожесточенности, национальной и религиозной нетерпимостью враждующих сторон.

В этом безжалостном кровавом соперничестве невероятно возрастал риск трагической развязки для многих сотен и тысяч простых воинов, а также их прославленных руководителей. Прежде всего, чрезвычайно возрастала вероятность гибели в бою крупных политических и военных лидеров – главных объектов вражеской атаки с обеих сторон, в том числе как ни-

когда велика была опасность для великого князя Литвы и короля Польши. Последнее обстоятельство абсолютно не волновало Витовта, однако сильно беспокоило Ягайло. Особенно тревожила польского короля опасность смерти с того момента, когда ему стало известно, что великий магистр не намерен допустить его войска к своей столице, и что Ульрих решил во что бы то ни стало дать генеральное сражение союзной армии еще на дальних подступах к Мариенбургу. По сведениям, полученным из достоверных источников, Юнгинген одним мощным ударом намеревался пресечь дальнейшее продвижение войск Ягайло и Витовта, навязать битву, которая в течение одного дня должна решить судьбу всей войны. Ульрих желал продемонстрировать всем монархам и политическим лидерам Европы военную силу Тевтонского ордена, профессиональную подготовку и несгибаемый дух воинов Пруссии и, разумеется, не в последнюю очередь показать западному миру во всей красе свой непревзойденный полководческий талант.

Железный триумвират высших руководителей Тевтонского ордена расчитывал с помощью собственных сил и активной поддержке старых преданных друзей в пух и прах разгромить союзную армию Польши и Великого княжества. Великий магистр Ульрих фон Юнгинген, великий маршал Фридрих фон Валленрод и великий комтур Куно фон Лихтенштейн собирались на полях Пруссии преподнести урок военного искусства восточным варварам. Известие о том, что Ягайло и Витовта Юнгинген намеревается *«в оковах привести туда, куда они так стремятся попасть – в Мариенбург, если, конечно, храбрые орденские рыцари в пылу сражения заслуженно не лишат обоих вражеских лидеров жизни»*, ввергло стареющего и, видимо, по этой причине ставшего мнительным, польского правителя в гнетущее состояние (2). Как говорится, страх смерти хуже самой смерти. Похоже, что в канун Грюнвальдской битвы состояние страха парализовало волю и разум Ягайло настолько, что он физически был не вполне адекватен.

•

Вдруг Ягайло в самый неподходящий момент снова вспомнил о своих обещаниях, которые четверть века назад он дал королевскому совету при получении польской короны, и старые обиды на брата с новой силой захлестнули его помутненное сознание. В нем неожиданно проснулись прежние политические амбиции и желание наказать Витовта прямо сейчас на этом поле, подставив войска брата под немецкие жернова. «*Пусть тевтонцы хорошенько собьют спесь с сына Кейстута, мне же потом легче будет приструнить беспокойного братца, ставшего слишком самостоятельным в последние дни*», – самонадеянно и безрассудно размышлял в этот момент Ягайло.

И случилось самое ужасное, что только могло произойти в ходе сражения - предательство. Больше часа Ягайло удерживал поляков на своих позициях, в то время как Витовт вынужден класть на алтарь великой победы головы своих лучших людей, обильно поливая их алой кровью зеленое поле Грюнвальда. Жестокое сражение стремительно уносило жизни отважных бойцов, смерть направо и налево косила не только лучших, но самых лучших, потому что эти люди не прятались за спины других. В тот день десятки, сотни, тысячи храбрых сынов Великого княжества отдали свои жизни во имя великой победы, их тела остались навечно в чужой земле. Смерть этих людей во многом была на совести Ягайло. Однако страх перед неизбежным наказанием за тяжелые преступления и неправедные поступки, ждущие грешника в иной жизни, привел в чувство польского короля и Ягайло в последний момент, видимо, осознав ужасающие последствия дальнейшего промедления, вводит, наконец, в бой истомившихся в долгом ожидании поляков.

Измученный нравственной борьбой, истерзанный глубокими психологическими переживаниями, король был настолько обеспокоен сохранением собственной безопасности и своей драгоценной жизни, что ни времени, ни желания заниматься разгоревшимся сражением у него просто не было. После того

как Ягайло под давлением польских вельмож, уступая настойчивым просьбам великого князя, наконец отдал приказ об атаке левого фланга союзных войск, король и вовсе самоустранился от командования польскими силами и общего руководства сражением, переложив всю ответственность за исход битвы на плечи Витовта. В тот день Ягайло был по-настоящему озабочен лишь одним – угрозой внезапного тевтонского прорыва в расположение королевской ставки. На протяжении битвы он все время находился верхом на коне в окружении армии телохранителей, и в любую минуту был готов, спасая свою бесценную жизнь, стремглав броситься в паническое бегство.

Полной противоположностью Ягайло в критические часы сражения показал себя Витовт – гордый и смелый воин, талантливый полководец. В ходе переменчивого, слишком тяжелого и непредсказуемого сражения литовский князь был вездесущ, успевал всюду, где требовалась его поддержка и участие. Отважно, словно бог войны, ничего и никого не опасаясь, без всякой охраны, только с несколькими ординарцами-посыльными, периодически меняя сильных выносливых жеребцов, едва выдерживавших дикий темп ездока, Витовт стремительной рысью носился из конца в конец, словно летал по полю Грюнвальда, отдавая ценные указания командирам. Он был тем единственным человеком на пространстве от озера Лаубен и селения Людвиксдорф до Танненберга и Грюнфельда, кто 15 июля 1410 года держал под полным контролем весь ход сражения от начала битвы до ее завершения. Даже в наиболее тяжелые мгновения боя, когда от страшного напора врага не выдерживали самые стойкие воины, трещал и ломался строй, а Ягайло, преследуя собственные цели, долгое время отказывался начинать атаку поляков, надменно наблюдая за истреблением своих союзников, Витовт ни минуты не сомневался в окончательной победе. Великий князь смелыми, решительными действиями и четкими, громкими командами внушал воинам уверенность в своих силах. Они видели отвагу Витовта, чувствовали силу духа, прочный внутренний стержень

этого смелого, решительного человека, верили ему и, не сомневаясь, шли за великим князем на смерть.

Ценность короля Ягайло, по словам Длугоша, приравнивалась к жизни десяти тысяч рыцарей, поэтому, мол, он всю битву провел глубоко в тылу под охраной 60 самых лучших воинов-телохранителей с табуном свежих коней на случай бегства. В отличие от него: «*Витовт, великий князь Литвы, предоставивший охрану своей жизни и свободы одному богу, скакал, разъезжая по всему как польскому, так и литовскому войску, часто сменяя лошадей, с немногими спутниками, но без всяких телохранителей; князь восстанавливал во многих местах расстроенные ряды литовского войска, и возобновлял бой…*», – пишет о Витовте ни кто иной, а сам Ян Длугош, всегда с леденящей прохладой отзывавшийся обо всех, кто не являлся поляком и не принадлежал к избранному самим богом привилегированному шляхетскому сословию (3).

Поле боя Грюнвальда в самых широких местах доходило до 2,5 километров по фронту и простиралось в глубину до 7 километров, уходя под незначительный уклон постепенно возвышаясь к Танненбергу. Протяженность фронта построения войск составляла более двух километров. Несмотря на то, что местность была совершенно открытой, однако не очень ровной с плавными невысокими холмами и отдельными лощинами. По полю всюду были разбросаны небольшие рощицы и отдельно стоящие деревья, на многие из которых к началу битвы вскарабкались люди: то ли любопытные местные жители, то ли орденские стрелки. На эффективность действия кавалерии холмистая местность повлиять не могла, но осуществлять общее руководство, несомненно, затрудняла. Так как не все участки поля хорошо просматривались даже с возвышенностей, Юнгинген повелел людям с хорошим зрением из числа личной охраны взобраться на высокие деревья и вовремя извещать его обо всех изменениях на поле боя.

Есть, пожалуй, один из немногих моментов Грюнвальдской эпопеи, где противоречивые оценки и мнения различных ис-

следователей практически полностью совпадают. Это, несомненно, относиться ко времени построения войск союзников перед готовыми к бою полками тевтонцев и их друзей. Ульрих фон Юнгинген в начальной фазе Грюнвальдской операции допустил роковую ошибку. Вместо того, чтобы сходу атаковать армию Польши и Литвы, в момент вывода ее из леса и построения для боя, когда противник был наиболее уязвим и практически совершенно беззащитен перед лобовым ударом тяжелых рыцарских масс крестоносцев, он почему-то предпочел следовать заранее разработанному плану.

Рано утром 15 июля после ночного отдыха из трех лагерей, расположенных в окрестностях озера Лаубнер, союзные войска походным маршем уверенно выступили в направлении Мариенбурга. Расслабленно перемещаясь отдельными колоннами и небольшими отрядами, союзники при выходе из леса в окрестностях озера были немало удивлены и слегка шокированы неожиданным появлением на своем пути противника. Войскам союзников грозила реальная опасность быть в любую минуту атакованными полностью готовым к бою сильным противником. Действуя, по этой причине несколько заторможенно, союзники медленно выходили из леса и с опаской строились в боевые порядки на глазах у тевтонцев. Они находились под страшным психологическим давлением, прекрасно сознавая, что являются открытой мишенью для выстроившейся практически в двух шагах тяжелой кавалерии врага. Над войсками союзников висела реальная угроза полного уничтожения, задумай рыцарская конница крестоносцев атаковать их в этот момент.

Типично немецкая черта – придерживаться четких правил и соблюдать железный порядок – хорошая в одних случаях, в других она губит. От великого магистра не требовалось большой импровизации, необходимо было только воспользоваться представившимся чудесным моментом, редкой возможностью атаковать практически беззащитных славян, татар и литовцев. Войска крестоносцев, стоявшие на хороших пози-

циях и давно готовые к началу сражения, ожидали только сигнала к битве. Но великий магистр почему-то медлил. Несомненно одно: немедленный бросок вперед лавины крестоносцев смог бы смять, сокрушить, разорвать, а затем окружить, дезорганизовать и уничтожить армию союзников, пока еще не занявшую боевые позиции и совершенно не готовую к отражению удара многочисленной рыцарской конницы. Но Юнгинген был настолько уверен в своей окончательной победе, что не решился пойти в атаку из-за боязни отхода противника назад в лес, где рыцари не могли сражаться, а это означало срыв давно запланированного генерального сражения. Понять действия великого магистра, боявшегося очередного уклонения противника от боя, в этой связи вполне можно, тем более в памяти слишком свеж был недавний урок, преподнесенный Ульриху союзной армией под Древенцей. Великий магистр на этот раз предпочел ждать первого удара со стороны неприятеля, для которого у него был заготовлен большой сюрприз. Ждать Ульриху пришлось томительно долго.

Армия Ордена первоначально выстроилась в три линии. Однако затем, как уже было сказано, чтобы удлинить фронт, выманить противника для атаки, увлечь в заранее приготовленные волчьи ямы, и дать простор для контратаки своей тяжелой рыцарской коннице, на глазах у союзных войск быстро и четко перестроилась в две линии. Ульрих, отведя назад и влево первую линию Валленрода, освободил тем самым часть поля для действий нерешительного врага. После перемещения европейских наемников назад и влево, стоявшие за ними прусские бомбардиры и лучники оказались впереди орденских построений. Теперь они были готовы в любой момент открыть смертоносный огонь по союзным войскам Ягайло и Витовта. Этим маневром крестоносцы максимально растянули свой фронт до двух с половиной километров, предохраняя себя от флангового обхода татар, уже начавших к тому времени опасно перемещаться, явно готовясь к атаке.

На правом фланге, противостоящем полякам, магистр оставил 20 знамен под командованием великого комтура гра-

фа Куно (Конрада) фон Лихтенштейна. Против войск Витовта Ульрих фон Юнгинген расположил не 15, а, как о том сказано выше, более 25 знамен великого маршала Фридриха фон Валленрода. Часть знамен разбитых рыцарских полков, которые захватил в ходе сражения Витовт и вывесил впоследствии в Виленском кафедральном соборе, равно как и знамена, спасенные крестоносцами в ходе битвы, не вошли в описательный перечень Длугоша. Именно по этой причине до последнего времени историки продолжали считать фланг Валленрода состоящим лишь из 15 знамен. Общее руководство боевыми действиями сил Ордена осуществлял сам великий магистр. Он расположился за левым флангом Валленрода на возвышенности у Танненберга с 16 знаменами отборных тевтонских рыцарей, образуя тактический резерв второй линии. Ульрих фон Юнгинген, занимая господствующую над окружающей местностью высоту, внимательно наблюдал за ходом сражения, умело и четко руководил всеми действиями крестоносцев, готовый в любой момент ввести в бой лучшие полки тяжелой орденской кавалерии.

Уставшие от долгого стояния под палящими лучами жаркого июльского солнца, закованные в тяжелую броню, крестоносцы рвались в бой. Ягайло все оттягивал начало сражения и не давал приказа к атаке. Польский король до последнего момента надеялся на мирные переговоры с Орденом, напуганным, как ему казалось, демонстрацией сил войск союзников. Ягайло в создавшейся ситуации использовал любой повод для отсрочки и даже отмены битвы сначала проведением мессы, а затем затянувшимся обрядом посвящения большого количества оруженосцев в рыцари. Это пока было на руку простым воинам союзной армии, так как солнце било прямо в глаза и, несомненно, помешало бы эффективно сражаться.

Однако, когда время начало приближаться к полудню, а предстоящая битва грозила затянуться до глубокой ночи и обернуться самыми непредсказуемыми последствиями, заволновались командиры не только литовско-белорусских, но

и польских подразделений. Если говорить о великом князе, то тот вообще не находил себе места. Витовт был в ярости, рушились все его планы, с каждой новой минутой ожидания таяли большие надежды одним ударом навсегда покончить с мощью жестокого, заносчивого врага. Союзникам и Тевтонскому ордену в такой ситуации могло попросту не хватить оставшегося дня для выяснения отношений в одном сражении. Это грозило превращением стремительной победоносной войны в вялотекущее, позиционное противостояние, рассчитанное на длительную перспективу. Боевые действия могли вылиться в планомерный постепенный захват отдельных территорий и крепостей, что в ближайшем будущем лишь усложнило бы общую координацию боевых действий, привело бы к несогласованности и разногласиям в стане союзников, как это на самом деле и произошло чуть позже под Мариенбургом. Затяжка войны при ведении боевых действий на территории противника являлась вдвойне опасной с точки зрения непредвиденных последствий при вмешательстве в ее ход третьих сил. Продление боевых действий чревато также эпидемиями различных болезней из-за большой скученности людей и недостатка гигиены. Особую тревогу у Витовта и Ягайло вызывала проблема снабжения продовольствием многочисленной армии, при соответствующих умелых действиях тевтонцев (нарушение транспортных коммуникаций, перехват съестных припасов и фуража) она могла стать для нее просто гибельной.

Великий магистр серьезно ошибался, когда думал, что польские рыцари, а вслед за ними литовско-белорусские хоругви в своей обычной горячности немедленно ринуться в бой. Уже почти три часа, как враги выстроились в поле друг против друга, а вперед ни кто из них не идет, выжидая непонятно что или чего, вернее кого. Ульрих не на шутку обеспокоился возможностью подхода дополнительных сил к армиям Ягайло и Витовта, он не исключал, что значительные войска могут прийти из Московского княжества от зятя Витовта князя Василия Дмитриевича. Великий магистр тут же подзывает к себе

помощника и отдает распоряжение. Собираясь открыто оскорбить нерешительного противника и тем самым подтолкнуть Ягайло и Витовта на битву, Юнгинген посылает к ним двух боевых товарищей, знатнейших рыцарей из своей свиты с дерзкими требованиями к руководству противника. Герольд германского императора гербом черного орла, на золотом фоне, изображенным на щите и герцог Казимир из Штеттина с гербом красного грифона на белом поле, спешно направились в ставку польского короля. Беспрепятственно проехав под белым флагом парламентеров по всему полю, искусно миновав волчьи ямы, представители великого магистра пересекли позиции союзных войск, оказавшись в глубоком тылу противника.

В 12 часов дня герольды подъехали к Ягайло, находившемуся в королевской ставке на холме позади своего правого фланга. Спешившись, они передали от магистра два обнаженных меча, вонзив их в землю перед польским монархом и литовским князем. Герольды торжественно объявили, что передают вызов великрго магистра Ульриха фон Юнгингена на смертный бой, а для храбрости передают Ягайло и Витовту мечи с требованием набраться мужества и, наконец, решиться вступить в открытое сражение. Ягайло, который до последнего мгновения надеялся на то, что это все же мирные парламентеры, и что тевтонцы хотят начать переговоры с искренним желанием, забыв все обиды, договориться о мире, а не идти на массовое кровопролитие, был чрезвычайно разочарован таким поступком Ульриха. Герольды, особо не утруждая себя соблюдением правил рыцарского этикета и высокой куртуазности манер, приличествующих столь торжественному случаю, пользуясь дипломатическим иммунитетом, начали дерзко оскорблять противника. Они повели себя в высшей степени грубо и заносчиво, без всякой меры выпячивая превосходство и силу крестоносцев, особо не утруждая себя в подборе почтительных выражений, не соблюдая уважения к сану короля, нагло обвинили его, а также Витовта и все польско-литовское

войско в трусости. Когда же они начали указывать королю Польши, что настоящий мужчина должен выйти в поле и драться, как подобает воину, Ягайло потерял хладнокровие и, пригрозив суровым наказанием, немедленно отправил их с глаз долой назад к Ульриху. Польский король пообещал герольдам, что они горько пожалеют о содеянном и о том, что вообще приняли участие в этом вызывающем фарсе.

После поспешного бегства тевтонских парламентеров, не на шутку испуганных гневом Витовта, в ставке польского короля прошло еще довольно продолжительное время, прежде чем Ягайло окончательно «созрел» и принял «судьбоносное» решение. А пока события развивались следующим образом. Видя, что день постепенно переваливает за вторую половину, стремительно приближаясь к двум часам дня, и что Ягайло явно не намерен принимать решение, Витовт отдает приказ своей армии атаковать врага. Под протяжные звуки труб, грохот и звон ударных первыми в бой ринулись легкие отряды татар под командованием эмира Багар-эд-Дина.

С пронзительным визгом, свистом и улюлюканьем они помчались на противника, но только часть их войск смогла подобраться к вражеским лучникам и бомбардирам, успевшим произвести несколько залпов из пушек, арбалетов и луков. Однако тевтонские стрелки не произвели должного эффекта. Каменные и свинцовые ядра перелетели не только через головы татар, но и через построения остального польско-литовского войска, пока еще стоявшего на прежних позициях, и упали далеко в лесу. Прошедший недавно дождь, с благосклонностью принятый перегревшимися на жарком июльском солнце воинами, с проклятиями был встречен бомбардирами, так как привел в негодность порох. Залпы лучников по преимуществу были преждевременными и в основной массе стрелы просто не долетали до цели. Те из татар, которые, миновав глубокие волчьи ямы, утыканные острыми кольями, добрались до тевтонской пехоты – бомбардиров и арбалетчиков, на славу отвели душу, искромсав всю ее без пощады и жалости до послед-

него человека, порубив словно капусту, разорвав в клочья как бешеные псы.

Подскакав к передним рядам клиньев конницы Валленрода, татары осыпали рыцарей тучей стрел из маломощных легких луков и тут же отступили, не сумев причинить бронированному врагу почти никакого вреда. Татары продолжали кружить рядом, то наступая, то вновь отходя. Они провоцировали особо горячих наемников к атаке, тем самым невольно заставляя их нарушать общий строй. В это время Ульрих фон Юнгинген отдает приказ контратаковать татар и великий маршал опустив забрало и подняв руку, дает знаменам сигнал к атаке. Свесив копья наперевес, рыцари Валленрода все 25 знамен: вначале 15, а затем еще 10 несколькими конными клиньями-лавами двинулись вперед. Шли сначала медленным шагом, а потом, соблюдая строй и набирая ход, постепенно ускорялись все быстрее и быстрее, но разогнаться и перейти на рысь не успели из-за вставших на их пути татар и подключившихся к атаке волынцев.

Ударив с ходу в нестройные ряды легкой кавалерии татар и волынцев, рыцари разорвали их войско на несколько частей. Татары и волынцы, имея преимущество в подвижности и маневренности, пытались организовать отпор, сбить темп вражеской атаки. Они налетали и уходили, обстреливая крестоносцев из луков, но стрелы в основном отлетали от стальных доспехов, не причиняя вреда. Багар-эд-Дин отдает приказ, и тысячи арканов взвились в воздух при новой татарской атаке и десятки, сотни рыцарей полетели с коней на землю, заметно приостановив движение левого фланга Валленрода. Легкие татарские воины подлетали к упавшим рыцарям и на скаку, свесившись с седла, перерезали им узкими кинжалами горло, либо поражали головы крестоносцев стрелами, вонзая их руками в смотровые щели шлемов. Если невозможно было подобраться к хорошо защищенной не только шлемом, но и кольчугой шее врага, волынцы с татарами со всей мочи вонзали свои короткие острые копья в плохо защищенные участки тела ры-

царей. Уязвимые участки находились обычно на стыках железных пластин и там, где были стягивающие перевязи, под руками, по бокам туловища.

Но в этой жестокой схватке трудно пришлось легкой коннице татар и волынцев Витовта. Закованные в броню рыцари легко расправлялись с противником, смерть каждого из рыцарей обходилась потерей от трех до и пяти воинов союзников. Набравшие ход крестоносцы с размаху нанизывали на свои огромные четырехметровые копья, прикрепленные к луке седла, до двух врагов сразу, правда, теряя при этом главное свое преимущество: скорость и способность действовать копьем. Главное наступательное оружие отбрасывалось рыцарями в сторону, и в руки брался обычно либо меч, либо топор. Не успевшие вовремя увернуться, или отойти на безопасное расстояние легкие степняки и волынцы гибли сотнями, раздавленные и затоптанные рыцарской конницей, поражаемые несущимися вслед за рыцарями оруженосцами и лучниками.

Опытный воин и умелый полководец великий маршал Валленрод не ожидал таких больших потерь в схватке с легковооруженными полками; несмотря на оказанное сопротивление все же без труда смял конницу татар и волынцев и теперь шел, продолжая набирать ход, в направлении основных сил Витовта.

Издав оглушительный боевой рев, поддержанный громкими ударами литавр и звуками труб, на поддержку потрепанным татарам и волынцам в бой двинулась сначала первая, затем вся вторая и после того, как к сражению подключились еще десять знамен Валленрода, очень скоро и третья линии литовско-белорусского и русско-украинского войска. Первое столкновение было самым жутким и страшным. Несмотря на невиданный энтузиазм и воодушевление, первые две линии, а затем и третья были постепенно оттеснены назад мощным напором тяжелой рыцарской кавалерии. Перед боем Витовт приказал своим командирам любой ценой выдержать первые мгновения и минуты боя, устоять на месте, удержать вражеский натиск в самый тяжелый и наиболее опасный начальный

период. Когда вся огромная рыцарская масса железного клина с разгона вонзается, необходимо недопустить разрыва собственных плотных рядов и постараться нарушить построения врага.

Выполнить жесткий приказ стоять на своих местах до последнего воина, пока не будет команды на отход, было не так-то просто. Только Семен Лунгвениевич, князь Мстиславский, со своими полками продолжал удерживать первоначальные позиции в центре объединенных войск, не дав союзникам и гостям тевтонцев ударить по польским силам с боку и тыла. Дольше всех хоругвей сопротивлялись Трокские и Виленские, но, в конце концов, и они начали постепенно отходить. Девятнадцать знамен Валленрода продолжали теснить войска Витовта, а шесть окружили три хоругви внука Ольгерда Семена Мстиславского, хотя одна из них была полностью порублена крестоносцами, но двум другим удалось пробиться к правому флангу поляков и надежно прикрыть его. Вот как описывает мужество белорусско-русских полков Длугош: *«В этом сражении русские рыцари Смоленской земли упорно сражались, стоя под собственными тремя знаменами, одни только не обратились в бегство, и тем заслужили великую славу. Хотя под одним знаменем они были жестоко изрублены, и знамя их было втоптано в землю, однако в двух остальных отрядах они вышли победителями, сражаясь с величайшей храбростью, как подобало мужам и рыцарям, и, наконец, соединились с польскими войсками»* (4). Соединившись с польскими войсками и прикрыв их от флангового обхода крестоносцев, смоленские хоругви сыграли чрезвычайно важную роль в ходе дальнейшего развития тяжелого и переменчивого сражения.

Уже прошел целый час после того, как хоругви правого фланга союзной армии сошлись в упорном бою с рыцарями Валленрода. Изнемогая от напряжения, потеряв почти третью часть своих сил, войска Витовта начали постепенно откатываться назад. Уступая настойчивым требованиям Витовта, Ягайло, наконец, дает распоряжение Зындраму вступить

в битву передовым частям польских войск. Все польское войско на одном дыхании запело боевой гимн. Слова «*Богородицы*» дальним эхом разнеслись по окрестным полям и лесам, наводя страх и трепет на все живое. Правый фланг крестоносцев ответил дружно «*Christ ist erstanden*» (*«Господь воскрес»*) и приготовился к атаке. Зындрам повел на крестоносцев 17 хоругвей первой линии поляков. В это же время Ульрих фон Юнгинген отдал приказ к атаке Лихтенштейну. Великий комтур, чтобы не мешать разгону стальных клиньев, ввел в дело сначала половину из своих 20 знамен, а затем оставшиеся десять. Опустив копья навстречу врагу, крестоносцы и польские рыцари почти одновременно ринулись друг на друга, тевтонцы тремя большими отрядами, поляки сплошной плотной массой.

Только после того, как железные клинья великого комтура Куно фон Лихтенштейна ударили по Зындраму, а знамена правого фланга армии Ордена достаточно глубоко увязли и перемешались с воинскими подразделениями первой линии польского войска, Витовт дал сигнал всем своим войскам, кроме смолян, на отход. Более легкая и подвижная, чем европейские рыцари, литовско-белорусская и русско-украинская конница, используя тактику татар, постоянно маневрируя и контратакуя, увлекла за собой в сторону от основного поля битвы 19 знамен Валленрода из 25. Таким образом, Витовт довольно легко заманил в ловушку горячих наемных рыцарей великого маршала. Он умело вел за собой опрометчивых «победителей» туда, где уже давно у литовско-белорусского лагеря их ожидала не просто по-настоящему жестокая битва, а настоящая бойня.

Там, вдали в густом подлеске, справа и слева от неширокой дороги, расположилась тяжеловооруженная татарская конница хана Джелал-эд-Дина с мощными смертоносными луками наготове. Татары находились по маршруту отступления легкой кавалерии Витовта, на пути ведущему к загороженному телегами, неприступному литовско-белорусскому лагерю, превращенному в настоящую крепость, с мощной артиллерией. Непосредственно перед самим лагерем, вернее на подступах

к нему были установлены многочисленные бомбарды. Кочевники на этот раз были полны энтузиазма и отваги, несмотря на большую опасность, грозившую им, решили самым добросовестным образом выполнить указание Витовта: живым из западни никого из рыцарей не выпускать.

После массированного обстрела с безопасного расстояния и вывода из строя большей части врага, татары смело ринулись в рукопашный бой. Осуществляя фланговую атаку, Джелал-эд-Дин постепенно зашел в тыл к европейским рыцарям с последующим полным окружением и уничтожением противника в открытой схватке. То был жуткий, на редкость беспощадный ближний бой, больше напоминавший безжалостную бойню, а не поединок равных по силам соперников. Это зрелище скорее походило на кровавую резню, устроенную опытными хищниками, которые загнали в западню ограниченного пространства обезумевших от страха домашних животных. У степняков были мощные дальнобойные луки, использовавшиеся ими специально против тяжелой конницы врага. Эти луки, как уже было сказано, с близкого расстояния свободно пробивали не только защитное вооружение ордынских, восточнославянских, литовских воинов, но и тяжелые высокопрочные доспехи западноевропейских рыцарей.

Конницу Валленрода татарские бойцы и воины Витовта встретили, как полагается у гостеприимных хозяев, честь по чести со всеми заслуженными почестями. Их ожидали многочисленные подарки, сюрпризы и приятные неожиданности, о них позаботились, словно о самых долгожданных, дорогих гостях. Иначе говоря, западноевропейские наемники получили то, что, собственно говоря, заслужили: кровь, боль и смерть. Сначала, увлеченных преследованием наемников Валленрода встретили татарские стрелы и артиллерия Великого княжества, залпы которой сильно поубавили и без того разряженные татарами плотные ряды крестоносцев. «*Навели немцев на свои гарматы, навевши раскочилися, а тут зараз з гармат дано*

агню, где зараз немцов килка тысячий полегло», – рассказывает «Хроника Литовская и Жмойтская» (5).

Затем вступили в дело тысячи пеших воинов обозного ополчения. Рыцарей, которым посчастливилось прорваться к повозкам, они сбрасывали с коней крючьями, били шестоперами и клевцами, а рогатинами добивали оглушенных вояк. Пехотинцы ломали рыцарям кости цепами, рубили топорами, кромсали кистенями, в щели между лат вонзали длинные узкие ножи или загоняли обломки стрел, резали непобедимое хваленое западное воинство, словно беспомощных поросят к празднику. То, что не успевали сделать лихие татарские воины стрелами, арканами и острыми саблями, завершали крестьяне и горожане. Они убивали всех без разбору, брать в плен имели право только бояре и шляхта, простым людям делать это было совершенно ни к чему. Крестьянина или ремесленника, который, стремясь угодить своему хозяину или командиру, захватит родовитого врага в плен, все равно никто за лишний риск не поблагодарит и денег за выкуп не предложит, а вот завистников среди конкурирующих в отваге и храбрости господ они себе обязательно наживут.

Тем временем на левом фланге союзных войск шел упорный, вязкий бой, длившийся несколько часов с переменным успехом. «*Когда же ряды сошлись, то поднялся такой шум и грохот от ломающихся копий и ударов о доспехи, как будто рушилось какое-то огромное строение, и такой резкий лязг мечей, что его отчетливо слышали люди на расстоянии даже нескольких миль. Нога наступала на ногу, доспехи ударялись о доспехи, и острия копий направлялись в лица врагов; когда же хоругви сошлись, то нельзя было отличить робкого от отважного, мужественного от труса, так как те и другие сгрудились в какой-то клубок и было даже невозможно ни переменить места, ни продвинуться на шаг, пока победитель, сбросив с коня или убив противника, не занимал место побежденного»,* – говорит о битве польский хронист, автор «Истории Польши» (*6*).

Длугош наиболее подробно из всех средневековых историков описывает события Великой войны, правда не по горячим следам, а спустя полстолетия после их свершения на основании рассказов многочисленных участников и очевидцев тех памятных событий, а также используя орденскую хронику Поссильге и некоторые другие исторические свидетельства. Однако по материалам «Истории» Яна Длугоша очень сложно восстановить истинный ход сражения при Грюнвальде, так как в ней отражен сугубо польский взгляд и нет ни одного реалистичного свидетельства о ходе боя со стороны представителей Великого княжества. Длугош открыто и целенаправленно выполнял заказ шляхетского руководства Польши, слишком преувеличивая роль польского рыцарства и преуменьшая вклад восточнославянских, литовских, особенно татарских воинских формирований Великого княжества в достижение общей победы. Все инсинуации Длугоша по поводу повального бегства армии Витовта с поля боя не выдерживают никакой критики в свете новейших исторических данных. Вполне понятно, что подобная трактовка событий была политическим заказом с целью принижения вклада Великого княжества и Витовта в частности в разгром крестоносцев при Грюнвальде.

Историками обнаружено письмо, написанное в 1413 году участником битвы влиятельным и хорошо информированным капитаном наемников. В этом послании к своим боевым товарищам он строго наставляет рыцарей всегда в сражении держать строй и не поддаваться на ложное отступление врага, основная цель которого заманить в ловушку, как это было сделано Витовтом при Грюнвальде. Эти данные, также как, исследования Свена Экдаля перечеркивают голословные утверждения последователей польского хрониста об исключительной роли Польши и Ягайло в исторической победе при Грюнвальде (7). Несомненно только одно: и Великое княжество Литовское, и Польша приложили максимум усилий для достижения общей победы, приуменьшать роль кого-либо из них бессмысленно и глупо, так как друг без друга поодиночке они не смог-

ли бы рассчитывать на успех. Только вместе, объединив силы, Ягайло и Витовт были способны не только оказать достойный отпор возраставшей агрессии Тевтонского ордена, но и навсегда сломать его невероятную военную мощь. Однако добиться окончательной победы над злейшим врагом им так и не удалось из-за многочисленных разногласий и проблем, с головой накрывших амбициозных братьев. Несмотря на обширные политические связи и влияние орденского руководства на ход европейского развития, потомкам Витовта и Ягайло в итоге удастся вполне достойно завершить успешно начатое дело.

Бесспорным является тот факт, что именно Витовту принадлежит заслуга зачинателя того процесса, который положит конец могуществу тевтонцев. Исключительна роль Витовта в Грюнвальдском сражении как полководца, державшего в своих руках все нити сражения, который в решающий момент смог коренным образом изменить весь ход этой поистине великой битвы, окончательно переломив ее в пользу союзников. Витовт, впервые в западноевропейской практике применил масштабное отступление целого фланга, он мастерски заманил тяжелую конницу в умело приготовленную западню, окружил и полностью уничтожил чрезвычайно сильное рыцарское войско противника. Разрушив отвлекающим маневром плотные построения ударной группы Валленрода, Витовт смог истребить значительную часть левого фланга крестоносцев. Затем, дав уставшим людям кратковременный отдых, перегруппировав потрепанные силы, заменив оружие и снаряжение, собрав хоругви в плотный кулак, Витовт нанес контрудар одновременно всеми литовско-славянскими и татарскими полками во фланг и тыл резерва Юнгингена, только что введенного великим магистром в бой. Витовт взял в клещи 16 отборных орденских знамен Ульриха и сжимал кольцо до тех пор, пока не уничтожил цвет тевтонского рыцарства вместе с великим магистром. Этот маневр Витовта в итоге предрешил исход боя при Грюнвальде, так как поляки, имея в общей сложности более, чем двукратное численное преимущество в 51 хоругвь, без

особого труда справились с правым флангом крестоносцев Лихтенштейна, в распоряжении которого было лишь 20 знамен.

Благодаря тактическому гению великого князя была одержана блистательная победа, одна из величайших во всемирной истории человечества, рядом с которой можно поставить лишь Канны. Благодаря тактическому мастерству, находчивости и быстрым маневрам огромных воинских масс правого фланга союзных войск, Витовт в ходе сражения добивался численного перевеса на отдельных участках обширного поля сражения. Великий князь планомерно уничтожал по частям медленно перемещавшиеся рыцарские контингенты тевтонцев и их наемников. Сначала Витовт блестяще расправился с мощной группировкой Валленрода из 25 ударных знамен, заманив большую часть орденских наемников в засаду. Затем он легко разделался и со второй резервной линией крестоносцев под началом Юнгингена из 16 знамен, имея в своем составе 40 литовско-белорусских и русско-украинских хоругвей, а также 2 тумена татар Джелал-эд-Дина.

Однако мы увлеклись, битва была еще в самом разгаре, когда Витовт предпринял свой блистательный маневр, результаты которого проявятся далеко не мгновенно. Ни люди, ни животные не могли выдержать такого длительного напряжения всех сил, физическая и моральная нагрузка была настолько изматывающей, что командующим приходилось на переднем крае постоянно менять войска. Долгой кровавой сечи не смогли вынести чешско-моравские отряды, которые вскоре вообще покинули поле сражения. Они отошли в лес и там, не слушая ничьих приказов, ожидали дальнейшего развития событий. Явно потрясенные ожесточенностью развернувшегося сражения, они, не желали возвращаться в эту безжалостно свирепую мясорубку. Да это и понятно, выдержать натиск атаки рыцарской германской конницы можно было, разве что, успешно используя заградительные повозки, как это делал еще в 1242 году Александр Невский на Чудском озере. Такую тактику впоследствии научились эффективно применять табори-

ты Яна Жижки, видимо, неплохо усвоившие урок Грюнвальда и конкретно тактику Витовта. А теперь только благодаря стараниям королевского подканцлера поляки вернули чехов и моравов на поле боя. Миколай Тромба в довольно грубой, унизительно – оскорбительной форме задел самолюбие и воинскую гордость, обессиленных, насмерть перепуганных наемников.

Польским рыцарям с большим трудом удалось продавить центр построения правого крыла Тевтонского ордена и на какое-то время прорвать линию крестоносцев. Поляки начали с неумолимой настойчивостью продвигаться вперед, пытаясь окружить великого комтура и его ближайших соратников, которые находились в самом центре железного клина. Немцы, не выдерживая все возраставшего давления, понемногу пятились назад, они постепенно все больше и больше уступали поле битвы противнику. Но в это время начали возвращаться отдельные небольшие группы рыцарей разгромленной армии Валленрода. В ходе кровавой бойни, устроенной восточнославянскими, литовскими и татарскими хоругвями правого крыла Витовта, лишь немногим наемникам удалось уцелеть и вырваться из котла. Вместе с сильно поредевшими шестью знаменами, которые не участвовали в преследовании, а надолго увязли в сражении со смолянами, они обрушились на правый фланг и отчасти в тыл воинским построениям Зындрама, внеся кратковременное смятение в ряды поляков. Воины Семена Лунгвениевича – князя Мстиславского – и на этот раз приняли на себя всю силу удара крестоносцев, выдержали этот натиск и не позволили тевтонцам зайти в тыл второй и третьей линиям войск Ягайло.

Наступила кульминация боя. Под напором знамен Конрада фон Лихтенштейна, активизировавшихся при возвращении жалких остатков отрядов великого маршала, в центре польских войск пало большое королевское знамя первой линии. Воины Лихтенштейна в тот момент, конечно, знать не могли, что левый фланг Валленрода разгромлен и рассеян, они думали, что к ним на помощь возвращаются пока лишь первые от-

ряды победителей, а за ними последуют основные силы маршала, уничтожившие армию Витовта. Воодушевленные предвкушением скорой победы крестоносцы дружно грянули *«Христос восстал!»* и их победное пение на некоторое время заглушило шум битвы.

В это время Витовт взял на себя общее командование войсками союзников. Он своевременно двинул в бой вторую линию поляков, которая вместе с полками Смоленска, успешно отбив нападение рыцарей Валленрода, пошла на помощь первой линии. Часть войск второй польской линии, хоругви, которые находились на самом крае левого крыла, не встречая сопротивления, направилась через лес для обхода правого фланга Лихтенштейна с запада. Удар по войскам великого комтура был настолько мощным, что удалось не только выручить королевское знамя с изображением белого орла, которое являлось главным символом и ориентиром для всех польских воинов, но вновь разорвать линию Лихтенштейна и начать окружать ее вдоль леса с правой западной стороны. Под все возрастающим давлением свежих польских сил полки правого фланга орденского войска с неотвратимой неизбежностью начали медленно откатываться назад. Растерявшийся, неспособный что-либо изменить в стремительно уходившей из-под его контроля критической ситуации, великий комтур Конрад фон Лихтенштейн оказался совершенно беспомощен. Вскоре он был вызван на поединок, к этому времени кровавые состязания между знатными воинами противоборствующих сторон разгорелись по всему полю, и погиб в бою от руки польского рыцаря.

Только теперь, когда уже было трудно что-либо изменить, Ульриху фон Юнгингену удалось правильно оценить сложившуюся на поле боя обстановку. Видя неблагоприятное развитие событий на отступающем фланге Лихтенштейна, великий магистр выдвигает свой резерв в 16 знамен и бросает его в атаку, пытаясь охватить поляков с правого фланга и зайти им в тыл. Ульрих, находясь на холмах возле Танненберга, из-за холмов и выступавшего лесного массива слева не мог полно-

стью видеть и правильно оценить очень важные события, происходившие сравнительно близко от его ставки. Юнгинген был совершенно уверен в полной победе войск Валленрода, наемники великого маршала уверенно потеснили армию Витовта, а затем, опрокинув, погнали схизматиков, мусульман и язычников к их лагерям. Вовремя заметив маневр второй линии немецкого построения, наперерез Юнгингену по команде Витовта устремилась третья польская линия, находившаяся до сих пор в тактическом резерве. Вместо разгона и стремительной атаки с ходу всей конной рыцарской массой великий магистр неожиданно приостановил дальнейшее движение знамен. Страшная первым ударом, сметающая все на пути, огромная железная лавина тяжелой конницы вдруг почти остановилась. Ульрих был явно растерян и чем-то сильно расстроен. Вдруг стало ясно, почему так непонятно повел себя великий магистр. На польских позициях со всех сторон раздавались громкие и радостные крики: *«Литва возвращается! Литва идет!»* (8).

На поле боя по распоряжению Витовта стремительно возвращались перегруппированные и вооруженные обновленным оружием белорусские, русские, украинские, литовские, татарские хоругви. Со свежими силами и удвоенной энергией они бросаются на истощенного, измотанного тяжелым боем построения Лихтенштейна, и на свежие, еще не вступившие в сражение, но уже деморализованные отряды главного резерва орденских братьев, ведомые Ульрихом. Началось окружение и безжалостное истребление крестоносцев по всему фронту. Великий магистр, несмотря на безнадежное положение своих войск, охваченных со всех сторон многочисленным врагом, полное отчаяние гостей и друзей Тевтонского ордена, многие из которых поднимали вверх руки, прося пощады, не терял бодрость духа и веры в победу. Понимая, что теперь исход сражения может решить только его поединок с Ягайло, он с несколькими сотнями самых храбрых орденских братьев бросается к месту расположения ставки польского короля. Но

Ягайло со своим окружением находился немного в стороне от направления этой отчаянной атаки немцев.

Чтобы тевтонцы не узнали местонахождение короля и для того, чтобы не привлекать внимание крестоносцев, был спущен малый королевский стяг с белым орлом на красном фоне. В то же время Ягайло в течение всего сражения охраняла большая группа знатных польских рыцарей и молодых отважных воинов-телохранителей.

Вопреки всем мерам предосторожности от общей массы тевтонцев отделилась еще одна группа крестоносцев, вскоре она прорвалась к самому холму, туда, где находился польский король. Из рядов атакующих тевтонцев, по рассказу Длугоша неожиданно вырвался немецкий рыцарь Диппольд Кикериц фон Дибер из Лузации (Лужиц), по другой версии он был мисненским рыцарем, человек безрассудно отважный и решительный. Самоотверженный крестоносец, облаченный в белый плащ с большим черным крестом на плече, был храбрым, доблестным воином, одним из лучших поединщиков Ордена. Прославленный единоборец Диппольд Кикериц фон Дибер являлся неизменным победителем многочисленных турниров, на нем был одет золотой пояс, что подтверждало его исключительно высокий рыцарский статус и предупреждало о многочисленных победах над соперниками. Выставив вперед копье, Диппольд разгоняет коня в полный ход. Он выкрикивает воинственные призывы и во весь опор мчится к королю, вызывая того на смертельный поединок. Ягайло в тот момент наверняка подумал, что его опасения сбываются, однако наперекор всему решил в очередной раз испытать судьбу, тем более что и бежать, собственно говоря, уже было поздно, да и некуда. Несмотря на свое, неизмеримо более высокое социальное положение в сложной системе средневековой иерархии власти, согласно рыцарским правилам даже король обязан был принять вызов от дворянина и вступить в честный бой. Ягайло уже взял копье и развернулся в сторону нападавшего тевтонца, но неожиданно Кикериц был сражен, как нам о том пове-

дал Длугош, графом Збигневом Олесницким – личным секретарем польского короля. Збигнев уложил на землю крестоносца, если верить польскому историку, удачным ударом обломка копья в бок Диппольду. Как такое могло произойти не вполне понятно. Если учесть, что хорошая броня рыцаря, а у Диппольда она, несомненно, была одной из лучших среди тевтонцев, несмотря на потерю во время боя прочного щита, нередко выдерживала прямой удар добротно сделанного, полноценного копья, а не то, что какого-то обломка. Специально изготовленные рыцарские латы обычно заставляли металлический наконечник деревянного оружия скользить по кованым листам доспеха, и копье не причиняло серьезного вреда их хозяину, если только не попадало в решетку шлема или сочленения пластин доспеха. Будем считать, Олесницкому невероятно повезло, он угодил обломком в незащищенное доспехом место под рукой тевтонского рыцаря, там, где находятся ремни соединений лат. В этой ситуации согласно рассказу Длугоша, лишь на мгновение двадцатилетний поляк опередил немца и тем самым спас Ягайло от верной смерти. Упавшего на землю *«белого рыцаря»* тут же безжалостно добили подбежавшие на помощь польские пехотинцы (9).

Резервная ударная группировка из 16 знамен великого магистра Ульриха фон Юнгингена, составлявшая вторую линию орденских войск, и весь правый фланг первой линии под командованием великого комтура графа Конрада фон Лихтенштейна из 20 знамен были окружены по отдельности. Левого фланга первой линии Фридриха фон Валленрода к тому времени уже практически не существовало, он был полностью рассеян и уничтожен, только отдельные небольшие группы рыцарей продолжали отчаянное сопротивление, все же остальные либо сдались, либо смогли пробиться к правому флангу Лихтенштейна или резерву Ульриха. Если значительная часть наемных рыцарей левого фланга, не выдержав ярости сражения, сдалась в плен, то к чести высшего военного руководства и простых братьев-рыцарей самого Ордена, они не поддались

панике, не побежали кто куда в беспорядке, но продолжали сражаться стойко и мужественно до конца во главе с великим магистром. Их поддержали многие отряды и подразделения, набранные в землях прусских комтурств и немецких торговых городов. По словам орденского хрониста Иоганна фон Поссильге, во время этого последнего боя *«великий магистр трижды пробивался со своими силами»* (10) из полного окружения сквозь вражеские ряды на соединение с основными войсками крестоносцев. В пылу ожесточенной битвы на какое-то время даже показалось, что тевтонцы одерживают верх над многочисленными польскими, литовско-белорусскими, русско-украинскими и татарскими хоругвями. Крестоносцы даже снова запели победную песню *«Христос воскрес»* (11). Однако это было больше похоже на предсмертные судороги агонизирующего тела, их ликование было преждевременным, они не смогли долго противостоять нажиму резервной третьей линии поляков вместе с многочисленной пехотой и все прибывавшим хоругвям Великого княжества. Вскоре дезорганизованые войска Тевтонского ордена были полностью окружены, затем плотно зажаты в железные объятия разъяренного противника, и наконец, рассечены на десятки отдельных изолированных групп. Смятенных, растерянных, но продолжавших мужественно сражаться крестоносцев все сильнее сдавливали тиски хоругвей союзников.

Приближался критический момент боя, окружение великого магистра настойчиво предлагало ему не подвергать свою жизнь излишней опасности, немедленно, не теряя ни минуты времени, ради интересов государства бежать, но он гордо ответил: *«Не дай Бог, чтобы я оставил это поле, на котором погибло столько мужей, – не дай Бог»* (12). Смертельно уставший Ульрих фон Юнгинген вскоре был тяжело ранен эмиром Багар-эд-Дином. Татарин лихо налетел на великого магистра, закованного с головы до пят в тяжелую броню, к тому времени окончательно обессиленного многочисленными упорными поединками с лучшими вражескими воинами. Рубка была жесто-

кой и скоротечной. Несмотря на все свое рыцарское искусство и высочайший профессионализм признанного турнирного бойца, Ульрих вынужден был очень скоро уступить ярости и напору молодости. Ловкость, с которой орудовал холодным оружием Багар-эд-Дин, вызывала удивление. Это был один из лучших монгольских воинов, который вполне заслуженно вызывал неподдельное восхищение и гордость своих, невероятную зависть и злобу чужих лихих рубак. Никто до сих пор не мог противостоять мастерству, силе и ловкости необычайно стремительного татарского богатыря, бессилен оказался и великий тевтонец. Силы вскоре начали покидать Ульриха, измотанного долгим сражением и жестоким поединком. На секунду отвлекшись, потеряв концентрацию, великий магистр получил смертельный удар татарского копья, после которого силы окончательно оставили смелого воина, и он рухнул с коня, широко раскинув руки, глухо и тяжело ударившись о землю, упав камнем, словно тяжело раненная птица с большой высоты. Тут же безжалостно добили оглушенного падением великого магистра пехотинцы, так что отважный воин, но слабый полководец страдал не долго. Лишившись своего предводителя, рыцари-монахи потеряли последнюю, хотя бы призрачную надежду на благоприятный исход сражения. Так трагично на пике политической карьеры закончилась короткая жизнь одного из самых могущественных властителей средневековой Европы, жизнь, полная грандиозных, планов и несбывшихся надежд. Рукой татарина был прерван стремительный полет тевтонского ястреба, воинственный дух которого еще долго витал над полями Грюнвальда, полный безграничного отчаяния.

На поле боя все чаще тут и там стали раздаваться возгласы: *«Erbarme mich deiner» – «Пощадите!». «И пришли тогда гости и наемники его (Ягайло) и напали на крестоносцев с одной стороны, а язычники – с другой, и окружили их, и умертвили магистра и великих советников, и всех почти братьев Ордена. И пали знамена магистра и знамена Ордена»*, – удрученно рассказывает Иоганн фон Поссильге (13).

Исход битвы был предрешен, Тевтонский орден ожидал полный разгром, подобный поражению римлян при Каннах. Всех непокорных, слишком храбрых и отчаянных орденских воинов ожидала лишь смерть, наиболее богатых, осторожных и смиренных – унизительный плен. Спасение досталось в этот день немногим счастливчикам – только самым расчетливым и везучим крестоносцам улыбнулась удача. В итоге Орден потерял не только всю армию, но и прежнее влияние в Европе, его международный престиж был навсегда подорван.

Некоторое время крестоносцы отчаянно пытались хоть как-то сдержать неистовый натиск союзников, но к 19 часам были окончательно разбиты. Шесть тевтонских знамен в полном составе в панике бежали с поля боя. Многие крестоносцы, не в силах вырваться из плотного кольца наседавших со всех сторон поляков, белорусов, литовцев, русских, татар, украинцев и, не видя смысла в дальнейшем сопротивлении, предпочли сдаться на милость победителей. Так сдались полякам рыцари Хелминской земли, еще раньше сдали свои знамена европейские рыцари-наемники, которых в живых осталось, как пишут средневековые источники, всего 40 человек. Те из тевтонцев, кому удалось вырваться из окружения, сражались с врагом прямо на дороге, ведущей в Грюнвальд, а также в самом населенном пункте, хорошо укрепленном немецкой пехотой. Там рыцари заняли глухую оборону, прочно закрепившись в обозе. *«Когда они поняли, что им не уйти живыми, рыцари стали формировать защитный круг из своих фургонов. Но и он вскоре не смог спасти их от мечей. Здесь было убито больше рыцарей, чем в любом другом месте на поле боя»,* – так описывает «Хроника конфликта» события завершающего этапа сражения (14). Мощной атакой последняя оборона тевтонцев была сломлена, а немецкие рыцари поголовно перебиты польскими пехотинцами из народного ополчения. Их жестокость объяснялась тем, что простолюдины, а именно из них формировалась польская пехота, не имели право получать выкуп за пленных. Была захвачена большая добыча, в том

числе много бочек вина, которые, по приказу Ягайло и Витовта, разбили, чтобы не спаивать людей. Там, где действовала феодальная польская рыцарская конница, либо элитные подразделения литовско-белорусского боярства, как правило, крестоносцев брали в плен ради выкупа. Вот как описывает окончание битвы Длугош: «*Разграбив вражеский обоз, королевское войско подошло к холму, где раньше находился привал и стан врагов, и, увидев много конных отрядов и клиньев, обращенных в бегство врагов, сверкавших на солнце доспехами, в которые почти все они были одеты. Пустившись по собственному почину преследовать их и вступив в какие-то зыбкие луга, королевское войско бросилось на врагов. Затем, преодолев сопротивление немногих смельчаков, остальных рыцарей (по приказанию короля стараться не пускать в ход оружие) привели невредимыми, без насилия и увечья. Множество врагов захлебнулось в суматохе и давке в пруду, отстоявшем в двух милях от поля битвы. Наступившая ночь прекратила преследование*» (15).

Примечания:

1 – см. текст «Хроники Литовской и Жмойтской».

2 – руководство Тевтонского ордена в борьбе за территории и господство в регионе кроме подкупа, шантажа и открытой агрессии широко применяло тактику психологической войны с использованием различных средств дипломатического давления, религиозного шантажа, соответствующей морально-нравственной обработки и прямого запугивания враждебных политических лидеров. Иногда дело доходило до попыток физического устранения отдельных строптивых руководителей независимых государств, например Витовта, когда он был с дипломатическим визитом у Сигизмунда Люксембурга в Кезмарке накануне подготовки большого похода в Пруссию.

3 – Ян Длугош. Грюнвальдская битва, СПб. 2007, с.101.

4 – Там же, с.102.

5 – см. текст «Хроники Литовской и Жмойтской».

6 – Ян Длугош. Грюнвальдская битва, СПб. 2007, с.101.

7 – см. Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. Т. 1, М., 2005, с. 221; Урбан В. Тевтонский орден. М., 2007, с.312.

8 – сравните Поссильге и Длугоша. J. Possilge. Chronik des Landes Preussen. Scriptores rerum Prussicarum, B. 3, Leipzig, 1866, c.316. Здесь Поссильге ясно и вполне однозначно говорит, что в окружении резерва великого магистра, а также в разгроме армии Ордена принимали участие, как поляки, так и войска Витовта: *«И пришли тогда гости и наемники его* (Ягайло – Н.В.В.) *и напали на крестоносцев с одной стороны, а язычники – с другой, и окружили их, и умертвили магистра и великих советников, и всех почти братьев Ордена».* По рассказу Длугоша возвращение хоругвей Великого княжества могло произойти именно тогда, когда Ульрих повел в атаку свой резерв, так как часть поляков видело крестоносцев Юнгингена, а часть подходящие войска Витовта. Смотрите Ян Длугош. Грюнвальдская битва, СПб. 2007, с.107. Именно поэтому Длугош, основываясь на показаниях очевидцев событий, написал буквально следующее: *«Большая часть королевских рыцарей, увидев войско под шестнадцатью знаменами* (кто и когда из поляков в ходе ожесточенного сражения успел подсчитать какое же количество полков-знамен врага на них движется – Н.В.В.), *сочла его за вражеское (как это и было), прочие же, склонные по слабости человеческой надеяться на лучшее, приняли его за литовское войско* (как это на самом деле видели те, кто наблюдал возвращение хоругвей Витовта – Н.В.В.) *из-за легких копий, иначе сулиц, которые в нем имелись в большом количестве...».* Тевтонцы в бою применяли тяжелые копья, это была их тактика. Исходя из вышесказанного, можно сделать однозначный вывод, что поляки видели атаку тевтонцев из резерва Ульриха и подход воинов армии Витовта практически в одно и то же время.

9 – Ян Длугош. Грюнвальдская битва, СПб. 2007, с.105-106.

10 – J. Possilge. Chronik des Landes Preussen. Scriptores rerum Prussicarum, B. 3, Leipzig, 1866, c.316.

11 – Там же, с.316.

12 – см. Cronica conflictus Vladislai regni Poloniae cum Cruciferis, Scriptores rerum Prussicarum, T.3, Leipzig, 1866.

13 – J. Possilge. Chronik des Landes Preussen. Scriptores rerum Prussicarum, B. 3, Leipzig, 1866, c.316.

14 – см. Cronica conflictus Vladislai regni Poloniae cum Cruciferis, Scriptores rerum Prussicarum, T.3, Leipzig, 1866.

15 – Ян Длугош. Грюнвальдская битва, СПб. 2007, с.109.

Глава 6 (35)

ИТОГИ СРАЖЕНИЯ
ОСАДА МАРИЕНБУРГА
И ОКОНЧАНИЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

«В решающей степени триумфу славян, литовцев и дружественных им наемных подразделений из Чехии, Моравии, Валахии и Золотой Орды на поле Грюнвальда способствовала операция ложного отступления хоругвей правого крыла союзных войск, задуманная и блестяще проведенная Витовтом. Этот маневр позволил великому князю заманить в засаду и разгромить ударный левый фланг тевтонцев, состоявший из цвета европейского рыцарства, которым командовал талантливый полководец великий маршал Валленрод, а затем с помощью польских войск окружить и уничтожить всю армию Тевтонского ордена».

(В.В.Новосельский)

Относительно (учитывая неспокойное время) благополучных европейцев буквально потрясло известие о жутком поражении Тевтонского ордена. Для них это было даже хуже тех страшных, но ставших уже давно привычными сообщений о новых турецких победах, которые им мешали спокойно спать из-за боязни реальной опасности вдруг однажды утром оказаться в плену у восточных завоевателей. Османской угрозе теперь, когда был сломан тевтонский щит, ничего не препятствовало, она увеличилась еще больше и возрастала с каждым днем. Разгром Ордена воспринимался острее из-за того, что, по мнению европейцев, был сломан надежный передовой заслон, в свое время защитивший Европу от монголо-татарского порабощения и балто-славянского проникновения. Одним своим существованием, как считали тогда многие, Орден спас полтора века назад западные страны не только от нашествия Батыя, не рискнувшего связываться с лучшими воинами Запада, но и давления славянских и балтийских народов.

Противник Польши и Великого княжества понес огромные потери: погибло более 50 000 человек, почти 40 000 тевтонских воинов и их союзников попали в плен. Спаслись от преследования от 5 000 до 15 000 орденских воинов, в том числе несколько десятков рыцарей, а также два представителя высшей знати, и только 1 427 из них удалось добраться до столицы тевтонского государства. Об этом мы знаем благодаря сведениям, оставленным Длугошем, а также сохранившимся хозяйственным записям из книги платежных ведомостей Ордена (1). Не все участники Грюнвальда, воевавшие на стороне Ордена, которым удалось спастись от смерти и плена, до конца выполнили свой профессиональный долг, явились в Мариенбург, чтобы защитить от союзников столицу государства крестоносцев. Только части из них с большим трудом удалось добраться до места сбора, объявленного фон Плауэном, получить плату за свой ратный труд и продолжить борьбу. Остальные трусливо укрылись в близлежащих от места сражения крепостях и замках Пруссии, готовя их к сдаче при первом требовании победителей. Генрих фон Плауэн со своими войсками и всеми наемниками, кто изъявил желание сражаться дальше под его руководством, сформировал сильный отряд и приступил к организации обороны Мариенбурга.

«*В этой битве,* – поясняет нам Ян Длугош, – *пало пятьдесят тысяч врагов, взято в плен было сорок тысяч; рыцарских знамен было захвачено, как сообщают, пятьдесят одно; победители весьма обогатились, завладев вражескими доспехами*». Однако заранее снимая с себя всякую ответственность за приведенные цифры, опасаясь, видимо, быть обвиненным в преувеличении масштабов трагедии, постигшей Орден, польский историк спешит сообщить: «*Хотя трудно, я думаю, точно подсчитать, сколько пало врагов, но известно, что дорога на протяжении нескольких миль была устлана телами павших, земля пропитана была кровью убитых, и самый воздух оглашался стонами и воплями умирающих*» (2). Казалось бы, все вышесказанное Длугошем сильно напоминает древне-

греческий миф о героических временах и великих жертвах, грандиозных битвах и потрясающих воображение людских потерях, разве что только без участия богов и сил провидения, попахивая откровенной беллетристикой, сплошными эмоциями, но только не исторической достоверностью. Однако, чтобы мы ни думали по поводу реалистичности приведенных Длугошем данных о потерях тевтонцев при Грюнвальде, не надо забывать, что грамотных людей, способных достоверно зафиксировать происходящие события, тем более таких значимых, как разгром Ордена, в то время было уже предостаточно. Колоссальные потери Ордена, указанные Длугошем, были удостоверены всеми без исключения средневековыми летописцами и писателями-хронистами, но, к сожалению, почему-то не нашли полного научного подтверждения современных ученых и не стали общепризнанным историческим фактом.

Кроме великого магистра, в сражении погибли: великий маршал, великий комтур, главный казначей Ордена – Томаш Мерхейм, великий ризничий (гардиробмейстер) – Альберт фон Шварцберг. Погибли почти все комтуры (командиры больших воинских формирований и правители областей, подчиненных Ордену) и знатные рыцари, которые вышли на эту битву, – всего более шестисот человек феодальной верхушки Европы и Ордена. Были убиты почти все высшие должностные лица Тевтонского ордена, в том числе комтуры Торна – Иоганн фон Зейн, Меве – граф Иоганн фон Венде, Шлохау – Арнольд фон Баден, а также 205 из 250 реально участвовавших в сражении орденских братьев-рыцарей. Всего в Пруссии, по состоянию на 15 июля 1410 года, насчитывалось приблизительно около 700 «белых плащей», но далеко не всем им довелось скрестить в тот день оружие со своим грозным противником. При отступлении был убит командир Тухольского полка Генрих фон Швельбок.

Был взят в плен и обезглавлен по приказу Витовта Бранденбургский комтур Марквард фон Зальцбах (3). С этим человеком князь был знаком давно, по воле судьбы их отношения

постепенно стали довольно близкими и очень теплыми, они даже какое-то время дружили, во всем доверяя друг другу. Особенно их сблизило то полное тревог и больших надежд время, когда они вместе сражались среди бескрайних южнорусских степей против войск прославленного Эдигея, эмира Тимура и хана Золотой Орды Тимир Кутлуя на берегах далекой, мало кому известной реки Ворсклы. Витовт и Зальцбах были среди немногих счастливчиков, которым удалось не только остаться в живых в ходе той страшной бойни, где полегла почти вся стотысячная армия литовского князя и тридцать из пятидесяти принимавших участие в сражении князей, но даже выйти из окружения невредимыми. Несмотря на упорное преследование Эдигеем разгромленного противника на протяжении пятисот верст вплоть до самого Киева захватить Витовта живым или мертвым татарам так и не удалось. Удовлетворив свое непомерное тщеславие безжалостным уничтожением жалких остатков некогда могучей армии Великого княжества, а также добившись денежного выкупа от насмерть перепуганных жителей Киева, эмир повернул монгольских коней домой, хотя, надо сказать, сделал он это далеко не сразу. Человек невероятно целеустремленный в своей упорной азиатской настойчивости, действуя, словно неотвратимый природный катаклизм, как некое наказание Господне за чрезмерную гордыню великого князя, в конце концов, все же увел татар назад в родные степи. Правда, сделал это Эдигей только после того, как окончательно разграбил и превратил, в безжизненную пустыню окрестности матери городов русских. Маркварду фон Зальцбаху – командиру большого отряда тевтонских рыцарей, – по рекомендации папы, принявшему участие в крестовом походе Витовта против татар, также как и великому князю, в тот злополучный день, когда состоялось то ужасное сражение на Воркслe и непомерно длинную, ужасную для них ночь, чрезвычайно повезло. Им, в отличие от большинства воинов и командиров армии Витовта, удалось благополучно унести ноги из той кровавой мясорубки. Хотя и были они на во-

лосок от гибели, а пятки, ох, как прижгло, все же и Зальцбаху и великому князю Литвы удалось избежать татарского плена. Им обоим посчастливилось перехитрить судьбу, избежать унижений: одному из них для истинно грандиозных дел и по-настоящему великих исторических свершений, другому – лишь для нового нравственного позора, стыда поражения и глупой смерти. Слишком необузданный в своей чрезмерной гордыне, самоуверенный немец осмелился публично глубоко оскорбить великого князя, нагло и бесцеремонно насмехаясь над добродетелью матери Витовта, за что и поплатился жизнью.

Только князю Конраду Силезскому и герцогу Казимиру Штеттинскому – тому самому парламентеру, явившемуся с двумя обнаженными мечами от великого магистра, который обвинял польского короля и великого князя в трусости накануне сражения – удалось уцелеть из знатных рыцарей, воевавших на стороне Ордена. *«Армия – как кавалерия, так и пехота – была полностью разбита, потеряв людей, добро и честь. Погибших было больше, чем можно сосчитать. Да сжалится над ними Господь»,* – так горестно вещает нам орденский хронист Иоганн фон Поссильге (4).

Какими бы большими не были материальные потери в живой силе, технике, оружии и вооружении, куда страшнее были для крестоносцев потери в морально-психологическом плане. Идеологические издержки Грюнвальда для тевтонцев были поистине катастрофичными, они были несоизмеримы в сравнении со всеми иными потерями, *канул в Лету* их имидж непобедимых воинов. Крестоносцы много потеряли, прежде всего, в моральном плане, так как с тех пор был навечно похоронен миф о непобедимости Ордена. После этого жуткого поражения, по существу, полного разгрома объединенных военных сил Ордена и Западной Европы навсегда был подорван престиж крестоносного движения, потерян какой-либо интерес к нему, рухнул высочайший международный статус орденской организации, упал авторитет Ордена, как самой влиятельной военной силы запада на востоке. Хваленое западное

рыцарство во главе с непобедимыми тевтонцами проиграло славяно-литовскому и татарскому воинству величайшую битву эпохи заката Средневековья. Не имея моральных сил и материальных возможностей что-либо изменить, Орден был вынужден в итоге смириться со своей печальной участью и навечно уйти в прошлое.

Союзным войскам пришлось заплатить за долгожданную победу высокую цену. Как оказалось, потери в живой силе были огромными не только в войсках тевтонцев, но и у их противников. Особенно много полегло воинов в литовско-белорусской армии, что для Витовта было самым большим потрясением и одной из главных причин преждевременного ухода от стен Мариенбурга. Оказалось, что число погибших, искалеченных и раненых среди воинов Великого княжества, принявших на себя основной удар отборных стальных рыцарских клиньев Ордена, было несравненно большим, чем у поляков. Летописи и хроники той эпохи говорят нам, что Витовт не досчитался от одной трети до половины своих воинов, а это свидетельствует о колоссальных невосполнимых потерях, гибели как минимум 30-35 тысяч лучших людей Великого княжества. Главную вину за неоправданно высокие жертвы Витовт справедливо возлагал на Ягайло, умышленно сдерживавшего вступление польской армии в бой. Обида и разлад в стане союзников в итоге сыграли на руку Генриху фон Плауэну, сумевшему свести грандиозную победу союзников к скромным результатам Торнского мира. У поляков потери были несоизмеримо меньше, погибло не более 5 тысяч человек и то в основном пехоты, немногим больше было серьезно раненых. Если учесть невосполнимые потери Ордена, указанные Длугошем, в 50 тысяч, то общее число погибших с обеих сторон доходила до 90 тысяч человек, и приблизительно столько же было раненых. В рукопашном средневековом сражении без интенсивного применения артиллерии, как правило, число раненных превышает число убитых в несколько раз, но Грюнвальд являлся битвой, далеко выходившей за обычные рамки. По своей неве-

роятной жестокости, беспрецедентной озлобленности битва не знала себе равных на протяжении не только Средневековья, но и всей предыдущей истории человечества. Только одно из самых кровавых столкновений далекого прошлого периода упорной войны Римской Республики с непобедимым карфагенским полководцем Ганнибалом – знаменитые Канны (5) – могло сравниться с нею. Нелишне еще раз задуматься о причинах, породивших столь нетерпимое отношение соседних народов друг к другу, и о последовавшем всплеске невероятной злобы, вылившимся в невиданное побоище. Конечео случившееся во многом обязано тяжелейшим взаимным обидам, накопившимся за долгие десятилетия многовекового противостояния. Великая война 1409–1411 годов и Грюнвальдское сражение, как ее кульминационная наивысшая точка, были достойным ответом Витовта и Ягайло на захватнические действия Ордена. Знаменитое сражение 1410 года стало образцом тактического мастерства Витовта, примером мужества и героизма поляков, литовцев, русских, украинцев, татар, особенно белорусских воинов, хоругви которых внесли решающий вклад в разгром умного и жестокого противника. Грюнвальд явился закономерным результатом нескончаемых мелких войн и пограничных стычек германских и балто-славянских народов, был итогом долгого противостояния Тевтонского ордена Польше и Великому княжеству.

Хотя кавалерийские части союзников гнали разбитого врага на расстоянии 25–30 километров, стратегического преследования организовано не было, и это в итоге спасло Орден от неминуемого полного разгрома. Вместо этого польские и литовско-белорусские, а также русско-украинские и татарские войска бездарно потеряли уйму времени, находясь, согласно древней традиции, в знак закрепления одержанной победы целых три дня на поле боя Грюнвальда. Так называемое вынужденное «*стояние на костях*» армий союзников позволило комтуру Генриху фон Плаэну, взявшему на себя обязанности великого магистра Ордена, организовать полноценную защиту Мариенбурга.

Обвиняя Ягайло и Витовта в полном бездействии после одержанной победы, и чрезмерной медлительности на пути к Мариенбургу современные исследователи забывают о реальности. Видимо легче считать, что союзная армия представляла собой небольшое войско, которое легко перемещалось по территории Пруссии, вместо того, чтобы задуматься о тех грандиозных потерях, которые понесли Польша и особенно Великое княжество. Вынужденые, согласно христианской традиции, собирать и хоронить не только своих павших воинов, но и погибших солдат противника, а также ухаживать за многочисленными раненными и пленными славяне, литовцы и татары были вконец измотаны. Массовое захоронение такого огромного количества погибших (необходимо было придать земле почти 90 тысяч тел) являлось делом далеко не легким. В итоге для этого победителям потребовалось масса физических усилий, а по времени не менее трех дней, тем более что согласно принятой церковной традиции и существующего погребального обряда похороны проводятся лишь на третий день после смерти покойника. Кроме того, требовали серьезного ухода и заботы десятки тысяч раненых, значительная часть которых не дожила до рассвета следующего дня из-за полученных повреждений. Многих раненых не успели подобрать и унести в укрытие до наступления темноты еще в день сражения. Очень много погибло от переохлаждения в эту первую ночь во время сильного ледяного ливня, либо просто захлебнулось в потоках воды на низких заболоченных местах. Тяжелораненые, покалеченые воины с перебитыми ногами и руками, не в состоянии самостоятельно перемещаться, гибли в образовавшихся лужах как беспомощные слепые котята. В конце концов, все раненые вместе с сопровождающими их частями охраны были отправлено на лечение домой.

Конечно, Ягайло и Витовту можно было оставить под Грюнвальдом большую часть изможденных войск, а с наиболее боеспособными отрядами гнать тевтонцев до самого Мариенбурга. Но как раз таких относительно свежих полков, не

измотанных тяжелым сражением, которые еще были способны на длительное преследование врага и ускоренное перемещение на большое расстояние, к концу битвы, видимо, уже не было.

Только 25 июля 1410 года союзная армия достигла Мариенбурга, потратив целую неделю на преодоление пути в сто километров. Однако столица Тевтонского ордена к этому времени была хорошо подготовлена к длительной осаде. Генрих фон Плауэн, оставленный в свое время Ульрихом фон Юнгингеном далеко в тылу на случай прорыва войск Ягайло и Витовта вглубь территории Пруссии, с максимальной эффективностью для Ордена и несомненной выгодой для себя, воспользовался неторопливостью Ягайло и Витовта. Узнав о поражении, комтур Свеца собрал более 5 тысяч воинов и направился к столице. Он сжег все городские постройки Мариенбурга и заперся в неприступном замке, заблаговременно обеспечив свой гарнизон на довольно продолжительное время продовольствием, военным снаряжением, орудиями и боеприпасами. Союзные войска с учетом традиционного трехдневного «*стояния на костях*», то есть когда победители остаются на месте сражения в ожидании новых сил противника, хоронят мертвых, поднимают на ноги раненых, делят трофеи, потеряли на короткую дорогу от Грюнвальда до Мариенбурга целых десять дней. Подошедшие союзные войска приступили к осаде замка, но, даже имея многочисленную артиллерию, не могли принудить немецкий гарнизон к сдаче. Нанести противнику серьезный урон не удавалось, тевтонцы имели заметное техническое превосходство, их мощные дальнобойные пушки причиняли большой ущерб войскам союзников. Несмотря на то, что в руки союзников попала «Бешенная Грета» самое мощное орудие тевтонцев на тот момент в мире (в этой связи необходимо сказать, что со временем османы сумеют изготавливать подобные сверхмощные чудо пушки, и это значительно ускорит их продвижение в Европу), они так и не смогли разрушить замковые укрепления Мариенбурга и ворваться на территорию крепо-

сти. Пушкари смогли лишь повредить столовую крестоносцев, находившуюся в главной башне замкового комплекса.

Вскоре на помощь Плауэну подошли отдельные знамена Ливонского ордена, хотя и не многочисленные, но вызвавшие сильную тревогу Витовта. Великий князь опасался, что крестоносцы Ливонии могут ударить по землям княжества, ведь срок в три месяца после расторжения мирного договора, который он подписал с магистром Ордена, уже истек. Витовт начал усиленные поиски контактов с руководством крестоносцев для возобновления переговоров. Он добился двухнедельного перемирия в обмен за пропуск ливонского маршала с отрядом в Мариенбургский замок. Тем временем среди осаждавших Мариенбург союзных войск начались болезни (дизентерия). Не дожидаясь начала разгула эпидемии, возможно по некоторым другим, неизвестным нам, но вполне допустимым с политической точки зрения причинам (например, тайному соглашению великого князя с магистром Ливонского ордена, через посредничество ливонского маршала, умолявшего Витовта выйти из войны) 11 сентября Витовт прекращает осаду и покидает Пруссию. Скорее всего Витовт, убедившись лишний раз на поле Грюнвальда в ненадежности Ягайло, опасался теперь в случае захвата Мариенбурга чрезмерного усиления Польши и возрастания ее давления на княжество. Желая на этот раз избежать полного крушения Тевтонского ордена, он решает продемонстрировать ливонцам, строго выполнившим условия прежнего договора, свою к ним если не дружбу, то очевидную лояльность. Уже 20 сентября 1410 года снимает осаду и Ягайло. К этому времени большая часть прусских замков была занята гарнизонами Польши и Великого княжества. Так, в замках Балга, Ортельсбург и Растенбург находились привлеченные Витовтом прусские витинги, которые поклялись в верности великому князю Литвы и Руси.

С большим почетом возвратившихся победителей встретили у себя на родине в Польше и Великом княжестве, повсюду торжественно звенели колокола в храмах. Народ ликовал,

наконец-то была одержана долгожданная победа над злым, беспощадным врагом. Однако ни Польша, ни тем более Великое княжество к тому времени еще не располагали регулярными армиями и вынуждены были собирать ополчения лишь на определенный, весьма ограниченный срок. К тому же союзники не были способны обеспечить всем необходимым временные гарнизоны, оставленные в завоеванных замках Пруссии. Все это, наряду с умелым руководством, которое уверенно осуществлял энергичный Генрих фон Плауэн, позволило Тевтонскому ордену привести в порядок финансы, частично восстановить вооруженные силы и возвратить один за другим подавляющую часть крепостей. После месячного перемирия, объявленного сторонами 9 декабря 1410 года, вновь собранные по призыву Ягайло и Витовта армии возобновили боевые действия в январе 1411 года. Основные сражения завязались возле Быдгоща. В это время на территорию Великого княжества, оставленную без прикрытия, вторглись войска Ливонского ордена, магистр которого, в связи с нарушением Витовтом сепаратных договоренностей вынужден был сделать то, что на его месте сделал бы любой другой человек, облеченный высшей властью в Ливонии. Война проходила на удивление вяло без патриотического воодушевления и морального подъема, чувствовалось повсеместное безразличие и всеобщая усталость. Вскоре Тевтонский орден полностью вытеснил со своих земель союзнические гарнизоны.

1 февраля 1411 года в Торне был заключен мир, согласно которому Орден выплачивал Польше контрибуцию в размере 100 тысяч коп грошей, передавал ей навсегда Добжинь, а Жемайтию возвращал Великому княжеству на время жизни Ягайло и Витовта. Блистательная победа при Грюнвальде была сведена к смехотворным результатам Торнского мира, едва компенсировавшим простые затраты на войну. Однако людские и моральные потери крестоносцев по итогам беспрецедентного по своим масштабам Грюнвальдского сражения были столь велики, что это уже никогда не позволило

Тевтонскому ордену вернуть прежнее могущество и явилось началом его гибели.

Таким образом, несмотря на отдельные ошибки военной кампании 1409 – 1411 годов, ярко выразившиеся в несогласованности действий руководства союзной армии при осаде Мариенбурга, объединенными усилиями славян, литовцев, татар и наемников было нанесено историческое поражение тевтонцам при Грюнвальде – Танненберге, которое навсегда предопределило дальнейшую судьбу Ордена. Благодаря высокому боевому духу, беспримерной отваге и самоотверженности десятков тысяч простых воинов удалось одержать немыслимую по понятиям средневековой военной практики победу над лучшей армией военных специалистов – отборными рыцарями, собранными со всей Западной и Центральной Европы. Этим поражением был нанесен непоправимый моральный и материальный урон Ордену. Крестоносцы понесли невосполнимый урон в живой силе, восстановить который они уже не смогут больше никогда. Сама эпоха крестовых походов и духовно-рыцарских орденов безвозвратно уходила в прошлое. Перспектива быть убитым на поле брани ради высокой религиозной идеи не прельщала больше европейскую аристократическую молодежь знатнейших феодальных родов. Наступали новые времена. Возрождение и Реформация меняли отношение к Богу, религии и самому человеку. Казалось, что не руками притесняемых народов, а справедливым решением самой истории была подорвана ужасающе неслыханная мощь полностью милитаризованного, созданного по казарменному образцу военного государства, беспринципных, жадных и жестоких рыцарей-монахов с их железной дисциплиной и четкой иерархией подчиненности. Ордену не пошла впрок военная помощь Европы. В решающей степени триумфу славян и литовцев на поле Грюнвальда способствовала блестяще проведенная Витовтом операция ложного отступления, предпринятая хоругвями правого крыла союзных войск. Этот маневр позволил заманить в засаду значительное количество крестоносцев, раз-

валить наиболее боеспособный ударный левый фланг тевтонцев, а затем полностью окружить и уничтожить всю армию Тевтонского ордена.

Крестоносцы Пруссии лучшие воины средневековой Европы, прикрывающиеся вывеской служения Богу и католической религии, ставили перед собой вполне земные цели – распространение могущества духовного братства Тевтонского ордена на все негерманские земли, находящиеся на востоке, севере и юге. Завоевание чужих территорий и подчинение его населения своей власти, а не служение Богу было основной целью ставшего непобедимым, а поэтому чрезвычайно опасного для всех соседей государства-агрессора. Однако нашлась сила, сломавшая хребет страшному тевтонскому чудовищу. Эту могучую силу возглавили Ягайло и Витовт – умные, здравомыслящие люди с балто-славянской кровью в венах. Мудрыми людьми все-таки были внуки Гедимина сыновья Ольгерда и Кейстута, сумевшие стать выше собственных сиюминутных амбиций, позабыть раздоры ради главной общей цели – победы над сильным опасным врагом, угрожавшим свободе и независимости их государств. Наконец-то уровень тактического мастерства наиболее талантливого из них великого князя Витовта, осуществившего неслыханную по дерзости блистательно организованную операцию при Грюнвальде, сравнялся с его недюжинным стратегическим мышлением выдающегося правителя.

Глубокий природный ум в тесном сочетании с психологической устойчивостью, великолепной выдержкой и трезвым расчетом позволили Витовту стать одним из наиболее выдающихся правителей современности. Свой стойкий бойцовский характер он выработал годами упорных тренировок, вынужденных лишений и самоограничений. Из выдающихся современников рядом с ним можно было поставить не много неординарных личностей такого же значительного масштаба. Вровень с ним мог стать разве что хромой воитель из Самарканда, могущественный повелитель Азии, «*потрясатель Вселенной*»,

великий и несравненный «*завоеватель половины мира*» – Тамерлан. И только ряд ошибок, допущенных литовским князем из-за чрезмерной самоуверенности и неуемной гордыни своей в бурные годы стремительного политического и военного расцвета Великого княжества, не позволили ему стать самым могущественным правителем в истории человечества. Холодный душ поражения на Ворскле возвратил Витовта с небес на грешную землю ближе к реальности. Большинство тактических просчетов, в том числе немецкие дела, были допущены Витовтом во времена, предшествовавшие окончательному сближению с Ягайло. Эти ошибки долго не давали ему покоя, отзываясь внутренней болью. Однако настоящей трагедией для Витовта и всего Великого княжества явилась река Ворскла, воды которой надолго охладили воинственный пыл неудавшегося завоевателя. Бессмысленная потеря в далеких южнорусских степях Дикого Поля практически всей армии явилось главным отрезвляющим фактором, который надолго остудил горячую голову Витовта, одурманенную несбыточными полуфантастическими проектами. Ошеломляющее поражение вернуло самоуверенного правителя к жестокой реальности. Великое княжество в кровавом поединке с Золотой Ордой лишилось не просто цвета литовско-белорусского воинства во главе со своими удельными князьями, но реальной защиты от посягательств на свою свободу и независимость со стороны воинственных соседей. Это жестокое поражение стало для Витовта по-настоящему судьбоносным событием. Оно заставило литовского правителя не только коренным образом изменить направление внешней политики Великого княжества, но во многом пересмотреть свои жизненные ориентиры. Даже характер Витовта претерпел в эти годы существенные изменения: князь стал осмотрительнее в выборе друзей, значительно сдержаннее, расчетливее вел себя при вступлении в политические альянсы, был как никогда прежде скрытен в отношении новых задумок и долгосрочных планов. Витовт отлично понимал, каких великих перспектив лишился в тот злополучный день

у берегов Ворсклы от рук чрезвычайно коварного, умелого и умного противника. Оказавштс на грани полного краха национальной государственности, он сумел собрать в кулак всю свою волю и мужество и начал заново постепенно, но уверенно возвращать утраченные позиции. Победи он тогда на Ворскле Тимир-Кутлуя, без промедления вступив в сражение с хитрым ханом, а затем, одолев подошедшего Эдигея, конечно, в том случае, если бы тот решился на конфронтацию, а не на примирение с великим князем, Витовт вскоре неминуемо столкнулся бы и самим Тамерланом. Материальные и людские ресурсы Золотой Орды, Северо-Восточных русских княжеств, союзной Польши, дружественных на тот момент руководителей Ордена и стран Западной Европы давали Витовту неоспоримые преимущества перед Тамерланом. Имея за своей спиной такую серьезную силу, литовский князь мог не сомневаться в победе над «непобедимым хромцом», а затем и над турками, что позволило бы Витовту затмить славу Тамерлана, стать вместо него величайшим завоевателем не только Азии, но и Европы, истинным *«потрясателем Вселенной»*. Можно только предполагать о беспредельном могуществе того государственного образования, которое могло возникнуть в результате всех этих побед. Размеры нового государства по своим масштабам могли быть вполне сопоставимы с империей Александра Македонского, Римской империей, либо Арабским Халифатом в годы их максимального расцвета. Не всем грандиозным планам дерзновенного литовского гения суждено было сбыться, однако, несмотря ни на что, только одной совместной с Ягайло блестящей победой при Грюнвальде, он навеки вписал свое имя золотыми буквами в пантеон самых выдающихся людей всемирной истории, сохранив о себе вечную память благодарных потомков. Без поражения на Ворскле возможно не было бы победы при Грюнвальде. Воинственный Витовт, опираясь на мудрую политику предков, верный заветам Гедимина, Ольгерда и Кейстута, сумел заложить прочный фундамент будущего могущества Великого княжества Литов-

ского и Русского. В тесном союзе с Ягайло он нанес такой тяжелый удар общему врагу, от которого Орден вплоть до своего окончательного падения уже никогда не будет в состоянии оправиться. Другой вопрос – насколько успешно смогли потомки Витовта распорядиться его достоянием, столь обширным и богатым наследством, незаслуженно попавшим этим людям, и так легкомысленно рассеянным ими. Наследники Витовта недооценили реальную хрупкость колоссального богатства и неограниченного могущества, так легко доставшегося им, но которое требовало изо дня в день большого труда по поддержанию его в целости и сохранности на должном экономическом и военном уровне. Слишком велики были заботы, ложившиеся на плечи новых правителей по сохранению прежней высокой боеспособности, достигнутой при Витовте по охране нескончаемых границ обширных территорий Великого княжества, экономическому благополучию и процветанию государства. Оставленный без должного внимания, пущенный на самотек, этот процесс, усугубленный междоусобной борьбой, привел Великое княжество вначале к стагнации, а затем к окончательному упадку. Даже такое сильное и процветающее государство, каким оставил после себя Великое княжество Витовт, настоятельно требовало к себе со стороны власть предержащих чрезвычайно бережного отношения, огромного внимания и заботы. Обширные восточнославянские земли Великого княжества, населенные белорусами, украинцами и русскими, со временем были отторгнуты Москвой. Литовские князья и белорусское боярство, постепенно теряя былое могущество, начали принимать католичество. Закабаленное православное население в итоге попало в полную зависимость от католической Польши, ее короля и многочисленной шляхты.

Примечания

1 – <u>О больших потерях</u> Ордена при Грюнвальде косвенно свидетельствуют документы, связанные с деятельностью Генриха фон Плауэна на посту великого магистра. Так после Грюнвальда он до-

носил папе римскому, что в битве пало 13 тысяч «христиан», имея в виду крестоносцев, братьев и полубратьев Ордена. Конечно, магистр для умаления последствий поражения, понесенного тевтонцами 15 июля 1410 года, сильно уменьшил цифру убитых. Если же учесть, что кроме крестоносцев, было убито много других простых воинов и наемников, то мы легко приближаемся к круглой цифре указанной Длугошем в «Истории Польши» в пятьдесят тысяч павших воинов. Удивляться здесь нечему, так как достверные факты огромных потерь побежденных в условиях полного окружения противником, (см. Канны) нам известны давно и это стало примером несомненного тактического мастерства и полководческого искусства выдающихся руководителей армий победителей.

2– Ян Длугош. Грюнвальдская битва, СПб, «Наука», 2007, с. 109.

3 – Маркварл фон Зальцбах – с 1396 по 1401 годы комтур Рагнеты, затем с 1402 по 1410 годы комтур Бранденбурга.

4 – J. Possilge. Chronik des Landes Preussen. Scriptores rerum Prussicarum, B. 3, Leipzig, 1866, с. 317.

5 – Канны, крупнейшая битва II Пунической войны, состоялась в 216 году до н.э. на территории Аппенинского полуострова. Канны вошли в анналы истории как вершина военного искусства всех времен и народов, яркий образец тактического мастерства Ганнибала – гениального полководца Древнего мира. Вдвое превосходящая по численности первоклассная, превосходно оснащенная и прекрасно вооруженная, лучшая на тот момент в мире армия Римской Республики была разбита наемными войсками ливийцев, нумидийцев и кельтиберов. Римляне в этом бою были не просто наголову разгромлены, но окружены и полностью истреблены Эта красивая победа была одержана благодаря высочайшему тактическому мастерству Ганнибала, умелому расположению карфагенских войск, грамотному руководству ходом сражения, своевременным перестроениям подразделений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПРИ НАПИСАНИИ РАБОТЫ И СОСТАВЛЕНИИ ПРИМЕЧАНИЙ

1. Алексинский Д. П., Жуков К. А., Бутягин А. М., Коровкин Д. С. Всадники войны. Кавалерия Европы. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2005.
2. Антонович В. Б. Очерки истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Выпуск 1. Киев: Типография университета, 1878.
3. Антонович В. Б. Монография по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. Киев: Типография Федорова, 1885.
4. Балязин В. Н. Неофициальная история России. Время Рюриковичей и первые Романовы. М., 2008.
5. Баннет М., Брэдбери Дж., Де-Фрай К., Дикки Й., Джестайс Ф. Войны и сражения средневековья 500 – 1500 гг. М., 2007.
6. Барбашев А. И. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). СПб.: Типография Скороходова, 1891.
7. Барбашев А. И. Витовт: Последние двадцать лет княжения, 1410 – 1430. СПб.: Типография Скороходова, 1891.
8. Барг М. А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973.
9. Бахтин А. П. Тевтонский орден как фактор становления Московского государства. Калининградские архивы. Материалы и исследования. Калининград, 2001.
10. Беднов В. А. Православная церковь в Польше и Литве. Мн., Лучи Софии, 2002.
11. Беларуская энцыклапедыя. Т. 1–13. Мн., 1996-2002.
12. Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 1–2. Мн., 1959.
13. Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995.
14. Блок М. Апология истории. М., 1986.
15. Бокман Х. Немецкий орден. М., 2004
16. Бохан Ю. Оружие Великого княжества Литовского 1385 – 1576. Минск: Беларусь, 2003.
17. Брайс Дж. Священная Римская империя. М., 1891.
18. Буровский А. Несбывшаяся Россия. М., 2007.
19. Быков А.В., Кузьмина О.В. Эпоха Куликовской битвы. М., 2004.
20. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. – Изд-во Московского Ун-та, 1987.
21. Вейс Г. Всеобщая история мировой культуры. М., 2007.
22. Виоле-ле Дюк Э.Э. Жизнь и развлечения в Средние века. СПб., 1997.

23. Военная энциклопедия. Т. 1–14. СПб., 1910–1914.

24. Восточная Пруссия с древнейших времен до окончания Второй мировой войны. Калининград, 1996.

25. Гісторыя Беларусі. Мн., 1998.

26. Гісторыя Беларусі. Ч. 1–2. Мн., 2000.

27. Гісторыя Беларусі. Ч. 1. Са старажытных часоу да канца XVIII ст.: курс лекцый / І.П.Крэнь і інш. Мн., 2000.

28. Гісторыя Беларускай ССР. Т. 1. Мн., 1971; Т. 2. Мн., 1972.

29. Гордеев А.А. История казачества. М., 2008.

30. Горелик М.В. Средневековый монгольский доспех. Улан-Батор, 1978.

31. Горелик М.В. Армия монголо-татар X – XIV вв. М., 2002.

32. Грегоровиус Ф. История города Рима в средние века. Т. 3. СПб., 1904.

33. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.: Богородский печатник, 1998.

34. Греков И.Б., Шахмагонов Ф.Ф. Мир истории: Русские земли в XIII – XV веках. М., 1988.

35. Гринблат М.Я. Белорусы: Очерки происхождения и этнической истории. Мн., 1968.

36. Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. Т. 1, М., 2005.

37. Да пытання этнічнай прыналежнасці ліцвінау. Мн., 1994.

38. Дайви М. Эволюция войн. М., 2009.

39. Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского. Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). СПб., 1993.

40. Девриз К., Дикки Й., Догерти М., Джестайс Ф., Йоргенсен К., Павкович М. Великие сражения крестоносцев 1097 –1444. М., 2009.

41. Девриз К., Догерти М., Дикки Й., Джестайс Ф., Йоргенсен К. Великие сражения средних веков 1000 – 1500. М., 2007.

42. Дельбрюк Г. Всеобщая история военного искусства в рамках политической истории. М., 2008.

43. Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии. Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1984.

44. Д'Оссон К. История монголов от Чингисхана до Тамерлана. Иркутск, 1937.

45. Документы и материалы по истории Белоруссии. Т. 1. Мн., 1952.

46. Доунар-Запольскі М.В. Гісторыя Беларусі. Мн., 1994.

47. Дюпюи Э. и Дюпюи Т. Всемирная история войн. Книга вторая 1400 – 1800. Харперская энциклопедия военной истории с комментариями издательства «Полигон». СПб./М., 1997.

48. ДундулисБ.И. Дипломатическая и вооруженная борьба Литвы против Тевтонского ордена и ее союз с гуситами в 1410 – 1422 гг. Автореферат кандидатской диссертации. Вильнюс, 1955.

49. Ефимова Е. Рыцарство. М., 1914.

50. Жарков С.В. Рыцарская конница в бою. М., 2008.

51. Жарков С.В. Рыцарские ордена в бою. М., 2008.

52. Жарков С.В. Военное искусство рыцарей. Мн., 2007.

53. Жарков С.В. Средневековая пехота в бою. М., 2008.

54. Жарков С.В. История создания рыцарских орденов и каталог холодного оружия, снаряжения рыцарей средневековой Европы. Брест: Академия, 2005.

55. Жарков С.В. Рыцарские замки, метательные машины и пушки Средневековья. Мн., 2006.

56. Заборов М. А. История Крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.

57. Заборов М. А. Папство и крестовые походы. М., 1960.

58. Зутис Я. Грюнвальд – конец могущества Тевтонского ордена. Исторический журнал. 1941, № 9.

59. Иванов Н.М. История Литовско-Русского государства в именах и датах (Держава Гедиминовичей). СПб.: Книга, 2003.

60. Ігнатоускі У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мн., 1992.

61. Игошина Т.Ю. Государь вопреки идеологии: верховный магистр Тевтонского ордена// Королевский двор в политической культуре Средневековой Европы: теория, символика, церемониал. М., 2004.

62. Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М., 2004.

63. История Белорусской ССР. Мн., 1977.

64. История дипломатии. Т.1, М., 1959.

65. История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992.

66. История Италии. Т. 1. М., 1970.

67. История Литовской ССР. Вильнюс, 1981.

68. История Отечества; люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991.

69. История Польши. Т.1, М., 1954.

70. История средних веков. Под ред. Колесницкого Н.Ф. М., 1980.

71. История СССР с древнейших времен до наших дней. В двух сериях, в 12 т., Т.2, М., 1966.

72. История Франции. Т 1. М., 1972.

73. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М., 2009.

74. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Полное издание в одном томе. М., 2008.

75. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

76. Кёнигсбергер Г. Г. Средневековая Европа, 400–1500 годы: М.; 2001.

77. Киприянович Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейших времен. 2-е доп. изд. Вильно: Типография Благомовича, 1899.

78. Ковалевский М.М. Экономический рост Европы. М., 1898 – 1903, т. 1-3.

79. Колесницкий Н. Ф. Священная Римская империя: притязания и действительность. М., 1967.

80. Колесницкий Н. Ф. Феодальное государство. М., 1967.

81. Косминский Е. А. Историография средних веков. М., 1963.

82. Котов А. С. Трансформация психосоциальных установок братии Тевтонского ордена в Пруссии XIII–XV вв. и процессы модернизации европейского общества в раннее Новое время//Полидисциплинарные технологии исследования модернизационных процессов. Под ред. Б. Г. Могильницкого, И.Ю.Николаевой. Томск: Изд.-во Томского ун-та, 2005.

83. Коцебу А. Свидригайло, Великий князь Литовский, или дополнение к истории Литовской, Российской, Польской и Прусской. Перевод с немецкого, СПб.: Типография МВД, 1835.

84. Кравченко С. И. Кривая империя. Правдивый курс истории государства Российского. М., 2007.

85. Крауцевіч А. Стварэнне Вялікага княства Літоускага. Мн., 1998.

86. Кром М. М. Россия и Великое княжество Литовское: два пути в истории. Английская набережная 4. Санкт-Петербергское научное общество историков и архивистов. СПб., 2000.

87. Лависс Э. Очерки по истории Пруссии. М., 1915.

88. Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

89. Литвин И. Затерянный мир, или малоизвестные страницы белорусской истории. (электронная версия).

90. Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.:МГУ, 1994.

91. Лозинский С. Г. История папства. М., 1986.

92. Любавский М. К. Очерк истории Литовско–Русского государства до Люблинской унии включительно. 2-е изд. М.: Московская художественная печатня, 1915.

93. Марков М. И. История конницы. Кн. 1. От Древней Греции до изобретения огнестрельного оружия. М., 2007.

94. Материалы энциклопедического словаря Ф.А.Брокгауза и И. А. Ефрона. М., 2000 – 2009, Библиотека «Вехи».

95. Мифтахов З. З. Курс лекций по истории татарского народа (1225 – 1552 гг.). Казань, 2002.

96. Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 1. Мн., 1994.

97. Немецкий город XIV–XV вв. Сост. В.В.Стоклицкой-Терешкович. М., 1936.

98. Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974.

99. Окшотт Э. Оружие и военные доспехи Европы. С древнейших времен до конца Средневековья. М., 2009.

100. Пашуто В. Т. Борьба прусского народа за независимость (до конца 13 века)//История СССР, 1959, №6.

101. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997.

102. Петрушевский Д. М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1903.

103. Пичета В.И. История беларуского народа. Минск: БГУ, 2003.

104. Покровский М.Н. Русская история. В 3 т. Т. 1, СПб., 2002.

105. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), Т. 32. М., 1975; Т. 35. М., 1980.

106. Похлебкин В.В. Татары и Русь. М.: Международные отношения, 2000.

107. Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. 2, выпуск 1: Западная Русь и Литовско-Русское государство. М: Соцэкгиз, 1939.

108. Разин Е.А. История военного искусства. В 5–ти т., Т.2, М.,1994.

109. Рубцов Б.Т. Гуситские войны. М., 1955.

110. Руа Ж.Ж., Мишо Ж.Ф. История рыцарства. М., 2007.

111. Рыцарские ордена: с крестом и мечом. М., 2004.

112. Сагановіч Г. Нарыс гісторыі Беларусі. Мн., 2001.

113. Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981.

114. Славянский мир. Энциклопедический словарь. М., 2001.

115. Соколов Б.В. Сто великих войн. М., 2005.

116. Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. История России с древнейших времен. Кн. 2, Т. 3–4, М., 1988.

117. Смирнова Е.Д., Сушкевич Л.П., Федосик В.А. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Словарь-справочник. 2-е издание, исправленное. Минск: Беларусь, 2001.

118. Старажытная беларуская літаратура. Мн., 1990.

119. Сто великих битв. Под ред. Мячина А.Н. М., 2005.

120. Тарас А.Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством литовским и Речью Посполитой в XIV – XVII веках. М., Мн. 2008.

121. Татаро-монголы в Азии и Европе. Под ред. С.Л.Тихвинского. М.: Наука, 1977.

122. Тевтонский орден. Крах крестового похода на Русь. М., 2005.

123. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

124. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 2006.

125. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 1–6. Мн., 1993-2002.

126. Уотт У. Монтгомери. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.

127. Урбан В. Тевтонский орден. М., 2007.

128. Филиппов Б., Ястребицкая А. Европейский мир X – XV вв. М., 1995.

129. Фон Винклер П. П. Оружие. М., 1992.

130. Функен Ф., Функен Л. Средние века. VIII -XV века: Доспехи и вооружение – Крепости и осадные машины – Рыцарские турниры и гербы. М., 2002.

131. Хёйзинга Й. Осень Средневековья. М., 1995.

132. Хрестоматия по истории средних веков. Под ред. С.Д.Сказкина. Т. 2, М., 1963.

133. Хроника Быховца. Пер. Н.Н.Улащика. М., 1966.

134. Хроника Литовская и Жмойтская. ПСРЛ, Т. 32. М., 1975.

135. Чешихин Е. В. История Ливонии с древнейших времен. Рига: Типография Липинского. Том 1 – 1884. Т. 2 – 1885. Т. 3 – 1887.

136. Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев: Наукова думка, 1987.

137. Шабульдо Ф. М. Витовт и Тимур: противники или стратегические партнеры? Вильнюс, 2000.

138. Шерр И. Германия. История цивилизации за 2000 лет. В 2-х т., Т. 1, Мн. 2005.

139. Широкорад А. Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М., 2007.

140. Широкорад А. Б. Русь и Литва: Гедиминовичи против Рюриковичей. М.: Вече, 2004.

141. Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Том 2: Русь и Литва. СПб., 1999.

142. Эпоха крестовых походов. Под ред. Лависса Э. и Рамбо А. М., 2005.

143. Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, «Наука», 2007.

144. Annalista Thorunensis. Scriptores rerum Prussicarum, t. 3, Leipzig, 1866.

145. Burleigh M. Prussian Society and the German Order: An Aristocratic Corporation in Crisis, c. 1410 – 1466. Cambridge, 1984.

146. Bradford Ernle. The Knights of the Order. New York: Dor-set Press, 1972.

147. Dlugosz J. Banderia Pruthenorum. Wyd. K. Gorski, Warszawa, 1958.

148. Dlugosz J. Historiae polonicae libri 12. Opera omnia, Cracoviae, 1867.

149. Dlugosz J. Vitae episcoporum Poloniae. Opera omnia, t. I, Cracoviae, 1863.

150. Erich Maschke. Der Deutsche Ordensstaat. Gestalten seiner grossen Meister.Hamburg 1935.

151. Eubel C. Hierarchia catholica medii aevi. Monasterii, 1898.

152. Gravett Cb., McBride A. German Medival Armies 1300 – 1500. London, 1994.

153. Gravett Cb., McBride A. Knights at Tournament, London, 1995.

154. Hopkins A. Knights, London, 1996.

155. Kuczynski S. Wielka wojna z Zakonem Krzyzackim w latach 1409 – 1411. Wyd. nowe, Warszawa, 1960.

156. Krzyzakow do Polski, t. 1, Malbrok, 1996.

157. Lowmianski H. Poczatki spoleczenstwa i palstwa litewskiego, U. 1 – 2. Wilno, 1931 – 1932.

158. Pamietnik Zakonu Krzyzackiego o wypadkach zasztych na Zmudzi w 1409 r. Monumenta medii aevi hislorica, t. VI, Cracoviae, 1882.

159. Paprocki B. Herby rycorstwa polskiego. Krakyw, 1858.

160. Possilge J. Chronik des Landes Preussen. Scriptores rerum Prussicarum, B. III, Leipzig, 1866.

161. Potkowski Edward. Grunwald 1410. Krakow, 1994.

162. Potkowski Edward. Zakony rycerskie. Warszawa, 1995.

163. Tumler M., Arnold U. Der Deutsche Orden. 1986.

164. Voigt J. Namencodex der deutschen Ordens-Beamten. Konigsberg, 1843.

165. Wolff J. Ryd Gedymina. Krakyw, 1886.

166. Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Ksiestwa Litewskiego 1386—1795. Krakyw, 1885

167. Maurer R. Urzednicy kancelaryjni Wladyslawa Jagielly. Warszawa, 1877.

168. Cronica conflictus Vladislai regni Poloniae cum Cruciferis. Scriptores rerum Prussicarum, B. III, Leipzig, 1866.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Список великих князей Литовских

Миндовг 1236 – 1263 (1195 ? – 1263)
Тройнат 1263 – 1264
Войшелк 1264 – 1267 (1223 – 1267)
Шварн (Сварн или Сваромир) 1267 – 1269/70
Тройден 1269/70 – 1282

Далее согласно Тарасу А.Е. правил Лютувер 1282 – 1293 и Витень 1293 – 1316

Согласно профессору Эдвадасу Гудавичюсу

Домант 1282-1285
Довмонт Бутигейд 1285-1291
Бутвид 1291-1295
Витень 1295-1316

Начиная с вступления Гедимина на пост главы Великого княжества и вплоть до Люблинской унии 1569 года времени вхождения литовско-белорусского государства в состав Речи Посполитой, разночтений в именах великих князей и годах их правления нет. Итак, далее правил:

Гедимин 1316 – 1341 (1270 – 1341)
Евнут (младший сын Гедимина) 1341 – 1345 (приблиз.1308 – 1366)

Ольгерд – один из сыновей Гедимина вместе с родным братом Кейстутом, насильственно захватив в 1345 году Виленский трон, лишили малоспособного к управлению огромной страной Евнута великокняжеский власти. Ольгерд и Кейстут мирно и безболезненно поделили между собой отцовское наследство. Они условно разделили страну на две равные половины – западную и восточную. У каждого из братьев была своя зона ответственности в едином неделимом государстве: Кейстут оборонял от Тевтонского ордена западные и северные рубежи огосударства, Ольгерд защищал от татар и расширял территорию княжества за счет восточнославянских земель на юге и востоке. Братья стали равноправными соправителями в землях Великого княжества, постоянно помогали друг другу и никогда не вступали в военные конфликты между собой.

Ольгерд 1345 – 1377 (1296 – 1377), а также его соправитель –великий князь Кейстут 1345 – 1382 (1298 – 1382).

Ягайло был старшим и любимым сыном Ольгерда от второй жены Ульяны Тверской. С 1377 по 1381 год Ягайло вместе с Кейстутом управлял Великим княжеством Литовским и Русским, но с 1381 года отстранен Кейстутом от великокняжеской власти из-за сговора племянника с Орденом, однако спустя год Ягайло сумел не только вернуть власть, но и жестоко расправиться с дядей. Ягайло с 1382 по 1392 год с переменным успехом пытался с помощью одних братьев против других править в раздираемой внутренней междоусобицей стране. Это продолжалось до тех пор, пока Ягайло не передал сначала наместничество, а затем пожизненную великокняжескую власть в литовско-белорусском государстве Витовту сыну Кейстута, сохранив при этом за собой сюзеренитет и титул верховного князя. С 1386 по 1434 годы Ягайло под именем Влпдислава II – король Польши. Годы жизни Ягайло-Владислава 1350 – 1434.

Витовт 1392 – 1430 (1350 – 1430)

Свидригайло (младший сын Ольгерда) 1430 – 1432 (1370 – 1452)

Сигизмунд (младший сын Кейстута) 1432 – 1440 (1365 – 1440)

Казимир IV (сын Ягайло) 1440 – 1492 (1427 – 1492), король Польши с 1447 года.

Ян Ольбрыхт (сын Казимира IV) 1492 – 1501 (1459 – 1501)

Александр (сын Казимира IV) 1492 – 1506 (1461 – 1506), король Польши с 1501 года.

Сигизмунд I «Старый» (сын Казимира IV) 1506 – 1548 (1467 – 1548), король Польши с 1507 года.

Сигизмунд II Август (сын Сигизмунда I) 1529 – 1572 (1520 – 1572), король Польши с 1548 года, король Речи Посполитолй с 1569 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Список веиких магистров Тевтонского ордена

Братство немецких страннопримцев
Резиденция – Аккон (Акра, Сен Жан д'Акр) в Палестине (до 1230 г.)
Сибранд (Сигибрант, Зибранд, Зигебрант) 1190
Герард 1192
Генрих, приор 1193 – 94
Ульрих 1195
Генрих, прецептор 1196

Рыцарский (военный) орден
Генрих (Герман) Вальпот (Вальпото, Вальпоте, Вальботе) 1198 – 1200
Отто фон Керпен 1200 – 1208
Генрих (Герман, Герберт) фон Тунна по прозвищу Барт 1208 – 1209
Герман фон Зальца 1209 – 1239

Резиденция – замок Монфор/Штаркенберг в Палестине (1230 – 1271)
Конрад Тюрингский 1239 – 1240
Герхард фон Мальберг (смещен рыцарями) 1240 – 1244
Генрих фон Гогенлоэ (Годефридус Гоэлох) 1244 – 1249
Гюнтер фон Вюллерслебен 1249 – 1252
Поппо фон Остерна 1252 – 1256
Анно фон Зангерсгаузен 1256 – 1273

Резиденция – Аккон (Акра, Сен Жан д'Акр) (1271 – 1291)
Хартманн фон Гельдрунген 1273 – 1282
Бурхард фон Шванден (Бургардус де Сванден) 1282 – 1290

Резиденция – Венеция (1291 – 1309)
Конрад фон Фейхтванген (Фойхтванген) 1291 –1296
Готфрид фон Гогенлоэ 1297 – 1303
Зигфрид фон Фейхтванген (Фойхтванген) 1303 – 1311

Резиденция – Мариенбург в Пруссии (1309 – 1457)
Карл фон Триер (Каролус де Тревери) 1311 – 1324
Вернер фон Орслен (Орзельн) (убит братом-рыцарем) 1324 – 1331
Лютер фон Брауншвейг 1331 – 1335

Дитрих фон Альтенбург (Теодорикус де Альтенбурк) 1335 – 1341
Людольф Кениг 1341 – 1345
Генрих Дуземер 1345 – 1351
Винрих фон Книпроде 1352 – 1382
Конрад Цолльнер фон Ротенштайн 1382 – 1390
Конрад фон Валленроде 1391 – 1393
Конрад фон Юнгинген 1393 – 1407
Ульрих фон Юнгинген (убит при Грюнвальде) 1407 – 1410
Генрих фон Плауэн (смещен рыцарями) 1410 – 1413
Михаэль Кюхмейстер (Михель Кюхмайстер) 1414 – 1422
Пауль фон Руссдорф 1422 – 1441
Конрад фон Эрлихсгаузен 1441 – 1449

Резиденция – Кенигсберг в Восточной Пруссии (1457 – 1525)
Людвиг фон Эрлихсгаузен 1450 – 1467
Генрих Ройс фон Плауэн 1469 – 1470
Генрих Реффле фон Рихтенберг 1470 – 1477
Мартин Трухзес фон Ветцгаузен 1477 – 1489
Иоганн фон Тифен 1489 – 1497
Фридрих Саксонский (фон Заксен) 1498 – 1510
Альбрехт Гогенцоллерн фон Бранденбург-Ансбах 1511 – 1525
Резиденция – Мергентгейм во Франконии (1525 – 1809)
Вальтер фон Кронберг 1527 – 1543
Вольфганг Шуцбар по прозвищу Мильхлинг 1543 – 1566
Георг Гунд фон Венкгейм 1566 – 1572
Генрих фон Бобенгаузен 1572 – 1590 (1595)
Максимилиан Австрийский 1590 (1595) – 1618
Карл Австрийский 1619 – 1624
Иоганн Евстахий (Ойстах) фон Вестернах 1625 – 1627
Иоганн Каспар фон Стадион (Штадион) 1627 – 1641
Леопольд Вильгельм Австрийский 1641 – 1662
Карл Иосиф Австрийский 1662 – 1664
Иоганн Каспар фон Ампринген 1664 – 1684
Людвиг Антон фон Пфальц-Нейбург 1684 – 1694
Франц Людвиг фон Пфальц-Нейбург 1694 – 1732
Клеменс Август Баварский (фон Байерн) 1732 – 1761
Карл Александр Лотарингский (фон Лотринген) 1761 – 1780
Максимилиан Франц Австрийский 1780 – 1801
Карл Людвиг Австрийский 1801 – 1804

Резиденция – Вена в Австрии (начиная с 1809 года по настоящее время) Никакого политического влияния с тех пор не имеет.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Боевая песня братьев Ордена святой девы Марии Тевтонской

Оригинал

Christ ist erstanden
Von der Marter alle.
Des solln wir alle froh sein,
Christ will unser Trost sein.
Kyrieleis.

Waer er nicht erstanden,
So waer die Welt vergangen,
Seit dass er erstanden ist,
So lobn wir den Vater Jesu Christ.
Kyrieleis.

Halleluja,
Halleluja,
Halleluja.
Des solln wir alle froh sein,
Christ will unser Trost sein
Kyrieleis.

Перевод на русский язык

Христос Воскрес
После всех мучений.
Мы все должны возрадоваться этому,
Христос станет нашим утешением.

Господи, помилуй!
Если бы он не воскрес,
То мир бы перестал существовать.
С тех пор, как Он воскрес,
Мы хвалим Отца Иисуса Христа.
Господи, помилуй!
Аллилуия (Хвалите Бога),
Аллилуия,
Аллилуия.

Мы все должны возрадоваться этому,
Христос станет нашим утешением!
Господи, помилуй!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научно-популярное издание

НОВОСЕЛЬСКИЙ Валерий Владимирович

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА
1409 – 1411 ГОДОВ
Грюнвальдская битва

Ответственный за выпуск:
С.В.Грушецкий

Подписано в печать 14.07.2010 г. Формат $60x80^1/_{16}$.
Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 16,85. Уч.-изд.л. 15,95. Тираж 315 экз. Заказ 0976.

ООО «Элайда». ЛИ № 02330/0494496 от 08.04.2009.
Ул. П.Бровки, 30-12, 220013, Минск.
www.navaselsky.com
(8-029) 660-5-777

Отпечатано в типографии ОАО «Промпечать».
ЛП № 02330/0494112 от 11.03.2009.
Ул. Черняховского, 3, 220049, Минск. Тел. 262-91-76.

ISBN 978-985-6753-80-3
9 789856 753803